

40

24 037

МЛТВА

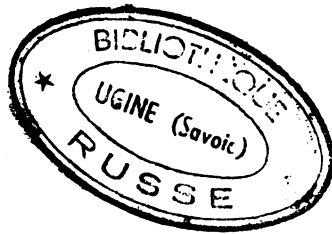
Ко стѣмъ Григорію Бѣослѣвѣ.

составленна стѣмъ Куріллоу епѣкпомъ Моравскимъ, оучителемъ Славѣнскимъ.

СѢ стѣлю Бѣжій Григоріе Бѣослѣве! ты тѣломъ члвкъ вылъ еси, житіемъ же дѣгъ гавѣлса еси, оустѣ бо твоѣ гѣкш Серафимъ хвалѣньми Бѣга прослѣвиша, правобѣрнаѣ же твоѣ оучѣнїѣ вселѣннѣю просвѣтиша: молю оубо тѣ, прїимї и мене припадѣющѣ къ Тебѣ съ вѣрою и любѣвію, и бѣди мї оучитель и просвѣтитель.

Бѣписано иъ четїи минѣи Маїѣ дї днѣ на листѣ сѣ на сѣоротѣ.

037

ТВОРЕНІЯ
СВЯТЫХЪ ОЦЕВЪ.

ТВОРЕНІЯ

ИЖЕ ВО СВЯТЫХЪ ОТЦА НАШЕГО

ГРИГОРІЯ БОГОСЛОВА,

АРХІЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО.

Часть первая.

МОСКВА

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
ПРИ Императорской Медико - Хирургической Академіи.
1843.

88 G 86

JP
v 1

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Декабря 7-го дня 1842 года.

Московская Духовная Академія.

*Цензоръ, Иосифова Волоколамскаго Монастыря
Архимандритъ Леопитъ.*

С Л О В О 5,

ВТОРОЕ ОБЛИЧИТЕЛЬНОЕ

НА ЦАРЯ ЮЛІАНА.

Итакъ словомъ моимъ совершенъ и оконченъ первый подвигъ. Ибо довольно показалъ я злонравіе челоуѣка (а), изобразивъ, что онъ намъ сдѣлалъ, и что могъ еще сдѣлать, непрестанно выдумывая что нибудь болѣе тягостное, нежели настоящее. Теперь предназначу уже другую цѣль слову, которую едва ли и предназначалъ кто себѣ, цѣль священнѣйшую предъ Богомъ, пріятнѣйшую для насъ, полезнѣйшую для потомковъ, — присовокупить къ сказанному и то, какъ правдивы вѣсы Божіи, и какія воздаянія находятъ для себя нечестіе, то немедленно, то въ скоромъ послѣдствіи времени, какъ это угодно бываетъ (полагаю я) Художнику — Слову и Распорядителю дѣлъ нашихъ, Который знаетъ, когда загладить бѣдствія милостію, а когда вразумить дерзость посрамленіемъ и казнями, употребивъ

(а) Юліана.

извѣстныя Ему мѣры исправленія. Но кто вполне изобразить болѣзни, по суду Божию постигающія нечестивыхъ, терзанія, не остающіяся втайнѣ, другія различныя пораженія и казни, соразмѣрныя преступленіямъ, необыкновенные случаи смерти, признаніе вины среди самыхъ страданій, бесполезное раскаяніе, вразумленія въ сонныхъ мечтаніяхъ и свыше посылаемая видѣнія? Или тѣ ясныя и очевидныя доказательства гнѣва Божія, которыя видѣли на себѣ дерзновенные, осквернившіе Божіи храмы, или поругавшіеся надъ священными трапезами, или оказавшіе свое неистовство на таинственныхъ сосудахъ, ненаказанно пожиравшіе нашу плоть и отважившіеся на все прочее? Но я съ намѣреніемъ умолчу о семъ, не потому, чтобы не вѣрилъ видѣнному и рассказываемому, или приписывалъ событія одному стеченію обстоятельствъ или случаю, какъ представляютъ себѣ нѣкоторые безразсудно, но дабы не подумали, что останавливаюсь на маловажномъ, опустивъ болѣе важное и особенно замѣчательное. Начну же рѣчь съ извѣстнаго всѣмъ чуда, которому вѣрятъ самые безбожники.

Какъ волны воздвигая на волны, съ каждымъ днемъ больше неистовствовалъ противъ насъ вознеистовствовавшій сперва на самаго себя (б), поправшій святыню и *Духа благодати укоривый* (Евр. 10, 29.), сей (приличнѣе сказать) Иеровамъ, или Ахаавъ Израильянинъ (беззаконнѣйшіе изъ людей), или Фараонъ Египтянинъ, или Наву-

---

(б) Разумѣется Юліанъ.

ходоносоръ Ассиріанинъ, или, всѣ сіи имена соединивъ вмѣстѣ, назовемъ его одного. Ибо кажется, что онъ совмѣстилъ въ себѣ пороки всѣхъ: отступничество Іеровоамово, непотребное убійство Ахавово, ожесточеніе Фараоново, святотатство Навуходоносорова и нечестіе всѣхъ вообще. Испытавъ надъ нами все прочее и презрѣвъ другіе роды мучительства, какъ нѣчто малое и незначительное (ибо не было существа способнѣе его изобрѣтать и выдумывать зло), онъ наконецъ возбудилъ на насъ Іудейскій народъ, употребивъ въ орудіе своего коварства давнее легкомысліе его и, издавна въ немъ таящуюся, ненависть къ намъ. Скрывая свои замыслы подъ видомъ благоволенія къ Іудеямъ, онъ доказывалъ изъ ихъ книгъ и таинствъ, что теперь настало предопредѣленное время вступить имъ въ свою землю, возсоздать храмъ и возстановить силу отеческихъ обычаевъ. Когда же выдумалъ сіе, и ихъ убѣдилъ въ этомъ (ибо все пріятное легко увлекаетъ въ обманъ); Іудеи, какъ бы воспрянувъ, замыслили о храмѣ, дѣятельно и ревностно стали трудиться надъ дѣломъ. Нѣкоторые съ удивленіемъ рассказываютъ, что и жены ихъ не только, снявши съ себя всѣ украшения, охотно жертвовали ими въ пользу дѣла и трудящихся, но и сами на рукахъ своихъ носили землю, не щадя ни дорогой одежды, ни нѣжныхъ членовъ, признавали труды свои дѣломъ благочестія, а все прочее ставили ниже своего предпріятія. Когда же, устрешенные внезапно сильнымъ вихремъ и землетрясеніемъ, устремились къ одному изъ ближнихъ храмовъ, одни для молитвы, другіе, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ

случаяхъ , ища спасенія , гдѣ пришлось , иные же увлечены были общимъ смятеніемъ , вмѣшавшись въ толпу бѣгущихъ : тогда , по словамъ нѣкоторыхъ , храмъ ихъ не принялъ . Идя къ отвореннымъ вратамъ , нашли , что онѣ затворены какою-то невидимою силою , которая чудодѣйствуетъ подобнымъ образомъ , чтобы привести нечестивыхъ въ ужасъ , а благочестивыхъ въ безопасность . Но всѣ уже говорить и удостовѣрены , что когда усиливались войти , изъ храма вышелъ огонь , и однихъ пожегъ и потребилъ (такъ что съ ними случилось нѣчто подобное постигнутому Содомлянъ , или чуду , совершившемуся съ Надавомъ и Авудомъ , которые воскурили чуждый огонь , и погибли необычайно) , а другихъ , изувѣчивъ , оставилъ живымъ памятникомъ Божія гнѣва и мщенія на грѣшниковъ . Такъ сіе было , и всякій долженъ вѣрить сему , равно какъ и другимъ Божиимъ чудесамъ . Еще же удивительнѣе и очевиднѣе для всѣхъ былъ свѣтъ на небѣ , изображавшій Крестъ . Сіе начертаніе и имя , которое прежде презираемо было на землѣ безбожными , дѣлается нынѣ для всѣхъ равно видимымъ на небѣ , и служить знаменіемъ Божіей побѣды надъ нечестивыми , предпочтительно предъ всякимъ другимъ побѣднымъ знаменіемъ .

Что скажутъ на сіе мудрецы вѣка сего , которые у насъ хвалятъ свое , носятъ длинныя бороды и влачатъ по землѣ нарядныя плащи свои ? Рассказывай вмѣсто сего свое и ты , пишушій длинныя рѣчи , составляющій невѣроятныя исторіи , устремляющій взоръ къ горнему , перетолковывающій небесныя знаменія и по движенію звѣздъ заключающій о

183.
 Ав. или
 Св. Карена
 Сомѣна
 и Карена

рожденіяхъ и другихъ происшествіяхъ ! Говори мнѣ о своихъ звѣздахъ , о вѣнцѣ Аріадниномъ , о власахъ Вероникиныхъ , о похотливомъ лебедѣ , о нагломъ тельцѣ и , если хочешь , о твоємъ зміе-держцѣ (в), о козерогѣ , о львѣ и о всѣхъ другихъ , которыхъ ты , зная по злодѣяніямъ , сдѣлалъ или богами , или звѣздами. Гдѣ найдешь такой кругъ въ своей математикѣ? Гдѣ найдешь звѣзду , которая бы шла впереди съ востока къ Виелеему путеводительницею и покровительницею твоихъ волхвовъ? Я могу сказать нѣчто о небесныхъ знаменіяхъ: та звѣзда открыла пришествіе Христово , а сія (г) была вѣнцемъ Христовой побѣды.

Вотъ что скажу о небесномъ и горнемъ , которое , по великому согласію и сродству всего , участвуетъ въ нашихъ дѣлахъ; прочее же восполнить у меня Псаломъ: *и грады разрушилъ еси* (Псал. 9, 7.). Подобно онымъ древнимъ городамъ , разореннымъ за подобное нечестіе , они , въ самое время беззаконныхъ дѣйствій съ нами , или поглощены моремъ , или разрушены землетрясеніемъ; такъ что могу почти досказать и остальное: *погибе память ихъ съ шумомъ*, погибла громко. Таково было ихъ паденіе и разрушеніе , что много потребно времени на возстановленіе ихъ , если бы кто и отважился на сіе изъ сосѣдей , даже наиболѣе утѣшающихся благочестіемъ. Таковы были явленія на землѣ и на небѣ ! Но и въ самомъ воздухѣ не положено ли

(в) Созвздіе.

182. (г) То есть ливившійся на небѣ свѣтъ , изображающій знаменіе Креста , о чемъ выше сказано.

было въ то время знаменій, и онъ не освятился ли тогда знаменіями страданія (Христова)? Зрители и таинники онаго чуда да покажутъ и нынѣ одежды, запечатлѣнныя тогда знаменіями Креста. Какъ скоро кто изъ нашихъ или изъ постороннихъ рассказывалъ о семъ, или слушалъ рассказывающихъ, тотчасъ видѣлъ чудо или на себѣ, или на ближнемъ: самъ былъ въ звѣздахъ, или видѣлъ звѣзды на одеждахъ другаго, испещренныхъ лучше всякой мастерской ткани, или искусной живописи. Что-жь произошло изъ сего? Зрителей такъ это поразило, что всѣ почти, какъ бы по одному мановенію и въ одинъ голосъ, начали призывать Христіанскаго Бога и умилоствлять Его славословіями и молитвами. Многие, нимало не отлагая, въ то же время, какъ случилось сіе, притекли къ нашимъ священникамъ, и по усиленной просьбѣ сдѣлались членами Церкви, наставлены въ таинствахъ Вѣры, очищены Божественнымъ Крещеніемъ, и такимъ образомъ чрезъ страхъ избавились отъ страха. Но о семъ довольно.

Юліанъ, болѣе и болѣе подстрекаемый и движимый бѣшенствомъ, наконецъ восходитъ на самый верхъ своихъ бѣдствій. Поелику онъ думалъ, что дѣла Христіанъ идутъ по его желанію; поелику сдѣланное имъ уже обнадеживало его, что все покорится ему, если онъ только захочетъ; ктому-же восхитилъ онъ побѣду надъ западными варварами: то и предпринимаетъ сіе единое намѣреніе, весьма благоразумное и человѣколюбивое. Взявъ отсюда два войска — и воиновъ, и демоновъ, имъ управлявшихъ (на которыхъ болѣе и надѣялся), выступаетъ онъ въ походъ противъ Персовъ, полагаясь болѣе на

свою безразсудную дерзость, нежели на крѣпость силъ. И сей мудрецъ не могъ понять и того, что смѣлость, (*θάρσος*) и дерзость (*θρασύς*) хотя близки по имени, однако же всего болѣе различны между собою по дѣйствіямъ; я разумѣю мужество и трусость. Быть смѣлымъ въ дѣлахъ, требующихъ отважности, есть знакъ мужества; тогда какъ ослабѣвать есть знакъ боязливости. Но идти и бросаться туда, гдѣ больше опасности, а не удерживаться, есть знакъ дерзости; тогда какъ уклоняться есть знакъ осторожности. Не лзя полагать, чтобы одно и тоже значило сохранять, что имѣешь, и приобрѣтать, чего не было. Первое особенно и преимущественно достойно уваженія людей благоразумныхъ; за послѣднее, если оно удобно, надобно приниматься, въ противномъ же случаѣ оно достойно презрѣнія. Кто въ надеждѣ приобрѣсть что-нибудь подвергаетъ себя опасности лишиться всего, что имѣетъ, тотъ весьма неблагоразуменъ. Такой человѣкъ кажется мнѣ подобнымъ худому бойцу, который начинаетъ бороться прежде, нежели станетъ въ твердое положеніе, или тому кормчему, который топитъ и старается потопить непріятельскій корабль, когда свой корабль разснащенъ и неспособенъ къ плаванію.

Юліанъ, кажется, не думалъ о семъ нимало; онъ безъ осмотрительности приступаетъ къ исполненію своего предпріятія; думаетъ о приобрѣтеніи чужой области, когда дѣла Римлянъ были имъ разстроены, и находились въ худомъ положеніи, особенно въ слѣдствіе гошенія. Будучи Салмонеемъ, который производилъ громъ кожею, онъ простиралъ взоры

къ тѣмъ Траянамъ и Адрианамъ, въ которыхъ осторожность была удивительна не менѣ мужества, и не помыслилъ ни о Карѣ, ни о Валеріанѣ, которые за безразсудную стремительность (говорю не въ укоризну злой судьбѣ, какъ выражается (д) трагикъ) понесли наказаніе, въ предѣлахъ Персіи претерпѣвъ пораженіе, когда находились на вершинѣ счастья. Но онъ рѣшился на сіе и предался своей стремительности, собравъ во едино все, что выходило изъ мѣры въ прорицаніяхъ и волшебствахъ, слыханныхъ и неслыханныхъ жертвахъ, дабы все вдругъ рушилось. И какой великій, чрезвычайный обѣтъ изрекъ онъ, о Христе мой и Слове! И страданія Безстрастнаго, и тайнство цѣлаго міра, — весь родъ Христіанскій предать демонамъ, если успѣтъ въ предпріятомъ.

Начало же сего похода, столь отважнаго и выхваляемаго многими изъ его единомышленниковъ, было таково: Захвативъ и опустошивъ ту часть Ассиріи, которую разсѣкаетъ Евфратъ, и въ которой протекаетъ мимо Персіи до соединенія своего съ Тигромъ, Юліанъ разорилъ нѣкоторыя крѣпости, въ чемъ почти никто ему не препятствовалъ, потому ли что онъ обманулъ Персовъ быстротою нападенія, или потому что самъ былъ обманываемъ Персами и завлекаемъ по немногу впередъ (говорятъ то и другое). Такъ шелъ онъ далѣе, между тѣмъ какъ подвигалось войско, а рѣкою на корабляхъ везли хлѣбъ и снаряды; и въ скоромъ времени

(д) Еврипидъ.

останавливается станомъ у Ктезифона, приближеніе къ которому, по желанію овладѣть симъ городомъ, казалось уже ему частію побѣды. Съ сего времени дѣла его пошли назадъ, какъ будто песокъ подсыпали подъ ноги, или буря встрѣтила корабль. Ктезифонъ — твердая крѣпость, которую трудно взять; она ограждена кирпичною стѣною, глубокімъ ровомъ и болотистою рѣкою. Еще болѣе твердою дѣлаетъ ее другая крѣпость, называемая Кохе и огражденная природою и искусствомъ. Обѣ крѣпости такъ соединены, что представляются однимъ городомъ, и раздѣлены только рѣкою. Поелику не лъзя было ни взять ихъ приступомъ, ни покорить осадю, ни пройти между ними, особенно на корабляхъ (была опасность, что сверху съ обѣихъ сторонъ забросаютъ стрѣлами и преграждать путь); то Юліанъ обходитъ крѣпости, и поступаетъ такимъ образомъ: Отведя немалую часть Евфрата, величайшей изъ рѣкъ, и въ одинъ ровъ, котораго древній слѣдъ, какъ говорятъ, былъ видѣнъ; пустивъ столько воды, сколько нужно было для плаванія кораблей, выше Ктезифона соединяетъ его съ Тигромъ; а чрезъ сіе спасаетъ корабли, безопасно переведенные изъ одной рѣки въ другую, и избѣгаетъ опасности, угрожавшей изъ крѣпости.

Между тѣмъ какъ Юліанъ идетъ впередъ, появляется Персидское войско и непрестанно возрастаетъ въ числѣ, но не считаетъ нужнымъ стать лицомъ къ лицу и подвергаться опасности безъ крайней необходимости, имѣя возможность одолѣть съ малымъ усиленіемъ: напротивъ того съ высокихъ мѣстъ и изъ тѣснинъ, гдѣ представится случай, по-

ражаетъ копьями и стрѣлами, занимаетъ напередъ удобные проходы, и тѣмъ преграждаетъ путь Юліану. Тогда приходитъ уже онъ въ большое затрудненіе, и не зная куда обратиться, находитъ худой конецъ своего замысла. Одинъ Персъ не низкаго происхожденія, подражая Зопиру, бывшему у Кира при осадѣ Вавилона, подъ видомъ, что важнымъ проступкомъ навлекъ на себя великій гнѣвъ Персидскаго Царя, и чрезъ сіе сдѣлался весьма нерасположеннымъ къ нему, питаетъ же расположеніе къ Римлянамъ, притворствомъ своимъ пріобрѣтаетъ довѣріе Юліана, и говоритъ ему: «Что это значитъ, государь? Почему такіа легкія мѣры въ такомъ дѣлѣ? Для чего у тебя этотъ хлѣбъ на корабляхъ,—это излишнее бремя, внушающее только малодушіе? Ничто такъ не побуждаетъ противиться начальству и упорствовать, какъ сытое чрево и мысль, что подъ руками спасеніе. Но ежели послушаешь меня; то бросишь сіи корабли, и тѣмъ освободишь отъ малодушія свое храброе войско. Самъ же ты другимъ удобнѣйшимъ и безопаснѣйшимъ путемъ, по которому я твой проводникъ (и могу сказать, что едва-ли кто другой лучше меня знаетъ Персію), вторгнешься въ непріятельскую землю, и возвратишься съ желаемымъ успѣхомъ. Тогда окажешь благодареніе и мнѣ, когда извѣдаешь на дѣлѣ мое благорасположеніе и мой совѣтъ». Какъ скоро онъ сказалъ сіе, и Юліанъ повѣрилъ словамъ его (ибо легкомысліе легковѣрно, особенно при Божіемъ попущеніи); вдругъ настали всѣ бѣдствія. Корабли взялъ огонь; хлѣба не стало; послѣдовалъ смѣхъ; ибо это было почти вольное самоубійство;

всѣ надежды исчезли; путеводитель скрылся съ своими обѣщаніями. Кругомъ враги; война разгоралась; удобнаго прохода не было; пища добывалась съ трудомъ; войско пришло въ уныніе и не годовало на царя; нисколько не оставалось благой надежды. Одно представлялось средство къ спасенію въ настоящихъ обстоятельствахъ, — избавиться отъ худаго царствованія и военачальства.

Такъ все происходило доселѣ, а что послѣдовало за симъ, рассказываютъ неодинаково; бывшіе, равно какъ и не бывшіе на войнѣ, соглашаются, одинъ на то, другой на другое. Одни говорятъ, что Юліана застрѣлили Персы, когда онъ, въ одно изъ беспорядочныхъ нападеній, внѣ себя бросался туда и сюда, и что съ нимъ случилось нѣчто подобное участи Кира, сына Парисатова, который съ десятью тысячами войска напалъ на брата своего Артарксеркса, и сражаясь отважно, утратилъ побѣду по своей запальчивости. Другіе рассказываютъ о немъ слѣдующее: Юліанъ взошелъ на одинъ высокій холмъ, чтобы съ него, какъ съ башни, обозрѣть все войско и узнать, сколько осталось въ сраженіи. Когда же войско, сверхъ чаянія, показалось ему весьма многочисленнымъ; какъ челоуѣкъ, завидующій спасенію своихъ воиновъ, сказалъ онъ: «какъ будетъ досадно, если всѣхъ ихъ поведемъ въ Римскую землю!» Одинъ изъ воиновъ, раздраженный такими словами, не удержалъ досады, и поразилъ его въ чрево, не заботясь о сохраненіи своей жизни. А нѣкоторые говорятъ, что на сіе отважился одинъ изъ тѣхъ иноземныхъ шутовъ, которые слѣдуютъ за войскомъ для разогнанія скуки и для

потѣхи на пирахъ. Иные же отдають сію честь од-
 ному Срацину. Какъ бы то ни было, Юліанъ по-
 лучаетъ дѣйствительно благовременный ударъ и
 спасительный для цѣлаго міра; однимъ сѣченіемъ
 меча наказывается онъ за сѣченіе многихъ утробъ,
 которымъ нечестиво вѣровалъ. И дивлюсь, какъ
 этотъ суетный человѣкъ, думавшій, что можетъ все
 знать посредствомъ разсѣкаемыхъ утробъ, не пред-
 узналъ сего одного, то есть, удара въ собственную
 свою утробу. Неприлично умалчивать и о семъ по-
 ступкѣ его, который, кромѣ многого другаго, не
 оспоримо доказываетъ его неистовство. Юліанъ ле-
 жалъ на берегу рѣки, и страдалъ отъ раны. Поели-
 ку же зналъ, что многіе изъ прославившихся пре-
 де него, чтобы почли ихъ чѣмъ-то выше человѣка,
 посредствомъ нѣкоторыхъ хитростей исчезали изъ
 среды людей, и за то признаны богами: то и онъ,
 плѣненный желаніемъ подобной славы, притомъ
 стыдяся самаго рода смерти, безславно постигаю-
 щей его за собственное безразсудство, — что замы-
 шляетъ? что дѣлаетъ? — Его нечестіе не прекращает-
 ся и съ жизнію! Онъ покушается броситься въ рѣ-
 ку, и для сего употребляетъ помощниками людей
 вѣрныхъ ему и участниковъ въ его тайнахъ. И
 если бы одинъ изъ царскихъ евнуховъ, догадав-
 шійся въ чемъ дѣло, и объяснившій другимъ, изъ
 отвращенія къ злодѣянію, не воспрепятствовалъ на-
 мѣренію; то, можетъ быть, изъ бѣдствующаго Юлі-
 ана явился бы еще новый богъ для людей неразум-
 ныхъ. Но онъ такъ царствовалъ, такъ предводилъ
 войскомъ, такъ оканчиваетъ и жизнь!

Вскорѣ послѣ него принявшій царскій санъ и

провозглашенный царемъ среди воинскаго стана, въ самомъ пылу опасностей, необходимо требовавшихъ предводителя, былъ мужъ знаменитый и по другимъ достоинствамъ, и по благочестію, и по наружности истинно достойной властителя. И хотя не имѣлъ онъ недостатка ни въ мужествѣ, ни въ ревности; однако же не могъ ни сразиться съ Персами, ни идти впередъ; потому что войско ослабѣло въ силахъ и надеждахъ. Сдѣлавшись наслѣдникомъ не царства, а пораженія, онъ заботится о возвращеніи въ отечество, и ищетъ средствъ, какъ совершить сіе безопасно. Если бы Персы, по своей умѣренности въ побѣдѣ (ибо у нихъ былъ законъ — въ счастіи соблюдать умѣренность), или по опасенію какихъ-либо слуховъ, не обратились къ мирнымъ предложеніямъ, сколько неожиданнымъ, столько же и человѣколюбивымъ; то не было бы средствъ, какъ говорятъ, и огненомцу остаться въ войскѣ (е). Такъ Римлянъ стѣснили Персы, сражавшіеся въ своей землѣ и воодушевленные предшествовавшими событіями; ибо довольно приобрѣсть сколько нибудь успѣха, чтобы имѣть надежду на будущее.

Но преемникъ Юліановъ, какъ сказалъ я, теперь заботился объ одномъ, — спасти войско, сохранить силу Римлянъ. Ибо сіи воины дѣйствительно со-

---

(е) Огненомцемъ назывался носившій въ войскѣ языческомъ священный огонь для воскуренія жертвъ, и побѣдителя щадилъ жизнь его, чтобы тмъ не оскорбилъ боговъ. Но поражение Римскаго войска могло быть такъ велико, что не лзя было бы спастись и сему чловку.

ставлял силу Римлянъ, и если дѣйствовали неудачно, то болѣе по безразсудству военачальника, нежели по недостатку собственнаго мужества. Съ Персами заключенъ былъ договоръ (скажу кратко) постыдный и недостойный воинства Римскаго. Но если бы кто, оставивъ въ сторонѣ Юліана, сталъ порицать за сіе преемника; то, по моему мнѣнію, онъ былъ бы худымъ судіею тогдашнихъ происшествій. Ибо колось принадлежитъ не жнецу, а сѣятелю; въ пожарѣ виновенъ не тотъ, кто не могъ погасить, но кто зажегъ. Здѣсь кстати привести сказанное Геродотомъ о Самосскихъ тираннахъ: эту обувь сшилъ Истіей, а носилъ Аристагоръ, продолжавшій начатое предшественникомъ.

Послѣ сего, чтò оставалось дѣлать, какъ не возвратить Римлянамъ тѣло нечестивца, хотя такъ онъ кончилъ жизнь? Но какъ и у насъ есть усопшій, прежде него оставившій жизнь (ж); то посмотримъ, какое и здѣсь различіе между сими обоими царями (если и сіе сколько нибудь служитъ къ счастью или злосчастью отшедшихъ). Одинъ сопровождается всенародными благословеніями, торжествами, шествіями и нашими священными обрядами, всенощными пѣснопѣніями, возженіемъ свѣтильниковъ, чѣмъ мы Христіане чтимъ благочестивое преставленіе; и выносъ тѣла его становится радостнымъ торжествомъ, растворяемымъ печалію. Если вѣрить молвѣ, которая достигла слуха многихъ; то, когда тѣло Констанція несли чрезъ Тавръ въ отечественный его городъ, ему соименный

(ж) Констанцій.

и знаменитый, на вершинѣ горъ нѣкоторыми слышанъ былъ голосъ какъ бы поющихъ и сопровождающихъ, и думаю, что это былъ голосъ Силь Ангельскихъ, — награда ему за благочестіе и надгробное воздаяніе. Если онъ, по видимому, и поколебаль правое ученіе; то въ семь виновны невѣжество и зловѣріе его вельможъ, которые, уловивъ душу простую, не утвердившюся въ благочестіи и не предвидѣвшюю бездны, влекли-ее, куда хотѣли и, подъ видомъ попечительности, возбуждали ревность къ злу. Но мы, помышляя о томъ, что болѣе касается всѣхъ, то есть, объ отцѣ его, который положилъ основаніе царской власти въ Христіанствѣ и Вѣры, и о наслѣдїи ученія, перешедшемъ отъ отца къ нему, почтили должнымъ образомъ земную храмину того, кто жилъ достойно царя, окончилъ жизнь смертію праведника и оставилъ намъ могущество. Нужно ли же говорить о сопровожденіи цѣлаго воинства, когда тѣло приблизилось къ великому царствующему граду, и о рядахъ вооруженнаго войска предстоявшихъ Царю, какъ живому? или о томъ, какъ весь городъ потекъ на встрѣчу, которая блистательнѣе всѣхъ, когда-либо бывшихъ и будущихъ? Да и сей дерзкій и отважный, облеченный въ новую порфиру, и потому, какъ вѣроятно, высоко о себѣ думающій, самъ составляетъ часть торжественнаго шествія, воздаетъ и пріемлетъ почестъ; — одно, какъ говорятъ, нѣсколько принужденно, другое охотно. Ибо все войско, хотя покорилось настоящей власти, однако оказывало болѣе уваженія умершему; и (какъ обыкновенно бываемъ благорасположеннѣе, когда потеря еще въ свѣжей

памяти) скорби и сожалѣя о любимомъ Царѣ, воины не потеряли, чтобы онъ былъ лишень царскихъ почестей, но убѣждаютъ и сего отступника принять въ нихъ участіе, даже принуждаютъ встрѣтить умершаго въ приличномъ видѣ, то есть, снявъ съ главы діадиму и воздавъ Царю должное поклоненіе, идти вмѣстѣ съ несущими въ гробницу — въ знаменитый храмъ Апостоловъ, которые приняли къ себѣ и сохраняютъ сей священный родъ, •удостоившійся почти равной чести. Такъ погребень нашъ Императоръ!

Напротивъ того, и походъ Юліановъ былъ безславенъ (народы и города его преслѣдовали кликами черни и шутовъ, о чемъ и нынѣ еще многіе помнятъ); а возвращеніе его было еще безславнѣе. Какое же это безславіе? — Его несли скоморохи, шествіе сопровождалось неприличными играми; пѣли, плясали, поносили его за отступничество, за поражение и смерть. И какого оскорбленія не понесъ онъ? Чего не выслушалъ отъ людей дерзкихъ, которые въ оскорбленіи другихъ ставятъ свое искусство? Наконецъ принимаетъ его городъ Тарсъ, не знаю, какъ и за что осужденный на такое посрамленіе. Здѣсь и мѣсто погребенія назначено ему безчестное, и гробъ нечистый, презрѣнный, отвратительный для благочестиваго взора.

Я описалъ только самыя главныя и важныя вины Юліана; но знаю и то, что двумъ или тремъ придворнымъ ласкателямъ, равнымъ ему въ нечестіи (о другихъ охотно умалчиваю), дана была за нечестіе такая награда, что они въ короткое время безпрепятственно опустошили бы всѣ владѣнія Рим-

лянтъ на сушѣ и на морѣ, если бы симъ дѣламъ вскорѣ не былъ положенъ благопріятный конецъ. Столько превосходили они грабительствомъ и жадностію древнихъ сторукихъ гигантовъ! Управление областями поручаемо было людямъ не самымъ правдивымъ, но самымъ безчеловѣчнымъ. Одно было право на получение начальства — отступничество; и тѣ только получали дары отъ Юліана, которые замыслили наибольшее зло противъ себя и другихъ. Что сказать о перемѣнахъ и переименованіяхъ въ судебныхъ опредѣленіяхъ, которыя въ одну ночь мѣнялись и вращались туда и сюда, подобно приливу и отливу въ морѣ? Ибо сей неутомимый мужъ хотѣлъ самъ производить судъ, все приевоая себѣ изъ честолюбія. Можетъ быть подумаютъ, что я слишкомъ виню за малыя преступленія, и малыми уменьшаю большія. Впрочемъ всякій согласится, что такіа дѣла не Елисейскихъ достойны полей и не славы, какую имѣетъ тамъ Радомантъ (з), и какой удостоиваютъ Юліана люди одного съ нимъ собратства и разряда. Одному удивляюсь въ Юліанѣ: Многихъ своихъ сверстниковъ и знакомыхъ, особенно по Азійскимъ училищамъ, настоятельно приглашалъ онъ къ себѣ, какъ бы намѣреваясь произвести дѣла дивныя, и окрылялъ надеждами, припоминая свои обѣщанія. Когда же они являлись, оказывалось, что это одна хитрая уловка и оболь-

---

(з) По языческому суевѣрію на поляхъ Елисейскихъ добродѣтельные получаютъ награды, которыя распределяетъ Радомантъ.

щеніе глазъ. Однихъ проводилъ онъ тѣмъ, другихъ иными. Нѣкоторыхъ дружески даже приглашалъ къ столу; вмѣсто всякой другой приманки, величалъ товарищами, подавалъ имъ чашу, шутилъ съ ними, но отпускалъ отъ себя ни съ чѣмъ; такъ что они не знали, кого болѣе винить, его ли въ обманѣ, или самихъ себя въ легковѣрїи. Не сочту нужнымъ упоминать о томъ, сколько недостойно похвалы въ правилахъ сего философа, что, имѣя предъ собою примѣры государей твердыхъ и непоколебимыхъ, которме, что бы ни случилось, не измѣнялись въ лицѣ и не показывали въ себѣ никакихъ слѣдовъ смущенія, онъ столько былъ негнѣвливъ и умѣлъ владѣть страстями, что, производя судъ, шумомъ и криками наполнялъ весь дворецъ, какъ будто самъ терпѣлъ насиліе и ущербъ, а не другихъ защищалъ отъ сего. Но кому не извѣстно, что многихъ изъ поселянъ, всенародно приходившихъ къ нему за тѣмъ, о чемъ обыкновенно просятъ царей, онъ при всѣхъ бивалъ кулаками и топталъ ногами, и обходился такъ жестоко, что они радовались, если не подвергались чему-либо тягчайшему? Въ какой же части слова упомянуть о тѣхъ дуновеніяхъ и отдуваніяхъ, котормя сей дивный мужъ, въ осмѣяніе нашихъ обрядовъ (и), производилъ на показъ старухамъ, зажигая огонь на жертвенникѣ? Какъ хорошо было видѣть Римскаго царя съ обезображенными щеками, возбуждающими большой

(и) Указаніе на обряды, совершаемые при таинствѣ Крещенія.

смѣхъ не только въ постороннихъ, но и въ тѣхъ, которыми онъ думалъ доставить симъ удовольствіе! Вѣрно онъ не слыжалъ, что богиня его, Аейна, прокляла свирѣли, когда, посмотрѣвшись вмѣсто зеркала въ воду, увидѣла, что свирѣль обезобразила у ней лице. Ужели не заслуживаютъ удивленія тѣ круговыя чаши, которыя Юліанъ всенародно подавалъ непотребнымъ женщинамъ, и самъ отъ нихъ принималъ, прикрывая свое распутство видомъ тайнства? Другіе узнали сіе собственнымъ опытомъ, когда власть доставила Юліану полную свободу; но я нѣкоторымъ образомъ провидѣлъ сіе издавна, съ тѣхъ поръ, какъ былъ съ нимъ вмѣстѣ въ Аейнахъ, куда онъ прибылъ вскорѣ по возвращеніи брата своего, испросивъ на то позволеніе у Императора. Двѣ были причины сего путешествія: одна благовиднѣйшая — обозрѣть Грецію и ея училища, другая отдаленнѣйшая и не многимъ извѣстная — посоветоваться съ тамошними жрецами; потому что нечестіе не имѣло еще явной дерзости. И тогда я нехудо разгадалъ сего человѣка; хотя и не принадлежу къ числу искусныхъ въ семъ дѣлѣ. Меня сдѣлали прорицателемъ непостоянство его нрава и неумѣренная восторженность; если только наилучшій прорицатель тотъ, кто умѣетъ хорошо угадать. По мнѣ не предвѣщали ничего добраго: шея нетвердая, плеча движущіяся и выравнивающіяся, глаза бѣглыя, наглыя и свирѣпыя, ноги не стоящія твердо, но сгибающіяся, носъ выражающій дерзость и презрительность, черты лица смѣшныя и тоже выражающія, смѣхъ громкій и неумѣренный, наклоненіе и откидываніе назадъ головы безъ всякой при-

чины, рѣчь медленная и прерывистая, вопросы безпорядочные и несвязные, отвѣты ничѣмъ не лучшіе, смѣшиваемые одинъ съ другимъ, не твердые, не подчиненные правиламъ.

Но для чего описывать подробно? Такимъ же видѣлъ я его прежде дѣлъ, какимъ узналъ и по дѣламъ. Если бы здѣсь находились нѣкоторые изъ бывшихъ со мною тогда и слышавшихъ мои слова; они безъ труда засвидѣтельствовали бы сіе. Ибо тогда же, какъ увидѣлъ это, сказалъ я имъ: «какое зло воспитываетъ Римская Имперія!» и предрекли, желалъ быть ложнымъ прорицателемъ. Ибо лучше бы мнѣ быть лжепророкомъ, нежели испытать вселенной столько золь, и явиться на свѣтъ такому чудовищу, какого не бывало прежде; хотя и повѣствуютъ о многихъ наводненіяхъ, о многихъ воспламененіяхъ, изверженіяхъ и провалахъ земли, о людяхъ безчеловѣчныхъ, о звѣряхъ чудовищныхъ и многосложныхъ, не въ обыкновенномъ порядкѣ производимыхъ природою. И потому имѣлъ онъ конецъ достойный своего безумія. Здѣсь только Богъ не явилъ Своего обычнаго долготерпѣнія; потому что Его человѣколюбіе было бы бѣдственно для многихъ. Въ людяхъ добродѣтельныхъ оно произвело бы уныніе, а въ грѣшныхъ презорство и мысль, что никто не назираетъ надъ нашими дѣлами, нѣтъ ни управленія, ни воздаянія, но все движется и управляется случайно, — мысль, показывающая лукавый умъ, весьма пагубно разсуждающій о самыхъ важныхъ предметахъ!

Вотъ что вѣщаемъ мы — Галилеяне, люди презрѣнные, поклоняющіеся Распятому, ученики рыбаей

и, какъ сами говорятъ, невѣждъ; мы, которые за-
сѣдаемъ и поемъ псалмы вмѣстѣ съ старухами; мы,
которые изнурены продолжительными постами и
полуертвые, напрасно бодрствуемъ и пустосло-
вимъ во время всенощныхъ бдѣній, и—однако же
низлагаемъ васъ! *Гдѣ суть книгоции? Гдѣ суть
совѣщающіи* (Исаи 33, 18.)? Я заимствую сію
побѣдную пѣснь у одного изъ нашихъ немудрыхъ,
какъ вамъ представляется. Гдѣ жертвы, обряды и
тайнства? Гдѣ закланія явныя и тайныя? Гдѣ искус-
ство гадать по разсѣченнымъ внутренностямъ? Гдѣ
чудеса предвѣднія и знаменія чревоѣщателей? Гдѣ
славный Вавилонъ, о которомъ столько было тол-
ковъ, и вся вселенная, которую мечталъ ты поко-
рять себѣ; проливъ немного нечистой крови? Гдѣ
Персы и Мидяне, которыхъ считалъ у себя въ ру-
кахъ? Гдѣ боги, тобою сопровождаемые, тебя руко-
водствующіе и сопровождающіе, твои защитники,
соратники? Гдѣ прорицанія и угрозы на Христи-
анъ, или совершенное истребленіе насъ и имени
нашего въ опредѣленный срокъ?—Все исчезло, об-
мануло, разсѣялось; всѣ велерѣчивыя похвалы нече-
стивыхъ оказались сонною мечтою.

Когда одинъ иноплеменный царь съ многочис-
леннымъ войскомъ напалъ на Езекию, Царя Іудей-
скаго, обложилъ Іерусалимъ и злобно изрыгалъ не-
честивыя и богохульныя слова на Царя и самаго
Бога, какъ будто уже не оставалось средствъ спа-
сти городъ отъ его владычества: тогда Езекиа при-
ходитъ въ храмъ, раздираетъ одежды, проливаетъ
потoki слезъ, воздѣвъ руки къ небу, призываетъ
Бога во свидѣтели богохульства Сеннахиримова, и

молитъ Его быть отмстителемъ за высокоумныя угрозы. «Видишь, Господи, — говоритъ онъ, — какъ сей иноплеменникъ поноситъ Тебя— Бога Израилева; *видѣлъ еси, Господи, да не премолчиши* (Пс. 34, 22.)». И молитва Царя не осталась тщетною: ибо возстающій противъ Бога позналъ самымъ дѣломъ свое безуміе, и ушелъ, не исполнивъ угрозъ своихъ: поражаемый вдругъ нѣкою невидимою силою, онъ потерялъ большую часть войска, и былъ прогнанъ неприятнымъ извѣстіемъ, сверхъ чаянія положившимъ конецъ осадѣ и его надеждамъ. Такъ поступилъ Езекія, окруженный многочисленнымъ войскомъ, Царь великаго Іерусалима, который, можетъ быть, и самъ собою отразилъ бы враждебныя полчища. А мы, для которыхъ оставалось одно оружіе, одна стѣна, одна защита— надежда на Бога (потому что совершенно лишены были отсюда всякой человѣческой помощи), мы отъ кого инаго могли ожидать, что услышитъ наши молитвы и отразитъ угрозы, какъ не отъ Бога, Который съ клятвою отвергъ высокоуміе Іаковлево (i)? О какія невѣроятныя повѣствованія! Какія дерзкія надежды! Мы демонамъ обѣщаны были въ жертву; мы— великое наслѣдіе Божіе, *языкъ святъ, царское священіе* (1 Петр. 2, 9.), предназначались въ награду за исполненіе одной надежды, за побѣду въ одной брани. Таковъ даръ отъ тебя Христіанамъ за то, что къ общему вреду спасейъ ими (к)! Такъ воз-

---

(i) То есть потомковъ Патріарха Іакова (Амос. 6, 8.).

(к) Во время возмущенія, бывшаго по смерти Константина

далъ ты Господу Богу своему! Доселѣ Богъ удерживалъ еще и отлагалъ Свой гнѣвъ за насъ, не возжегъ еще всей Своей ревности, а только высоко замесъ десницу на нечестивыхъ, и хотя натанулъ и уготовалъ лукъ, однако же удерживалъ его силою, и ожидалъ, пока выйдетъ наружу вся злоба Юліанова, подобно какому нибудь злокачественному и гнойному вереду;—ибо таковъ законъ Божіа суда: или спасти покаяніемъ, или наказать по справедливости. И тогда, съ трудомъ перенося настоящее и сокрушаясь о будущемъ (потому что самая благость Божіа къ Своимъ, отъ насъ сокрываемая, была для насъ нестерпима), возносили мы гласъ свой къ Богу; то призывая Его, какъ Владыку, то умоляя, какъ благаго Отца, то какъ бы жалуясь и вступая съ Нимъ въ судъ, что свойственно людямъ сѣтующимъ, взывали: *Вскую, Боже, отринулъ еси до конца, разгнѣвая ярость Твоя на овцы пажити Твоя? Помяни сонмъ Твой, егоже стяжалъ еси исперва (Пс. 73, 1. 2.), который приобрѣлъ Ты страданіями Единороднаго Слова Своего, удостоилъ великаго Твоего завѣта, привлекъ на небо новымъ таинствомъ и залогомъ Духа. Воздвигни руку Твою на гордыни ихъ въ конецъ! Ты терпѣлъ, елика лукавствовала враги на святыхъ Твоихъ, и восхвалишася на праздники Твои (Пс. 73, 3.). Мы призывали мечъ и Египетскія казни, просили Бога судити прю свою; умоляли возстать*

В., Констанцій спасъ Юліана и брата его Галла отъ смерти, скривъ ихъ во дворцѣ своемъ.

наконецъ на нечестивыхъ, говорили: *доколь грѣшницы, Господи, доколь грѣшницы восхвалятся (Пс. 93, 31.)? доколь будутъ смирять люди Твоя и озлоблять достояніе Твое? доколь не перестанутъ и говорить и дѣлать беззаконіе? Мы повторяли сіи и подобныя симъ плачевныя слова: Положилъ еси насъ въ пререканіе и поношеніе соседомъ нашимъ, въ притчу во языцехъ, въ поруганіе всѣмъ человѣкомъ (Пс. 79, 7. 43, 14. 15.). Мы воспоминали о виноградникѣ, который перенесенъ изъ Египта — изъ мрака безбожія, возросъ въ красоту и величіе Вѣры, а потомъ лишился своей ограды — смотрѣнія Божія стрегущаго насъ, сталъ открытъ для всѣхъ проходящихъ, для злыхъ властелиновъ, и опустошенъ дикимъ вепремъ симъ, лукавымъ человѣкомъ, усвоившимъ себѣ зло, преисполненнымъ тиною зла.*

Такъ размышлялъ и взывалъ я прежде къ Богу. Что же теперь измѣняю въ звукахъ пѣсни? — Плакиваю уже погибель нечестивыхъ; дѣлаюсь человѣколюбивъ къ ненавистникамъ, и говорю такъ: *Како быша въ запустѣніи, внезапно исчезоша, погибоша за беззаконіе свое (Пс. 72, 19.),* какъ прахъ возметаемый вихремъ, какъ пухъ, развѣваемый вѣтромъ, какъ утренняя роса, какъ свистъ пущенной стрѣлы, какъ ударъ грома, какъ быстролетная молнія? Если бы они, хотя теперь, перемѣнились въ мысляхъ, перестали предаваться множеству заблужденій, и потекли во слѣдъ истины: то, можетъ быть, и самое паденіе обратилось бы имъ въ пользу. Ибо и наказаніе часто служитъ ко благу наказываемыхъ. Но что, если они останутя при томъ же

мнѣнїи, еще будутъ держаться идоловъ и не уцѣло-мудрятся бѣдствїемъ, которое вразумляетъ и неразумныхъ? Іеремїа такъ оплакиваетъ Іерусалимъ, что бездушныя вещи призываетъ къ плачу, и у стѣнъ требуетъ слезъ (Плач. Іер. 2, 18.); какой же найдется плачь, достойный сихъ столь упорныхъ людей? Кто оплачетъ одно настоящее, не проливая еще слезъ о будущемъ наказанїи за то, что они безумствовали, удалились отъ Бога, и *послужиша твари паче Творца* (Рим. 1, 25.), и не только послужили, но возстали на служителей Божїихъ, и вознесли на нихъ нечестивую руку, достойную такихъ золь? Но какъ Богу угодно, такъ и да будетъ! Кто знаетъ, что Богъ, Который *рѣшитъ окованныя* (Пс. 145, 8.), возводитъ отъ вратъ смерти обремененнаго и долу поверженнаго, не хочетъ смерти грѣшника, но ждетъ обращенїя его, Который и насъ, сидѣвшихъ во тьмѣ и снѣи смертнѣй, просвѣтилъ и умудрилъ, — сей Богъ и ихъ воспрїиметъ нѣкогда, и, отложивъ тяжелый и желѣзный жезлъ, упасетъ ихъ жезломъ пастырскимъ?

Но слово мое опять возвращаю къ той же побѣднѣй пѣсни: *паде Виль, сокрушися Дагонъ* (Исаїи 46, 1.), *блато бысть Саронъ, посрамленъ Ливанъ*. (Исаїи 33, 9.); теперь уже не скажутъ глупой, недвижимой и безчувственной толпѣ идоловъ: начальствуй! не станутъ искать мухи, бога Аккаронскаго, или чего либо еще болѣе смѣшнаго; не будутъ помышлять о рощахъ и высотахъ и о всякой лѣсистой и тѣнистой горѣ, не *пожрутъ сыны свол и дщери своя бѣсовомъ* (Пс. 105, 37.), за что древле Израиль укоряемъ былъ Пророками. Но что

миѣ до сего? Обращусь къ настоящему, — къ тому, что насъ собственно касается. Не будутъ уже лукаво смотрѣть на священные наши храмы, нечистою кровію осквернять жертвенники, получившіе ими отъ пречистой и безкровной Жертвы; не будутъ безбожными алтарями безчестить священнѣхъ мѣстъ, расхищать и осквернять приношеній, къ нечестію присоединяя корыстолюбіе; не будутъ оскорблять сѣдину іереевъ, честность діаконѣхъ, цѣломудріе дѣвъ; не будутъ уже къ разсѣченнѣхъ утробамъ Святѣхъ припускать нечистѣхъ свиней, чтобы вмѣстѣ съ пищею пожирали и сіи утробы; не будутъ уже зажигать гробы Мученическіе, чтобы симъ посрамленіемъ удержатъ другихъ отъ подвижничества; не будутъ истреблять огнемъ и разсѣвать на вѣтеръ останки Святѣхъ, предавая ихъ безчестію съ самыми безчестными костями, чтобы лишитъ подобающей имъ чести; не будутъ уже ставить *стѣдалищъ губителей* и забавляться хулою Епископовъ и Пресвитеровъ, также Пророковъ и Апостоловъ и даже самага Христа; не будутъ уже торжествовать надъ нами, запрещая намъ закономъ лжеименное (л) образованіе, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ заградить намъ уста. Подай сюда свои царскія и софистическія рѣчи, свои неотразимые силлогизмы и энтимемы; посмотримъ, какъ и у насъ говорятъ неученые рыбари. *Отстави гласъ пѣсней твоихъ, и пѣсней органовъ твоихъ*, повелѣваетъ тебѣ Пророкъ мой (Амос. 5, 23.). Да воспоетъ опять

(л) Въ язмыческіхъ училищахъ и въ свѣтскіхъ наукахъ.

съ дерзновеніемъ Давидъ , который таинственными камнями низложилъ надменнаго Голіаѳа , побѣдилъ многихъ кротостію , и духовнымъ сладкозвучіемъ исцѣлялъ Саула , муимаго злымъ духомъ. Пусть свѣщеносецъ твой погасить огонь; а мудрыя и священныя дѣвы возжгутъ для Жениха свои свѣтильники. Пусть твой іерофантъ сложить съ себя одежду блудницы; а священницы облекутся правдою (Пс. 131, 9.) и украшеніемъ славы, вмѣсто духа унынія (Пс. 61, 4.), облекутся въ великій и нескверный хитонъ, во Христа — наше украшеніе. Пусть умолкнетъ твой проповѣдникъ, и не говоритъ безславнаго; да вѣщаетъ же мой проповѣдникъ богодухновенное. Оставь свои волшебныя и чародѣйскія книги; и пусть перечитываются однѣ Пророческія и Апостольскія. Прекрати свои гнусныя и тмы исполненныя ночныя сбѣрища; и я возстановлю священныя и свѣтлыя всенощныя бдѣнія. Загради свои тайники и пути, низводящіе во адъ; я покажу тебѣ пути открытыя и ведущіе на небо. Какіе запасы оружія, какія изобрѣтенія снарядовъ , какія тмы и полчища людей произвели бы то, что сдѣлали наши молитвы и Божія воля? Богъ словомъ разсѣялъ тьму; словомъ произвелъ свѣтъ, основалъ землю, округлилъ небо, распредѣлилъ звѣзды, разлилъ воздухъ, положилъ предѣлы морю, протянулъ рѣки, одушевилъ животныхъ, сотворилъ человѣка по образу Своему, далъ всему красоту. Словомъ и нынѣ разсѣялъ Онъ ночный мракъ, и все привелъ во свѣтъ, порядокъ и прежнюю стройность. Теперь не властвуютъ уже алчныя и лживыя демоны; не оскорбляется тварь поклоненіемъ, воздаваемымъ ей

вмѣсто Бога. Отбрось своихъ Триптолемовъ, и Ке-
 леевъ, и таинственныхъ драконовъ; устыдись, нако-
 нецъ, книгъ своего богослова—Орфея; воспользуйся
 даромъ времени, покрывающаго твое безстыдство.
 Если же это—однѣ басни и вымыслы; то обнаружу
 твои ночныя таинства. Теперь не говорить уже
 дубъ, не прорицаетъ треножникъ, и Пивея не на-
 полняется, не знаю чѣмъ, но не болѣе, какъ баснями
 и бредомъ. Источникъ Кастальскій опять умолкъ
 и молчитъ; его вода возбуждаетъ не даръ пророче-
 ства, но смѣхъ. Аполлонъ опять сталъ безгласнымъ
 истуканомъ, Дафна — деревомъ, оплакиваемымъ въ
 баснѣ! Діонисъ опять андрогинъ и водить съ собою
 толпу пьанныхъ; великое твое таинство—богъ Фаллъ
 страждетъ любовію къ прекрасному Просимну.
 Семела опять поражена молніею. Опять храмлетъ
 на обѣ ноги, но проворенъ въ отыскиваніи прелю-
 бодѣвъ Ифестъ — этогъ богъ замаранный сажею,
 хотя онъ славный художникъ и Олимпійскій Оер-
 сить. Арей опять за любодѣяніе скованъ вмѣстѣ со
 Страхомъ, Ужасомъ и Смятеніемъ и раненъ за дер-
 зость. Афродита опять любодѣйца, срамно рожден-
 ная, служительница срамныхъ браковъ. Аѳина опять
 дѣва и раждаетъ дракона. Иракль опять бѣснуется,
 или лучше сказать, перестаетъ бѣсноваться. Опять
 изъ похотливости и сладострастія превращается во
 всѣ виды Зевесъ, совѣтникъ и властитель боговъ,
 который одинъ поднимаетъ всѣхъ ихъ со всѣмъ су-
 ществующимъ, а самъ не можетъ быть сдвинуть съ
 мѣста всѣми. Гробъ Діевъ опять показывается въ
 Критѣ. Какъ скоро вижу твоего Кердоа, Логія и
 Эпагонія; закрываю глаза и бѣгу прочь отъ твоего

бога, потому что стыжусь смотрѣть. Не препятствую тебѣ поклоняться силѣ краснорѣчія и сумѣ. Одно у тебя стоитъ уваженія: чествованіе, воздаваемое андрогинами у Египтянъ Нилу, Изиды, Мендезійскіе боги, Аписы и всѣ прочіе чудовищныя и изъ многихъ составленные звѣри, которыхъ ты живописуешь или лѣпишь. Смѣюсь твоему Пану, Пріапу, Гермафродиту и прочимъ богамъ, которые въ неистовствѣ или изуродованы, или растерзаны. Предоставляю все сіе зрѣлищу и стихотворцамъ, украшающимъ вашихъ боговъ; а я заключу слово увѣщаніемъ.

Мужи и жены, юноши и старцы, всѣ служащіе въ семь святилищъ и занимающіе низшія степени, всѣ, которыхъ Господь избавилъ нѣкогда отъ заблужденія и безбожія, а нынѣ отъ возстанія язычниковъ и отъ бѣдствій настоящихъ и ожидаемыхъ! Выслушайте слово мужа, который научился сему не слегка, но изъ ежедневныхъ событій, изъ древнихъ исторій, книгъ и дѣяній! Великое дѣло не испытать никакой скорби; а можетъ быть и не великое, если истинно слово, что *егоже любитъ Господь, наказуетъ, бьетъ же всякаго сына, егоже приѣмлетъ* (Евр. 12, 6.), и о которомъ особенно печется. Напротивъ того великое дѣло — вовсе не грѣшить, или во крайней мѣрѣ не согрѣшать тяжело; потому что быть совершенно безгрѣшнымъ — Богъ поставилъ выше человѣческой природы. А вторымъ послѣ сего дѣломъ полагаю, чтобы падшіе и наказанные, а потомъ прощенные, всегда чувствовали сіе наказаніе, и избѣгали новой казни за новое преступленіе. Посему и мы самымъ дѣломъ восчув-

пезь срамомъ благовоній , украшать преддверій; да не освѣщаются дома чувственнымъ свѣтомъ , да не обращаются въ дома безчинія звуками свирѣлей и рукоплесканіями ! Такъ установлено язычниками праздновать новомѣсячія. А мы не симъ почтимъ Бога, не тѣмъ превознесемъ настоящее время, что насъ не достойно , но чистотою души, свѣтлостію ума, свѣтильниками, озаряющими все тѣло Церкви, то есть, божественными созерцаніями и размышленіями, возносимыми на священный свѣщникъ и освѣщающими всю вселенную. Въ сравненіи съ симъ свѣтомъ ничтожны, по моему мнѣнію, всѣ огни, возжигаемые у людей при частныхъ или общественныхъ торжествахъ. Есть у меня и муро, но такое, котормъ помазуются только священники и цари, какъ многосоставнымъ и многоцѣннымъ и за насъ истощеннымъ , — муро , составленное искусствомъ великаго Муроварца. О если бы и я сподобился принести благовоніе сего мюра! Есть у меня и сія духовная и божественная трапеза , которую мнѣ уготовалъ *Господь сопротивъ стужающимъ мнѣ* (По. 22, 5.); за нею упокоеваюсь, и веселюсь, и по насыщеніи не предаюсь постыднымъ помысламъ, но усыпляю въ себѣ всякое возстаніе страстей. Есть у меня и цвѣты, которые прекраснѣе и долговременнѣе всякаго весенняго цвѣтка , цвѣты нивы исполнены, юже *благослови Господь* (Быт. 27, 27.), то есть , Священники , благоухающіе Пастыри и Учители, и изъ народа все, что есть чистаго и избраннаго. Ими-то я желаю увѣнчаться и украсить-ся, когда, по примѣру святаго Апостола, *подвигомъ добрымъ подвизаяся, теченіе скончаю , въру соб-*

люду (2 Тим. 4, 7.). Замѣнимъ тимпаны духовными пѣснями, безчинные клики и пѣсни — псаломпѣніемъ, зрѣлищное рукоплесканіе — рукоплесканіемъ благодарственнымъ и стройнымъ движеніемъ рукъ, смѣхъ — размышленіемъ, пѣнство — мудрою бесѣдою, шутливость — степенностію. Если же тебѣ, какъ любителю торжественныхъ собраній и празднествъ, нужно плясать; скажи, но не плясаніемъ безстыдной Иродіады, дѣломъ которой была смерть Крестителя, а скаканіемъ Давида при поставленіи на мѣсто Кивота, которое, какъ думаю, было таинственнымъ знаменованіемъ быстрого и свободнаго шествованія предъ Богомъ.

422
St. Mark's

Вотъ первая и важнѣйшая часть моего увѣщанія! Вторая же часть, сколько знаю, будетъ для многихъ тяжела и неприятна. Ибо человекъ, получившій возможность воздать зломъ за зло, особливо если то, что потерпѣлъ, даетъ справедливую причину къ гнѣву, — не любитъ повиноваться слову, которое обуздываетъ его раздражительность. Однако же слово мое достойно того, чтобы его выслушали и приняли. Не будемъ неумѣренно пользоваться обстоятельствами времени, не допустимъ излишества въ употребленіи своей власти, не будемъ жестокосерды къ тѣмъ, которые насъ обижали, не будемъ дѣлать того, что сами осуждали. Изъ настоящей перемѣны воспользовавшись тѣмъ, что избѣгаемъ зла, возненавидимъ всякое отмщеніе. Люди умѣренные почитаютъ для своихъ оскорбителей достаточнымъ наказаніемъ ихъ страхъ, ожиданіе того, чего они достойны, и мученія собственной ихъ совѣсти. Ибо кто боится будущаго наказанія, тотъ уже стра-

даетъ, хотя и не терпитъ еще наказанія; онъ самъ себя наказываетъ, можетъ быть болѣе, нежели какъ наказали бы его исполнители казни. Итакъ не пожелаемъ умѣрять (Божія) гнѣва, да не явимся наказывающими слабѣе надлежащаго. Но поелику не можемъ за все наказать; то простимъ во всемъ, и чрезъ то содѣлаемся лучшими нашихъ обидчиковъ и станемъ ихъ выше. Покажемъ, чему ихъ учать демоны, и чему насъ научаетъ Христосъ, Который страданіями приобрѣлъ славу и восторжествовалъ не менѣе тѣмъ, что не сдѣлалъ того, что могъ сдѣлать. Воздадимъ Богу одно благодареніе, распространимъ таинство (м) благостію, и на сей только конецъ воспользуемся обстоятельствами. Побѣдимъ мучителей правдолюбіемъ. Особенно въ прощеніи покажемъ челоуѣколюбіе и силу заповѣди, которая воздаетъ и намъ равнымъ челоуѣколюбіемъ, какъ скоро имѣемъ въ томъ нужду; ибо знаемъ, что *въ нюже мѣру мѣряемъ, возмѣрится* намъ (Марк. 4, 24.) Если же кто и очень огорченъ; предоставимъ огорчившихъ насъ Богу и будущему суду. Не будемъ уменьшать будущаго гнѣва тѣмъ, что возложимъ на нихъ собственную свою руку. Не будемъ помышлять объ отобраніи у нихъ имущества, не повлечемъ ихъ на судъ, не станемъ изгонять изъ отечества, наказывать бичами; кратко скажу: не сдѣлаемъ имъ ничего такого, что сами потерпѣли. А если возможно, собственнымъ примѣромъ своимъ сдѣлаемъ и ихъ кроткими. Пострадали ли у кого

(м) Христіанскую вѣру.

сынъ, или отецъ, или жена, сродникъ, другъ, или другой кто изъ цѣнныхъ имъ дорого; вознаградимъ каждого за страданіе, убѣдивъ его съ твердостью перенести все, что ни потерпѣлъ. Выше сего дара, что иное можемъ воздать имъ? Сказать ли и о величайшемъ благодѣяніи, какое мы получили? Наши гонители преслѣдуются упреками народовъ и городовъ, на зрѣлищахъ, на торжищахъ, въ собраніяхъ. Вездѣ ублажаютъ старое, выставляютъ новое на позоръ, и къ большому удивленію, даже со-участниками нашихъ гонителей, съ укоризнами ниспровергаются самыя боги, какъ обманывавшіе ихъ долгое время и уже поздно уличенные въ обманѣ. Кто вчера былъ поклонникомъ, тотъ нынѣ сталъ ругателемъ. Чего еще болѣе требовать?

Сіе воздается нынѣ несчастнымъ, и можетъ быть это еще малая часть воздаянія. Будетъ время, когда оскорбителей моихъ и великаго ихъ вождя увижу оплакивающими свое нечестіе, — когда всякое беззаконіе будетъ судимо и подвергнуто истязанію. Умалчиваю о нашихъ Божественныхъ изреченіяхъ и о тѣхъ казняхъ, которыя, по нашему ученію, уготованы въ будущемъ. Обратись къ своему ученію и къ ужасамъ, о которыхъ любятъ разсуждать не одни стихотворцы, но и философы; обратись къ своимъ Пириелегетонтамъ, Коцитамаъ и Ахеронтамъ, въ которыхъ мучатся за неправду Танталъ, Титій, Иксіонъ. Къ нимъ сопричислится Юліанъ, царь сего собратства, и даже предварить ихъ, по нашему слову и опредѣленію. Не жаждою будетъ онъ томиться, стоя по горло въ озерѣ; не будетъ приводимъ въ ужасъ камнемъ, по изобра-

женію трагика , висящимъ надъ головою и непре-
станно то поднимающимся , то опускающимся; его
не будутъ вертѣть на быстро кружащемся колесѣ;
и птицы не будутъ терзать его печень , никогда
неистоющающуюся , но всегда восполняемую , — пусть
все сіе будетъ истина , или одна баснь , скрывающая
истину въ вымыслѣ . Но тогда увидимъ , какъ и
чѣмъ онъ будетъ наказанъ , увидимъ , что мученіе
его будетъ тяжелѣе описанныхъ ; потому что взы-
сканія и воздаянія всегда соразмѣрны преступле-
ніямъ .

Таковъ отъ насъ даръ тебѣ , превосходный и
мудрый мужъ (скажу твоими же словами) , за ударъ
ногою ! Сіе воздаемъ тебѣ мы , которымъ , по вели-
кому и удивительному твоему уложенію , запрещено
было учиться краснорѣчію . Видишь , что не до кон-
ца должны мы были молчать , что твои уставы не
могли осудить насъ на всегдашнее безмолвіе ; но
что и намъ дана свобода возвысить голосъ и обли-
чить твое неразуміе . Какъ невозможно никакимъ
искусствомъ удержать Нильскіе водопады , низвер-
гающіеся изъ Еѳіопіи въ Египеть , или остановить
солнечный лучъ , хотя на малое время и затмѣвает-
ся онъ облакомъ ; такъ не лѣзя связать и языка
Христіанъ , обличающаго ваши дѣла . Сіе приносятъ
тебѣ Василій и Григорій , противники и противо-
борники твоего замысла , какъ самъ ты думалъ и
другихъ увѣрялъ , своими угрозами прославляя и
поощряя насъ къ вящему благочестію . Зная насъ
еще въ Греціи , какъ людей пріобрѣтшихъ себѣ имя
и извѣстность жизнію , краснорѣчіемъ и взаимнымъ
единодушіемъ , ты поттилъ насъ честию Циклона ,

то есть, послѣднихъ соблюдалъ на погибель, и, можетъ быть, умышлялъ принести въ побѣдный даръ демонамъ, какъ нѣчто великое и достойное твоего величія, если бы встрѣтили мы тебя возвращающагося изъ Персіи; или даже, худо разсчитывая, питалъ надежду и насъ ввергнуть въ одну съ собою бездну. Ибо мы не малодушнѣе тѣхъ юношей, которые были орошены въ огнѣ, побѣдили звѣрей въроу, охотно подверглись опасности вмѣстѣ съ мужественною матерью и еще мужественнѣйшимъ священникомъ, показали, что одна только вѣра непобѣдима; не малодушнѣе конечно и тѣхъ, которые при тебѣ явили свою неустрашимость, и изъ которыхъ одинъ (н), посрамивъ мать боговъ твоихъ, и разрушивъ жертвенникъ, веденъ былъ къ тебѣ, какъ осужденникъ, вошелъ какъ побѣдитель, и немало посмѣявшись твоей багряницѣ и твоимъ рѣчамъ, какъ преиспещреннымъ и смѣшнымъ, вышелъ отъ тебя съ большимъ дерзновеніемъ, нежели съ какимъ возвращается иной съ вечери и съ свѣтлаго пиршества; а другой (о), когда все тѣло глубоко просѣчено было ремнями, едва дыша отъ ранъ, не только не ослабѣлъ въ пыткахъ и не почелъ претерпѣваемыхъ мученій тяжкими, но даже замѣтивъ, что нѣкоторыя части тѣла не подвергались еще ударамъ, началъ обвинять мучителей въ нанесеніи ему оскорбленій; потому что не все его тѣло почтили, но оставили нѣчто неистерзаннымъ и неосвящен-

---

(н) Св. Маркъ Арсеузскій.

(о) Св. Евсевій Самосатскій.

нымъ, а съ симъ вмѣстѣ указывалъ на голенъ, которая одна избѣжала желѣзныхъ ногтей, и требовалъ, чтобы и ее не щадили.

Итакъ сіе тебѣ слово, цѣнное Христіанами, не ниже лжей и нелѣпостей Порфиріевыхъ, которыми вы восхищаетесь, какъ божественными глаголами, и не ниже твоего Мисопогона или Антіохика (п); ибо тѣмъ и другимъ именемъ надписываешь ты свое сочиненіе. Его дѣлали тогда важнымъ твои порфира и лъстецы, всему въ тебѣ удивлявшіеся, а теперь стало оно бороною, которую всѣ таскаютъ, рвутъ и осмѣиваютъ, равно какъ и трудившихся надъ нею. Въ немъ, какъ будто разсуждая о чемъ-то важномъ, ты весьма надмеваешься тѣмъ, что не имѣешь излишней заботливости о тѣлѣ, и никогда не чувствовалъ неваренія пищи отъ многояденія; а съ намѣреніемъ умалчиваешь о томъ, что такъ жестоко гналъ Христіанъ и истреблялъ сей многочисленный священный народъ. Но какой вредъ для общества, когда одинъ человекъ страдаетъ невареніемъ пищи, или имѣетъ естественную отрыжку? Когда же воздвигнуто было такое гоненіе, и произведено столько замѣшательства; тогда не должна ли была вся Римская Держава придти въ худое положеніе, какъ и дѣйствительно оказалось на опытѣ? Сей воздвигаемъ тебѣ памятникъ, который выше и славнѣе столповъ Иракловыхъ. Тѣ были водру-

---

(п) Сочиненіе Юліана Мисопогонъ — ненавистникъ бороды, написанное противъ Антіохіанъ, которые смѣялись надъ длинною и неопратною Юліановою бороною.

жены на одномъ мѣстѣ, и видимы только приходившими туда; а сей памятникъ, переходя отъ одного къ другому, не можетъ не быть вездѣ и всѣмъ извѣстенъ. И твердо знаю, что позднія времена увидятъ его обличающимъ тебя и твои дѣла, а также научающимъ и всѣхъ прочихъ не отваживаться на подобное возстаніе противъ Бога, чтобы, поступая подобно тебѣ, не получить одинаковаго съ тобою воздаянія.

С Л О В О 6,

О МИРѢ, ГОВОРЕННОЕ ВЪ ПРИСУТСТВІИ ОТЦА, ПОСЛѢ
ПРЕДШЕСТВОВАВШАГО МОЛЧАНІЯ, ПО СЛУЧАЮ ВОЗ-
СОЕДИНЕНІЯ МОНАШЕСТВУЮЩИХЪ.

Ревность разрѣшаетъ языкъ мой, и я оставляю
безъ исполненія законъ человѣческій для закона ду-
ховнаго: дарю миру слово, хотя прежде ни за что
не соглашался приступить къ слову. Ибо какъ ско-
ро возмущились противъ насъ члены, великое и
честное тѣло Христово начало раздѣляться и раз-
сѣиваться, такъ что едва не *расточишася кости*
ваша при адѣ (Пс. 140, 7.), подобно тому, какъ
глубина земли раздирается плугомъ и разсыпается
по поверхности; какъ скоро лукавый, раздравши
нераздираемый, нераздѣлимый и весь тканый *хи-*
тонъ (Іоан. 19, 23.), присвоилъ его весь себѣ, ус-
пѣвъ чрезъ насъ сдѣлать то, чего не могъ сдѣлать
чрезъ распинателей Христовыхъ: тогда *положихъ*
хранило устомъ (Пс. 38, 2.), и въ другихъ слу-
чаяхъ несловоохотнымъ, рассуждая, что духовный
порядокъ требуетъ сперва очистить себя самага
дѣятельнымъ любомудріемъ, потомъ, *отверзши ус-*
та разума, привлечь духъ (Пс. 118, 131.), а во-

слѣ уже отрыгнуть слово благо (Пс. 44, 22.) и глаголатъ премудрость Божію, совершенную въ совершенныхъ (1 Кор. 2, 6.). Притомъ какъ есть время всякой вещи, малой и великой, по справедливому и весьма разумному изреченію Соломона (Еккл. 3, 1.); такъ и я, не менѣ всякаго другаго, зналъ время говорить и молчать. Посему *онлмьхъ и смирихся* (Пс. 38, 3.), когда вблизи меня не стало ничего добраго, какъ будто облако набѣжало на сердце мое и сокрыло лучъ слова, а *блгзнь моя обновлялась* днемъ и ночью; все возжигало ее во мнѣ, все напоминало о разьединеніи братій: бдѣнія, пощенія, молитвы, слезы, мозоли на колѣнахъ, біеніе въ перси, воздыханія изъ глубины сердца, всенощное стояніе, переселеніе умомъ къ Богу, тихій плачь среди моленій, приводящій въ умиленіе слушающихъ, — также покаяніе, словословія, поучающіеся день и ночь въ законъ Господнемъ, посящіе въ гортани своей возношенія Божія (Пс. 149, 6.). О томъ же напоминали мнѣ и сіи прекрасныя черты и признаки жизни по Богу, сіи безмолвные проповѣдники — волосы сухіе и нечистые, ноги босыя и, подобно Апостольскимъ, ничего не носящія на себѣ мертваго, стриженіе власовъ тому же соотвѣтствующее, одежда смиряющая гордость, поясъ прекрасный своею неукрашенностію, подбирающій нѣсколько, но нимало не приподнимающій одежду, походка твердая, взоръ неблуждающій, улыбка пріятная, или лучше сказать, только видъ улыбки, цѣломудренно удерживающій отъ немудреннаго смѣха, слово съ разумомъ, молчаніе драгоцѣннѣйшее самаго слова, хвала, приправленная

солю, но не для ласкательства, а въ руководство къ лучшему, порицаніе болѣе самой похвалы возжеланное, умѣренность въ печали и въ веселости, и раствореніе одной другою, мягкость, соединенная съ мужествомъ, и суровость съ скромностію, такъ что одно другому не вредить, но одно чрезъ другое дѣлается похвальнымъ; умѣренность въ общеніи съ другими и въ уклоненіи отъ общенія,— общеніи для назиданія другихъ, и уклоненіи для собственнаго поученія тайнамъ Духа, — общеніи, сохраняющемъ уединеніе среди самаго общества, и уклоненіи, соблюдающемъ братолюбіе и челоѣколюбіе среди самаго уединенія, а что и сего еще важнѣе и выше, богатство, состоящее въ бѣдности, обладаніе — въ пришельствіи, слава — въ безчестіи, сила — въ немощи, прекрасное чадородіе — въ безбрачїи, такъ какъ раждаемое по Богу лучше порожденій по плоти. Наконецъ люди, почитающіе для себя наслажденіемъ не имѣть никакихъ наслажденій, смиряющіеся ради небснаго царства, не имѣющіе ничего въ мірѣ и стоящіе выше міра, живущіе во плоти какъ бы внѣ плоти, которыхъ часть — *Господь* (Числ. 18, 20.), *нищїе ради царствїя* (Матѣ. 5, 3.) и *нищетою царствующіе*. Вотъ кто своимъ присутствіемъ веселилъ меня, составлялъ мое богатство, мое лучшее утѣшеніе, и — своимъ отсутствіемъ приводилъ меня въ уныніе! Вотъ что стѣсняло и возмущало мою душу; вотъ отъ чего ходилъ я, плача и стѣня! Вотъ почему отринулъ я съ другими удовольствїями и самое слово! Ибо *возлюбленные отверглись* меня и *обратились ко мнѣ хребты, а не лица своя* (Втор. 32, 15. Іер.

2, 27.); паства стала свободнѣе (чтобы не сказать отважнѣе) пастыря; *виноградъ истинный*, прекрасно очищенный добрымъ дѣлателемъ и приносявшій добрые плоды въ божественныя точила, превратился для меня въ горечь (Іер. 2, 21.); *друзи мои и искренніи мои* прямо мнѣ приближились и сташа; и ближніи мои отъдалече мене сташа (Пс. 37, 12.). Изъ сильной любви къ Богу и ко Христу мы раздѣлили Христа, изъ-за Истины (Іоан. 14, 6.) стали лгать другъ на друга, ради Любви (1 Іоан. 4, 8.) поучались ненависти, изъ-за Камня (1 Кор. 10, 4.) поколебались, изъ-за *краугольного Камня* (Ефес. 2, 20.) разсмыслились, сверхъ нужды ратовали изъ-за Мира, были низлагаемы изъ-за Вознесеннаго на древо, подвергались смерти изъ-за Погребеннаго и Воскресшаго.

Такъ было прежде! И для чего среди радости возобновлять неудовольствіе, останавливаясь на событіяхъ печальныхъ, которыхъ не желалъ бы не только испытать, но и привести на память, о которыхъ лучше не говорить, а молчать, сокрывъ во глубинѣ забвенія постигшее насъ несчаствіе? Развѣ кто для того только напомнить о скорбномъ, чтобы вразумиться намъ симъ примѣромъ, и, какъ въ болѣзни, избѣгать причинъ, которыя довели до такого состоянія.

Но теперь, когда отбѣжали отъ насъ болѣзнь, печаль и воздыханіе, когда мы чтители Единаго стали едино, мы чтители Троицы, такъ сказать, срались между собою, стали единокорными и равночестны, мы чтители Слова оставили безсловесіе, мы чтители Духа горимъ ревностію не другъ противъ

друга, но за-одно другъ съ другомъ, мы читатели *Истины*, одно мудствуемъ и одно говоримъ, мы читатели *Мудрости* стали благоразумны, читатели *Того, Кто—Свѣтъ, Путь, Дверь, яко во дни благо-образно ходимъ*, всѣ идемъ прямымъ путемъ, всѣ внутри двора; читатели *Агнца и Пастыря* сдѣлались кроткими, и принадлежимъ уже къ тому же стаду и единому пастырю, который пасеть стадо *съ сосудами не пастыря неискусна* (Зах. 11, 16.), погубляющаго овецъ своего пастбища и предающаго ихъ волкамъ и стремнинамъ, но пастыря весьма испытаннаго и опытнаго; теперь, когда мы, читатели *Пострадавшаго за насъ*, стали сострадательны и готовы облегчать тяготы другъ другу, читатели *Главы* образуемъ стройное тѣло и скрѣпленное всякимъ духовнымъ союзомъ (Еф. 4, 16.), когда Богъ, *творяй вся и претворяй въ полезнѣйшее* (Амос. 5, 8.), *обратилъ плачь нашъ въ радость*, и вмѣсто *вретища* далъ намъ *веселіе* (Пс. 29, 12.): тогда и я, вмѣстѣ съ прошедшими скорбями, отлагаю молчаніе и приношу настоящему времени и вамъ, или паче Богу, слово, самую приличную благодарственную жертву, даръ, который чище злата, дороже многоцѣнныхъ камней, цѣннѣе тканей, святѣе жертвы подзаконной, святѣе начатка первородныхъ, угоденъ Богу паче тельца юнаго, еще не совершеннаго по рогамъ и раздвоеннымъ копытамъ (Пс. 68, 32.) и безсмысленнаго, угоденъ паче куренія, паче всесоженія, паче многихъ тысящъ тучныхъ ововъ,—паче всего, чѣмъ Законъ, заключающій въ себѣ только начальныя основанія, держалъ во власти еще младенчествующаго Израиля,

преднаписуя въ кровавыхъ жертвахъ будущее жертвоприношеніе. Сіе приношу Богу, сіе посвящаю Ему, что́ одно и оставилъ я у себя, чѣмъ однимъ и богатъ я; потому что отъ прочаго отказался изъ повиненія заповѣди и Духу; все, что́ я ни имѣлъ, промѣнялъ на драгоценную *жемчужину*; сдѣлался (или лучше сказать, желаю сдѣлаться) тѣмъ счастливымъ *купцемъ*, который за малое, несомнѣнно тѣнное, купилъ великое и нетлѣнное (Матѣ. 13, 45. 46.); но удерживаю за собою одно слово, какъ служитель слова, и добровольно никогда не пренебрегу сего стяжанія, но цѣню, люблю его и веселюсь о немъ болѣе, нежели о всемъ томъ въ совокупности, что́ радуется большую часть людей; дѣлаю его сообщникомъ всей жизни, добрымъ совѣтникомъ, собесѣдникомъ и вождемъ на пути къ горнему и усерднымъ сподвижникомъ. И такъ какъ презираю все дольнее, то вся моя любовь послѣ Бога обращена къ слову, или лучше сказать, къ Богу, потому что и слово ведетъ къ Богу, когда оно соединяется съ разумнѣемъ, которымъ однимъ Богъ истинно пріемлетъ, и сохраняется, и возрастаетъ въ насъ. *Я нарекъ премудрость сестру мнѣ быти* (Притч. 7, 4.), *почтилъ и обзялъ ее*, сколько мнѣ дозволено было, и домогаюсь *внѣца благодатей и сладости на главу свою* (Притч. 4, 8. 9.), то есть, даровъ премудрости и слова, озаряющаго умъ нашъ и освѣщающаго наши шествія къ Богу. Черезъ слово я обуздываю порывы гнѣва, имъ усыпляю изсушающую зависть, имъ успокоиваю печаль, оковывающую сердце, имъ уцѣломудриваю сластолюбіе, имъ полагаю мѣру ненависти, но не

дружбѣ (ибо ненависть должно умѣрять, а дружбѣ не должно знать предѣловъ). Слово въ изобиліи дѣлаетъ меня скромнымъ, и въ бѣдности великодушнымъ; оно побуждаетъ меня идти съ идущимъ твердо, простирать руку помощи падающему, сострадать немощному и сорадоваться возмогающему. Съ нимъ равны для меня и отечество и чуждая страна, и переселеніе для меня не болѣе, какъ переходъ съ одного чужаго мѣста на другое не мое. Слово для меня раздѣляетъ міры, и отъ одного удаляетъ, къ другому приводитъ. Оно научаетъ меня не возноситься *десными оружіями правды* (2 Кор. 6, 7.), и въ несчастныхъ и прискорбныхъ обстоятельствахъ со мною *любомудрствуетъ*, подавая *непостыждающую надежду* (Рим. 5, 5.), и облегчая настоящее будущимъ. Словомъ и нынѣ встрѣчаю друзей своихъ и братьевъ, и предлагаю трапезу словесную и чашу духовную и всегдашнюю, а не такія, какими земная трапеза лѣститъ чреву, которое не можетъ быть исправлено, но *упразднится* (1 Кор. 6, 13.). *Молчахъ, еди и всегда умолю* (Ис. 42, 14.)? *Терпѣхъ, яко рождающая*; ужели и всегда буду терпѣть? Молчаніе Захаріи разрѣшилъ родившійся Іоаннь (ибо неприлично было молчать отцу гласа, когда гласъ уже произошелъ; но какъ невѣріе гласу связало языкъ, такъ явленіе гласа должно было разрѣшить отца, которому и благовѣствованъ и родился сей гласъ и свѣтильникъ, предтеча Слова и Свѣта): а мнѣ разрѣшаетъ языкъ и возвышаетъ гласъ, какъ гласъ трубы, сіе благодѣтельное событіе, сіе прекрасное зрѣлище, какое представляютъ чада Божіи, прежде рас-

точенныя, а нынѣ собранныя во-едино, покоющіяся подъ одними и тѣми же крылами, въ единомыслии идущія въ домъ Божій и соединенныя между собою единымъ союзомъ добродѣтели и Духа. Я не могу молчать, когда уже не возстаемъ другъ на друга (до того нашъ умъ уловленъ былъ лукавымъ, или терпѣлъ отъ него насиліе, или *сострѣпанъ* былъ имъ во мраць (Пс. 10, 2.), отъ него же наведенномъ, или какъ иначе это выразить,—что мы радовались несчастіямъ другъ друга, не думая о томъ, что взаимное несогласіе причиняетъ вредъ цѣлому тѣлу). Не могу молчать, когда Иуда и Израиль *поставляютъ себѣ власть едину* (Ос. 1, 11.), Иерусалимъ и Самарія собираются къ единому горнему Иерусалиму, и мы стали уже не Павловы, Аполосовы и Кифины (изъ-за чего и противъ чего и происходили горделивыя пренія), но всѣ — Христовы (1 Кор. 1, 12.).

Но поелику вы овладѣли теперь и мною и словомъ не безъ насилія, но не по неволѣ, а по любви, то буду вѣщать (хотя едва могу), потому что вы такъ повелѣваете, и произнесу слова благодаренія и вразумленія.

Благодареніе мое таково: *Кто возглаголетъ силы Господни? Кто во услышаніе всѣхъ возвѣститъ всю хвалу* (Пс. 105, 2.)? Теперь обоя *едино, и средостѣнныя ограды разорено* (Еф. 2, 14.). Ты содѣлалъ, что мы перестали быть *притчею во языцехъ*, предметомъ покиванія главою въ людехъ (Пс. 43, 15.). Ты далъ намъ столько потерпѣть зла, сколько нужно было, чтобы во время раздѣленія познали мы благо мира, и, поразивъ скорбію,

опять возстановилъ насъ. Чудное врачеваніе! Ты враждою научилъ миру скоро возненавидѣвшихъ вражду; противнымъ устроилъ противное, и столько разлучилъ насъ, что мы тѣмъ съ большею охотою устремились другъ къ другу: подобно какъ вѣтви растеній, насильно разведенныя и потомъ оставленныя на свободѣ, опять стремятся одна къ другой, принимая прежнее естественное положеніе, и показываютъ въ себѣ то свойство, что насиліемъ можно ихъ нагнуть, а не исправить. *Рука* уже не презираетъ *ока*, и *око*—*руки*; *глава* не возстаетъ противъ *ногъ*, и *ноги* не чуждаются *главы* (1 Кор. 12, 21.), и не вредятъ, или лучше сказать, не терпятъ вреда отъ безпорядка и безначалія, отъ котораго и во всемъ происходитъ замѣшательство и разрушеніе: но всѣ члены, по естественному чину и закону, которымъ все между собою соединено и сохраняется, равно заботятся другъ о другѣ,— и мы составляемъ теперь *едино тѣло и едины духъ*, *якоже и званіи быхомъ въ единомъ упованіи званія* (Ев. 4, 4.). *Сега ради восхваляютъ Тя людіе нищійи* (Иса. 25, 3.), ставъ богатыми изъ убогихъ. Ты удивилъ на насъ милость Твою (Пс. 30, 22.), и къ древнимъ сказаніямъ присоединяется нѣчто новое. *Идѣже бо умножися грѣхъ, преизбыточествоваа благодать* (Рим. 5, 20.). Бросивъ зерно, получилъ я колосья; оплакивая потерю овецъ, приобрѣлъ пастырей, и вѣрно знаю, что приобрѣту еще наилучшаго изъ пастырей (а), хотя онъ, по

(а) Св. Василія Великаго, который былъ уже тогда рукопо-

нѣкоторымъ духовнымъ причинамъ, и медлитъ принять паству. Сему пастырю уже ввѣрены и благодать Духа, и таланты для употребленія, и попеченіе о стадѣ; онъ помазанъ помазаніемъ святости и совершенія: но мудрость еще удерживаетъ его отъ начальства, и онъ до времени держитъ *свѣтильникъ подъ спудомъ*; но вскорѣ поставитъ его на *свѣщникъ*, *свѣтитъ* всякой душѣ въ Церкви (Матѣ. 5, 15.), и быть *свѣтомъ стезямъ нашимъ* (Пс. 118, 104.). Онъ теперь обзрѣваетъ еще дебри, горы и потоки, и приготовляетъ сѣти волкамъ-хищникамъ душъ, дабы во время благопотребно принять жезлъ и пасти сіе словесное стадо, вмѣстѣ съ Истиннымъ Пастыремъ, вселяясь на *мѣсть злачиль*, среди вѣчно зеленѣющихъ словесъ Божіихъ, и *питая водою упокоенія*, то есть, Духомъ (Пс. 22, 2.). Сего мы надѣмся, и о семъ молимся.

Но мнѣ уже время присовокупить къ благодаренію и увѣщаніе, которое предложу также, сколько можно, короче; потому что вы большею частію разумлены уже самими событіями, и для наученныхъ опытомъ не нужны продолжительныя поученія.

Во-первыхъ не надлежало намъ, братія, раздѣляться, и тѣмъ губить свое древнее достоинство и украшеніе, по которому наше малое стадо, хотя и не лзя ставить его на ряду съ многочисленными паствами, однако же равнялъ я съ самыми великими и обширными, даже предпочиталъ нѣкоторымъ, по

ложенъ въ пресвитера Церкви Кесарійской, но на время удался въ пустыню.

силѣ Духа: Такаъ было прежде: каждая паства имѣла свое меньшее или большее украшеніе; отличительнымъ свойствомъ нашей паствы была непоколебимость и безмятежіе, а посему часто называли ее ковчегомъ Ноевымъ за то, что она спасалась отъ всемірнаго потопленія, и хранить въ себѣ сѣмена благочестія. Даже, когда обличилось, что и мы люди, когда мы не избѣгли совершенно зависти лунаваго, не устояли противъ болѣзни все заражающей, но понесли свою долю въ общемъ несчастіи, и не соблюли до конца прекраснаго и отеческаго наслѣдія, то есть, блага единомыслія: и въ семь ому чѣмъ имѣли мы не малое преимущество предъ другими (если только уповавъ на Христа, можно намъ похвалиться чѣмъ-нибудь, и при самой враждѣ нашей), — то преимущество, что послѣдніе подверглись злу и первые исправились. Внасть въ болѣзнь есть удѣлъ общей природы и немощи человѣческой, которая на всѣхъ простирается, и на самыхъ кривыхъ по тѣлу и духу: но возстать отъ болѣзни и возвратиться другъ къ другу есть дѣло разсужденія и благодати, которая прекрасно и справедливо вознаградила насъ, даже лучше, нежели какъ мы желали и другіе надѣялись: Ибо тѣхъ, которме были поставлены главами (б) отдѣлившись, какъ поставленныхъ ради благочестія и въ пособіе страждущему Православію, мы приняли съ любовію и обходились не какъ съ врагами, но какъ съ братьями,

---

(б) Нѣкоторые изъ монаховъ, отдѣлившись отъ Епископа Назіанзскаго, были поставлены въ пресвитеры посторонними Епископами, какъ объясняетъ Ілія Критскій.

обнялись съ тѣми, которые возмутились противъ насъ не на-долго за отеческое наслѣдіе, впрочемъ возмутились братски, а не злонамѣренно. Вражду ихъ мы не похвалили, но ревность одобрили: ибо несогласіе за благочестіе гораздо лучше согласія по какой-нибудь страсти. Такимъ образомъ самую потерю обратили мы себѣ въ пріобрѣтеніе, покрывъ любовію умышенное ими противъ насъ; и въ томъ одномъ измѣнивъ порядокъ, что не благодать послѣдовала за избраніемъ, но избраніе за благодатію, и что для сообщенія ея воспользовались мы чуждымъ рукоположеніемъ, будучи нѣсколько упреждены Духомъ. А вы, оставивъ подозрѣніе противъ письмени (в), обратились къ духу, и хотя не одобрили простоты при ясности рѣченій, однакоже не подозрѣвали нечестія, зная, что у насъ такъ же тверда и непоколебима Троица, какъ въ естествѣ своемъ, и что отсѣчь или отчуждить что-нибудь отъ Трехъ для насъ значитъ тоже, что отсѣчь все и нагло возстать противъ всего Божества. Въ этомъ мы, даже во время самаго раздѣленія, иногда и предъ извѣстными людьми защищали другъ друга. А сіе служить самымъ сильнымъ доказательствомъ, что истина не побѣждается и временемъ, и что вражда не погасила въ насъ совершенно искры любви. При самомъ раздорѣ сохранялось въ насъ важнѣйшее, то есть, единомысліе и увѣренность, что мы не колеблемся въ истинѣ и не противорѣчимъ ей, но

(в) То есть, неосторожной подписи Св. Григорія, Епископа Назіанскаго, подъ символомъ полуаріанскимъ.

запечатлѣны тѣмъ же характеромъ вѣры и перваго удивленія нашего. Ибо людей, искренно чтущихъ Бога, ничто не можетъ такъ сильно побудить къ единомыслию, какъ согласіе въ ученіи о Богѣ, и ничто такъ не располагаетъ къ раздору, какъ несогласіе въ семъ ученіи. Человѣкъ самый скромный въ другихъ случаяхъ становится самымъ пламеннымъ, *кроткій—храбрымъ* (Іоил. 3, 11.), когда видитъ, что чрезъ свое равнодушіе онъ лишается Бога, или, лучше сказать, своимъ паденіемъ причиняетъ ущербъ Богу, Который насъ почитаетъ Своимъ богатствомъ и обогащаетъ.

Такимъ образомъ въ самомъ разлученіи, какъ сказалъ я, мы были столько умѣренны, что наше единомысліе стало виднѣе разъединенія, и благопріятными расположеніями той и другой стороны почти закрыто происшедшее. Поелику же для прочности мира недостаточно одной послѣдственности въ примиреніи, если оно не будетъ подкрѣплено разумомъ, и разуму не будетъ сподобникомъ самъ Богъ, отъ Котораго всякое добро получаетъ начало и приходитъ въ совершенство: то молитвою и размышленіемъ постараемся утвердить въ силѣ наше примиреніе.

Помыслимъ, во-первыхъ, о превосходнѣйшемъ и высочайшемъ изъ всего сущаго Богъ (если только не найдетъ кто приличнѣйшимъ поставить Его и выше сущности (*ὑψίστος*), или въ Немъ заключить все бытіе, такъ какъ отъ Него сообщается бытіе и прочему); помыслимъ, во-вторыхъ, и о существахъ первыхъ отъ Бога и окрестъ Бога, то есть, объ Ангельскихъ и небесныхъ Силахъ, которыя первыя

пiють отъ Перваго Свѣта, и, просвѣтляеммы словомъ истины, сами суть свѣтъ и отблески Совершеннаго Свѣта. Симиъ существамъ ничто такъ не свойственно, какъ миръ и безмятежiе. Ибо въ Божествѣ нѣтъ несогласiя, потому что нѣтъ и разъединенiя (такъ какъ разъединенiе есть слѣдствiе несогласiя): но въ Немъ столько согласiя и съ Самимъ Собою и со вторичными существами, что наряду съ другими, и предпочтительно предъ другими именами, какими угодно назваться Богу, сiе преимущественно стало Его именованiемъ. Онъ называется *миромъ* (Ев. 2, 14.), *любовiю* (1 Иоан. 4, 16.) и подобными именами, внушая намъ самими наименованiями стремиться къ стяжанiю сихъ совершенствъ. А изъ Ангеловъ тотъ, который дерзнулъ промзвестъ возмущенiе, и выше своего достоинства вознесъ выю противъ Господа Вседержителя, или, по пророческому слову, замыслилъ о *престоль выше облакъ* (Ис. 14, 13. 14.), — понесъ наказанiе, достойное высокоумiя, осужденъ быть вмѣсто свѣта тмою, или, справедливѣе сказать, самъ сталъ тмою. Между тѣмъ ирочiе пребываютъ въ своемъ достоинствѣ, въ которомъ главное составляетъ миръ и безмятежiе, потому что отъ Всехвальна и Святая Троицы, отъ Которой имѣютъ они свѣтозарность, получили и то, чтобъ быть едино. Потому что и Троица есть и исповѣдуются Богъ Единный не менѣе по согласiю, какъ по тождеству сущности. Посему всѣ тѣ, которые любятъ благо мира, и напротивъ того ненавидятъ раздоръ и отвращаются его, близки къ Богу и Божественнымъ духамъ; а тѣ, которые браннолюбивы и правомъ,

ищутъ славы въ нововведеніяхъ и тщеславятся тѣмъ, чего бы надлежало стыдиться, принадлежать къ противоположной сторонѣ. Ибо и діаволь не только самъ съ собою въ раздорѣ, по своей многовидности и по своимъ страстямъ, но тоже производитъ и въ другихъ, какъ челоуѣкоубійца искони и ненавистникъ добра, прикрывая себя тмою возмущенія (дабы *сострѣляти во мраць* общее тѣло Церкви); съ каковымъ ухищреніемъ и лукавствомъ, думаю, приступаетъ онъ по большей части и къ каждому изъ насъ, и тайно высматриваетъ въ насъ мѣсто, гдѣ бы совершенно ворваться, какъ храбрый воинъ вторгается въ проломленную стѣну или въ прорванный строй.

Итакъ необходимость доброжелательства и согласія достаточно уже доказывается сямъ однимъ, то есть, подражаніемъ Богу и существамъ Божественнымъ; ибо на нихъ только взирать и безопасно душѣ, созданной по образу Божію, дабы стремленіемъ къ Божественному и послѣднимъ уподобленіемъ въ наибольшей мѣрѣ сохранить ей свое благородство. Сверхъ сего внимая гласу Божію, *воззримъ еще на небо горъ и на землю низу* (Ис. 8, 22.), и выйдемъ въ законы твари. Небо, земля, море, словомъ — весь сей міръ, сія великая и преславная книга Божія, въ которой открывается самымъ безмолвіемъ проповѣдуемый Богъ, сей міръ доколѣ стоитъ твердо и въ мирѣ съ самимъ собою, не выступая изъ предѣловъ своей природы, доколѣ въ немъ ни одно существо не возстаетъ противъ другаго и не разрываетъ тѣхъ узъ любви, которыми все связалъ Художникъ — Творческое Слово:

дотолѣ соотвѣтствуетъ своему названію и подлинно есть міръ (*κόσμος*) и красота несравненная; дотолѣ ничего не лзя представить себѣ славнѣе и величественнѣе его. Но съ прекращеніемъ мира и міръ перестанетъ быть міромъ. Въ самомъ дѣлѣ не примѣчаешь ли, что законъ любви управляетъ небомъ, когда оно въ стройномъ порядкѣ сообщаетъ воздуху свѣтъ и землѣ дожди? А земля и воздухъ не родительской ли любви подражаютъ, когда даютъ всѣмъ животнымъ одна пищу, другой возможность дышать, и тѣмъ поддерживаютъ жизнь ихъ? Не миромъ ли управляются времена года, которыя, кротоко между собою растворяясь, постепенно заступаютъ одно мѣсто другаго, и средними временами смягчаютъ суровость крайнихъ, служа тѣмъ вмѣстѣ къ удовольствію и къ пользѣ? Что сказать о днѣ и ночи, которыя уравниваются другъ съ другомъ, равномерно возрастаю и убывая, изъ которыхъ одинъ призываетъ насъ къ дѣламъ, а другая къ покою? Что сказать о солнцѣ и лунѣ, о красотѣ и множествѣ звѣздъ, которыя стройно появляются и заходятъ? Что сказать о морѣ и сушѣ, которыя мирно между собою соединяясь, благосклонно и человѣколюбиво передаютъ другъ другу человѣка, и богато и щедро расточаютъ ему свои сокровища? Что сказать о рѣкахъ, которыя текутъ чрезъ горы и поля и не выступаютъ изъ своихъ предѣловъ, развѣ только для пользы, *ниже обращаются покрыти землю* (Пс. 103, 9.)? Что сказать о смѣшеніи и раствореніи стихій? Что сказать о соразмѣрности и согласіи членовъ, о пищѣ, о рожденіи и обитаніи, опредѣленныхъ каждому животному,

изъ которыхъ однѣ господствуютъ , другія подчиняются, однѣ покорны намъ, другія свободны? Если все сіе бываетъ такъ и распоряжается и управляется по первоначальнымъ законамъ гармоніи , такъ какъ бы все вмѣстѣ текло, одно имѣло дыханіе: то можно ли сдѣлать изъ сего другое заключеніе, кромѣ того, что все проповѣдуетъ намъ о дружествѣ и единомысліи, что все предписываетъ намъ законъ единодушія? Но когда въ мірѣ вещество возмутится само противъ себя и, своимъ смятеніемъ готови разрушеніе, сдѣлается неукротимымъ, или когда Богъ, въ страхъ и наказаніе грѣшникамъ, нарушитъ нѣсколько стройный порядокъ или наводненіемъ моря, или землетрясеніемъ, или необыкновенными дождями, или помраченіемъ солнца, или продолжительностію какого-нибудь времени года, или изверженіемъ огня: тогда нестроеніе и страхъ разливаются на все, и среди смятенія открывается, сколь благодѣтеленъ миръ.

Не буду говорить о томъ, что миромъ поддерживаются, а отъ несогласія приходятъ въ разстройство города, царства, лики поющихъ, войска, дома, общества плывущихъ на одномъ кораблѣ, супружества и дружескіе союзы: остановлюсь на Израилѣ, и напомнивъ вамъ объ его бѣдствіяхъ, разсѣяніи и скитаніи, въ какомъ находится онъ нынѣ, и долго еще будетъ находиться (въ чемъ вѣрю пророчествамъ), спрошу потомъ васъ о достовѣрно вамъ известной причинѣ сихъ несчастій, дабы бѣдствія другихъ научили насъ единомыслію.

Не правда ли, что доколѣ Израильтяне сохраняли миръ между собою и съ Богомъ, мучимые въ Египтѣ,

канъ въ жѣлѣзной печи, и соединяемые общимъ утѣ-
 сненіемъ (иногда и утѣсненіе служить спаситель-
 нымъ врачевствомъ): дотолѣ назывались они *язы-*
камъ святымъ, *часкою Господнею* и *царскимъ*
священіемъ (Исх. 19, 6, Втор. 32, 9.)? И не име-
 немъ только были они таковы, а на дѣлѣ иные. Или
 управляли вожди, водимые Богомъ, днемъ и ночью
 путеводствовали ихъ столпъ огненный и облачный;
 во время бѣгства для нихъ разступилось море; ког-
 да алкали, небо подавало имъ пищу; когда жажда-
 ли, камень источалъ имъ воду; когда сражались,
 87 воздѣяніе рукъ замѣняло имъ тысячи воиновъ, при
 помощи молитвы воздвигало побѣдные памятники
 и пролагало путь впередъ; предъ ними отступали
 рѣки, подражая однородному морю, останавлива-
 лись стихіи и стѣны падали отъ звука трубъ. Что
 сказать о язвахъ Египетскихъ, о гласахъ Божіихъ,
 слышанныхъ съ горы, о двоякомъ законодательствѣ, —
 одномъ въ письмени, а другомъ въ духѣ, и о всемъ
 томъ, чѣмъ нѣкогда почтены были Израильтяне выше
 своего достоинства? — Но когда впали они въ бо-
 лѣзнь, съ яростію возстали другъ на друга, раз-
 дѣлились на многія части, будучи доведены до по-
 88 слѣдней крайности крестомъ и своимъ уворствомъ,
 съ какимъ возстали противъ Бога и Спасителя на-
 шего, не познавъ Бога въ человѣкѣ; когда навлекли
 на себя тотъ *железъ жемъзный* (Пс. 2, 9.), кото-
 рымъ Богъ угрожалъ имъ издавеча (разумѣю гос-
 подствующую нынѣ Державу, и преобладающее
 царство): тогда что стало? Чего не потерпѣли они?
 Іеремія плачетъ о прежнихъ ихъ бѣдствіяхъ и сѣ-
 туетъ о плѣненіи Вавилонскомъ: подлинно и то

иго рабства, вѣсьмъ извѣстное подъ Римскимъ владычествомъ униженіе, главнѣйшею виною котораго было возмущеніе? Какія книги вмѣстятъ сіе? Для нихъ одинъ памятникъ бѣдствія, — цѣлая вселенная, по которой они разбѣяны, прекратившееся Богослуженіе, едва узнаваемое нынѣ мѣсто самаго Іерусалима, который въ той только мѣрѣ для нихъ доступенъ и тѣмъ только ихъ услаждаетъ за прежнюю славу, что они, явившись тамъ на одинъ день, могутъ оплакать запустѣніе.

Если же возмущеніе дѣйствительно такъ страшно и губительно по своимъ послѣдствіямъ, какъ видно изъ сказаннаго и какъ показываютъ многіе другіе примѣры: то гораздо страшнѣе людямъ, которые освободились уже отъ мелочной привязчивости и вкусили благъ мира, снова подвергнуться той же болѣзни и, какъ говорится, возвратиться на свою блевотину, не вразумившись самымъ опытомъ, который поучителенъ и для несмысленныхъ. Ибо, какъ вижу, легкомысленными и неразумными почитаютъ не тѣхъ, которые преданы какому-либо пороку, но тѣхъ, которые, подобно переменчивымъ вѣтрамъ, или переменамъ и приливамъ воды въ Еврипахъ (г), или непостояннымъ волнамъ моря, легко увлекаются и переходятъ то на ту, то на другую сторону. Примѣчаю и то, что остающихся въ раздорѣ дѣлаетъ болѣе доступными по крайней мѣрѣ надежда на согласіе, которая облегчаетъ боль-

---

(г) Еврипомъ называется проливъ между Аттикою и островомъ Евбеєю.

шую часть ихъ несчастія; потому что для несчастнаго великое утѣшеніе — надѣяться на перемѣну и имѣть въ виду нѣчто лучшее: но тѣ, которые часто приступали къ единомыслію, и всегда снова устремлялись къ раздору, сверхъ всего другаго, лишаются и надежды на лучшее, боятся согласія не менѣе, чѣмъ раздора, и по причинѣ удобопреклонности къ тому и другому и непостоянства, ни тому, ни другому не довѣряють.

Да не подумаютъ однако же, будто бы я утверждаю, что всякимъ миромъ надобно дорожить. Ибо знаю, что есть прекрасное разногласіе, и самое пагубное единомысліе; но должно любить добрый миръ, имѣющій добрую цѣль и соединяющій съ Богомъ. И если нужно о томъ выразиться кратко, то скажу свою мысль: не хорошо быть и слишкомъ вялымъ и чрезъ мѣру горячимъ, такъ чтобы или, по мягкости нрава, со всѣми соглашаться, или, изъ упорства, со всѣми разногласить. Какъ вялость недѣтельна, такъ удобопреклонность на все необщительна. Но когда идетъ дѣло объ явномъ нечестіи, тогда должно скорѣе идти на огонь и мечъ, не смотрѣть на требованія времени и властителей и вообще на все, нежели приобщаться лукаваго кваса и прилагаться къ зараженнымъ. Всего страшнѣе бояться чего либо болѣе, нежели Бога, и по сей боязни служителю истины стать предателемъ ученія вѣры и истины. Но когда огорчаемся по подозрѣнію и боимся, не изслѣдовавши дѣла; тогда терпѣніе предпочтительнѣе поспѣшности, и снисходительность лучше настойчивости. Гораздо лучше и полезнѣе, не отлагаясь отъ общаго тѣла, какъ чле-

намъ онаго, исправлять другъ друга и самимъ исправляться, нежели, преждевременно осудивъ своимъ отлученіемъ и тѣмъ разрушивъ довѣренность, потомъ повелительно требовать исправленія, какъ свойственно властелинамъ, а не братіямъ.

Познавъ сіе, братія, обьемемъ и облобызаемъ другъ друга, будемъ искренно едино, будемъ подражать *Разорившему средостѣнныя ограды*, и кровію Своею все собравшему и примирившему. Скажемъ сему общему отцу, досточтимому старцу, кроткому и тихому Пастырю: видишь ли какая награда за смиреніе? *Возведи окрестъ очи твои, и видишь собранная чада твоя* (Ис. 60, 4.). Они собраны, какъ ты сего желалъ, и чего единого просилъ день и ночь, дабы кончить свое странствованіе въ старости доброй. Вотъ они всѣ пришли къ тебѣ, упокоиваются подъ крылами твоими и окружаютъ свой алтарь; со слезами они удалились, съ радостію возвращаются. Радуйся и увеселяйся, наилучшій и чадолюбивѣйшій изъ отцевъ, потому что ты какъ невеста убранствомъ одѣяна и облечена всѣми ими. Снажи и ты намъ: *се азъ и дѣти, яже ми даде Богъ* (Ис. 8, 18.)! Приложи и другое слово Господне, особенно нынѣ приличное: *изже далъ еси мнѣ, сохранихъ* (Іоан. 17, 12.), и изъ нихъ ни единого не погубилъ. И о если бы никто не погибъ, но всѣ мы пребыли въ единомъ духѣ, единодушно сподвизались за Евангельскую вѣру, едино мудрствовали; вооружась щитомъ вѣры, препоясавъ чресла истиною, знали одну только брань,—брань противъ лукаваго и противъ воинствующихъ подъ его начальствомъ; не боялись тѣхъ,

которые могут убить тѣло, но не могут похитить души; боялись же Господа души и тѣла; сохраняли драгоценный залогъ, полученный нами отъ отцевъ, то есть, поклонялись Отцу, и Сыну, и Святому Духу, въ Которыхъ мы крестились, въ Которыхъ увѣровали, съ Которыми сочетались; познавали Отца въ Сынѣ, Сына въ Духѣ, прежде соединенія раздѣляли, прежде раздѣленія соединяли; не почитали Трехъ за единого (потому что они не безъупостасны и не одну составляютъ упостась, такъ что богатство наше не въ однихъ именахъ, но въ самой вещи), и вѣрили, что Три суть едино,—едино же не упостасію, но Божествомъ—Единица въ Троицѣ покланяемая, и Троица въ Единицѣ возглавляемая, вся достопокланяемая, вся царственная, единопредстольная, равнославная, премірная и превышая времени, несозданная, невидимая, неприкосновенная, непостижимая, Сама только вѣдущая о Себѣ, какой порядокъ имѣетъ Сама въ Себѣ: а для насъ равно досточтимая, достойная равнаго служенія, Едина входящая во Святаа Святыхъ, всякую же тварь оставляющая внѣ, и отдѣляющая иныхъ первую, а другихъ второю завѣсою; такъ первую отдѣлены отъ Божества существа небесныя и Ангельскія, второю же отдѣлено наше естество отъ существъ небесныхъ.

Такъ, братія; будемъ поступать и такъ вести себя, и разномыслящихъ, доколѣ можно, будемъ принимать и врачевать какъ язву истины; страждущихъ же неисцѣльно станемъ отвращаться, чтобы самими не заразиться ихъ болѣзнію, прежде

нежели сообщимъ имъ свое здравіе. И Богъ мира,
всякъ умъ превосходящаго, будетъ съ нами, во
Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ, Которому слава
во вѣки вѣковъ. Аминь.

С Л О В О 7,

**НАДГРОВНОЕ ВРАТУ КЕСАРИЮ , ГОВОРЕННОЕ ЕЩЕ
ПРИ ЖИЗНИ РОДИТЕЛЕЙ.**

Можетъ быть , думаете вы , друзья , братія и отцы, --любезные дѣломъ и именемъ ! что я охотно приступаю къ слову, желая слезами и сѣтованіемъ сопроводить отшедшихъ отъ насъ, или предложить длинную и витіеватую рѣчь, каковыми многіе услаждаются. И одни готовятся скорбѣть и проливать со мною слезы , чтобы вмѣстѣ съ моимъ горемъ оплакать свое , какое у кого есть , и научиться скорби въ страданіяхъ друга; другіе же надѣются насытить слухъ и получить удовольствіе, предполагая, что и самое несчастіе обращу въ случай показать себя , какъ бывало со мною прежде , когда, кромѣ прочаго, довольно избыточествовалъ я предметами слова, и щедръ былъ на самыя слова, пока не воззрѣлъ къ истинному и высочайшему Слову, не предалъ всего Богу, отъ Котораго все, и въ замѣнъ всего не пріялъ Бога. Нѣтъ; не такъ о мнѣ разумѣйте, если хотите разумѣть справедливо. Не буду болѣе надлежащаго плакать объ умершемъ я, который не одобряю сего въ другихъ. Не стану и хвалить сверхъ мѣры и приличія ; хотя слово для

обладавшего даромъ слова, и хвала для любившаго особенно мои слова, есть такой даръ, который ему приятенъ и приличнѣ всякаго дара, и не только даръ, но долгъ, который справедливѣ всякаго долга. Однако же пролью слезы, и почту удивленіемъ, сколько сіе оправдываетъ данный на то законъ; ибо и это не чуждо нашему любомудрію; такъ какъ *память праведныхъ съ похвалами* (Притч. 10, 7.).

• *Надъ мертвецемъ источи слезы, и якоже злы страждущъ начни плачь* (Сир. 38, 16.), говорить нѣкто; равно предотвращая насъ и отъ нечувствительности и отъ неумѣренности въ скорби. Потомъ покажу немощь человѣческаго естества, упомяну и о достоинствѣ души. Какъ сѣтуящими подамъ должное утѣшеніе: такъ скорбь отъ тѣлеснаго и временнаго возведу къ духовному и вѣчному.

Начну, съ чего для меня всего приличнѣ начать. Всѣмъ вамъ извѣстны родители Кесаріевы; и видимы и слышимы вами ихъ добродѣтели; вы подражаете и удивляетесь имъ, а не знаящимъ, ежели есть таковыя, рассказываете о нихъ, избирая для сего—однѣ то, другой другой. Да и не возможно было бы одному пересказать о всемъ; такое дѣло, сколько бы кто ни былъ неутомимъ и ревностенъ, требуетъ не одного языка. Изъ многихъ же и великихъ качествъ, похвальныхъ въ нихъ (да не подумаютъ, что престопаю мѣру, хваля своихъ!), одно всѣхъ важнѣе и не уступаетъ прочимъ въ знаменитости; это—благочестіе. Скажу и то, что сѣи почтенные люди украшены сѣдинами, равно заслуживаютъ уваженіе и за добродѣтель и за преста-

рѣлость. Тѣла ихъ истощены лѣтами, но души ютѣютъ Богомъ.

Отець , бывшій дикою маслиной , искусно привить къ маслинѣ доброй, и до того напоенъ ея соками, что ему поручено прививать другихъ, вѣрено врачеваніе душъ. Сподобившись высокаго сана и почтенный высокимъ предсѣдательствомъ у людей сихъ, какъ второй Ааронъ , или Моисей, приближается онъ къ Богу, и другимъ, стоящимъ издали, преподаетъ Божіи глаголы. Онъ кротокъ , не гнѣвливъ, спокоенъ по наружности, горячъ духомъ, обилень дарами видимыми, но еще болѣе обогащенъ сокровенными. Но для чего описывать , кого вы сами знаете? Если и надолго простру слово; не скажу , сколько бы надлежало , и сколько каждый изъ васъ знаетъ и желаетъ слышать. Лучше представить всакому думать по-своему, нежели, изображая чудо словомъ, убавить большую часть онаго.

А матеръ издревле и въ предкахъ посвящена Богу; не только сама обладаетъ благочестіемъ, какъ неотъемлемымъ наслѣдіемъ , но передаетъ оно и дѣтямъ. Дѣйствительно, отъ святаго начатка и приращеніе свято (Рим. 11, 16.). И она до того возростила и приумножила сіе наслѣдіе, что нѣкоторые (скажу и сіе смѣлое слово) увѣрены и увѣряютъ, будто бы совершенства, видимыя въ мужѣ , были единственно ея дѣломъ, и (что чудно) въ награду за благочестіе жены дано мужу большее и совершеннѣйшее благочестіе.

Всего же удивительнѣе то , что оба они и чадолюбивы, и христолюбивы; вѣрнѣе же сказать, больше христолюбцы , нежели чадолюбцы. Для нихъ

и въ дѣтяхъ одно было утѣшеніе, чтобы прославлялись и именовались по Христу; подь благочадіемъ разумѣли они добродѣтель и приближеніе дѣтей къ совершенству. Они милосерды, сострадательны, многое спасаютъ отъ тли, отъ разбойниковъ и отъ міродержителя; сами изъ временнаго жилища преселяются въ постоянное, и дѣтямъ собираютъ драгоценнѣйшее наслѣдіе—будущую славу. Такъ достигли они маститой старости, равно уважаемые и за добродѣтель, и за возрастъ, исполненные дней, какъ преходящихъ, такъ и пребывающихъ. Въ томъ только не имѣютъ они первенства между земнородными, въ чемъ каждый изъ нихъ препятствуетъ другому стоять первымъ. Для нихъ во всемъ исполнилась мѣра благополучія; развѣ иной исключить послѣднее событіе, которое не знаю какъ называть — испытаніемъ ли, или Божиимъ смотрѣніемъ. Но я назвалъ бы смотрѣніемъ; потому что, предпославъ одного изъ дѣтей, который по возрасту могъ скорѣе поколебаться, тѣмъ свободнѣе могутъ они сами отрѣшиться отъ жизни, и со всѣмъ домомъ возноситься къ горнему.

Все сіе говорено мною не съ намѣреніемъ восхвалить родителей; ибо знаю, что едва ли бы кто успѣлъ въ этомъ, хотя бы на похвалы имъ посвятилъ и цѣлое слово. Я хотѣлъ только изъ свойства родителей показать, какова должна быть добродѣтель Кесаріева. Не удивляйтесь же и не почитайте невѣроятнымъ, что при такихъ родителяхъ явилъ онъ себя достойнымъ такихъ похвалъ. Напротивъ того удивительно было бы, если бы, презрѣвъ домашніе и близкіе примѣры, подражалъ онъ

другимъ. И дѣйствительно, начало было таково, какое и приличествовало человѣку, который имѣлъ благородное происхожденіе, и общалъ въ послѣдствіи жизнь превосходную. А средину сокращу: красота, величественность роста, во всемъ пріятность и, какъ бы въ звукахъ, стройность — такіа были преимущества въ Кесаріи, которымъ удивляться не наше дѣло, хотя для другихъ и кажутся онѣ немаловажными. Перейду же къ послѣдующему, о чемъ трудно и умолчать, хотя бы захотѣлъ.

Въ такихъ правилахъ воспитанные и наставленные, по достаточномъ упражненіи здѣсь (а) въ наукахъ, въ которыхъ, по быстротѣ и высокости дарованій (трудно и сказать, сколько) превзошелъ онъ многихъ, (могу ли безъ слезъ вспомнить о семъ, и отъ горести противъ обѣщанія не изобличить себя въ нелюбомудріи?) когда наступило время оставить намъ родительскій домъ, мы въ первый еще разъ разлучились другъ съ другомъ. Я, по любви къ краснорѣчію, остался въ процвѣтавшихъ тогда Палестинскихъ училищахъ, а онъ отправился въ Александрію, въ этотъ городъ, который и тогда, и донныѣ, былъ и почитался источнымъ мѣстомъ всякаго образованія.

Какое же изъ совершенствъ его наименую первымъ, или важнѣйшимъ? о чемъ умолчу безъ величайшаго ущерба слову? Кто довѣрчивѣе его былъ къ наставникамъ? Кто дружелюбнѣе съ сверстниками? Кто больше его убѣгалъ сообществъ и бе-

---

(а) Въ Назіанзѣ.

сѣдъ съ неблагонаправными? Кто вступилъ въ тѣснѣйшее общеніе съ людьми отличнѣйшими, какъ съ чужеземцами, такъ и изъ соотечественниковъ наиболѣе одобряемыми и извѣстными? Онъ зналъ, что короткое обращеніе съ людьми немало способствуетъ къ навыку и въ добродѣтели, и въ пороки. А за такія качества, кто болѣе его отличаемъ былъ начальствомъ, уважаемъ въ цѣломъ городѣ? И хотя, по обширности города, всѣ оставались въ безвѣстности; однако же кто былъ извѣстнѣе его цѣломудріемъ, славнѣе умомъ? Какого рода наукъ не проходилъ онъ? Или лучше сказать, въ какой наукѣ не успѣлъ болѣе, нежели какъ успѣвалъ другой, занимаясь ею одною? Кто, не только изъ сверстниковъ по ученію и лѣтамъ, но изъ старшихъ возрастомъ и начавшихъ учиться прежде него, могъ съ нимъ, хотя нѣсколько, сравниться? Онъ изучалъ всѣ науки какъ одну, и одну какъ всѣ. Быстрыхъ по дарованіямъ побѣждалъ трудолюбіемъ, и неутомимыхъ въ занятіяхъ — остротою ума; вѣрнѣе же сказать: скорыхъ превосходилъ скоростію, трудолюбивыхъ — прилежаніемъ, а преимуствовавшихъ въ томъ и другомъ — и тѣмъ и другимъ. Изъ Геометріи, изъ Астрономіи и изъ науки, для другихъ опасной (б), избиралъ онъ полезное, сколько нужно, чтобы, познавъ стройное теченіе и порядокъ небесныхъ тѣлъ, благоговѣть предъ Творцемъ; а что въ сей наукѣ есть вредное, того убѣгалъ, и теченію звѣздъ не подчинялъ ни существъ, ни явленій, какъ

(б) Астрологія.

дѣлають иные, сослужебную себѣ тварь поставляющіе наряду съ Творцемъ; напротивъ того, самое движеніе звѣздъ, какъ и все прочее, приписывалъ онъ, сколько должно, Богу. Что же касается до науки чиселъ и ихъ отношеній, также до чуднаго врачебнаго знанія, которое углубляется въ свойство естествовъ и темпераментовъ и въ начала болѣзней, чтобы исторгая корни, отсѣкать и вѣтви; то найдется ли человѣкъ столько невѣжественный, что далъ бы Кесарію второе мѣсто, а не предпочелъ лучше стать первымъ послѣ него, и имѣть совершенство между вторыми? И все сіе не осталось незасвидѣтельствованнымъ; напротивъ того Востокъ, Западъ и всѣ страны, гдѣ только въ послѣдствіи бывалъ Кесарій, служатъ знаменитыми памятниками его учености.

Когда же въ единую душу свою, какъ въ большой корабль, нагруженный всякими товарами, собравъ всѣ добродѣтели и свѣдѣнія, отправился онъ въ отечественный свой городъ, чтобы и другихъ надѣлать сокровищами своей учености; тогда случилось нѣчто удивительное. И какъ воспоминаніе о семъ меня особенно восхищаетъ, а можетъ быть и вамъ доставить удовольствіе; то не излишнимъ будетъ пересказать о томъ кратко. Матерь, въ материнскихъ и чадолюбивыхъ молитвахъ своихъ, просила Бога, чтобы ей обоихъ насъ, какъ отпустила вмѣстѣ, такъ и возвратившимся увидѣть вкушѣ. Ибо мы, когда бывали вмѣстѣ, казались какою-то двоицею, если не для другихъ, то для матери, достойною благожеланій и лицезрѣнія, хотя теперь

и разлучены по злобной зависти (в). А тогда Богъ, Который внемлетъ праведной молитвѣ, и награждаетъ любовь родителей къ благодѣтельнымъ дѣтямъ, подвигъ насъ, безъ всякаго съ нашей стороны соумышленія и соглашенія, одного изъ Александріи, а другаго изъ Греціи, одного сушею, а другаго моремъ, прибыть въ одно время и въ одинъ городъ. Это была Византія, городъ первопрестольный нынѣ въ Европѣ, въ которомъ Кесарій, по прошествіи немногаго времени, пріобрѣлъ такую славу, что ему предложены были отличія въ обществѣ, знатное супружество и мѣсто въ Сенатѣ. Даже по общему приговору отправлено къ великому Царю (г) посольство съ прошеніемъ, первый изъ городовъ, если Царь желаетъ сдѣлать его дѣйствительно первымъ и достойнымъ сего наименованія, почтить и украсить первымъ изъ ученыхъ мужей, а чрезъ сіе заставить, кромѣ прочаго, говорить о Византіи, что она, при иныхъ преимуществахъ, изобилуя многими мужами, отличными въ знаніи философіи и другихъ наукъ, имѣетъ еще у себя врачей и гражданномъ Кесаріи. Но о семъ довольно. А что съ нами тогда встрѣтилось, хотя казалось инымъ одною случайностію, не имѣвшею ни основанія, ни причины, какъ и многое въ нашей жизни приписывается случаю: однако же для боголюбивыхъ ясно въ

(в) То есть, діавола, который, своею прелестію склонивъ прародителей къ преслушанію, подвергъ всѣхъ насъ осужденію и смерти.

(г) Констанцію, котораго не было тогда въ Константинополѣ.

себѣ показывало не дѣло случая, но исполненіе молитвы благочестивыхъ родителей, по которой собираются къ нимъ дѣти и съ суши и съ моря.

Не умолчу и о томъ прекрасномъ качествѣ Кесарія, которое инымъ представляется, можетъ быть, маловажнымъ и не стоящимъ упоминанія, но мнѣ и тогда казалось, и теперь кажется весьма важнымъ, если только похвально братолюбіе. И когда ни буду говорить о дѣлахъ Кесаріевыхъ, не перестану причислять сего къ первымъ совершенствамъ. Въ Византіи, какъ сказала я, удерживали его почестями, и ни подъ какимъ предлогомъ не соглашались отпустить. Однако же перевозмогъ я, во всемъ уважаемый и высоко цѣнимый Кесаріемъ; я убѣдиль его исполнить моленіе родителей, свой долгъ къ отечеству, а также и мое желаніе; убѣдиль продолжить путь, и притомъ вмѣстѣ со мною, предпочтеть меня не только городамъ и народамъ, почестямъ и выгодамъ, которыя отвсюду обильно или уже лились къ нему, или льстили надеждою, но едва и не самому Государю и его приказаніямъ. Что до меня, то съ сего времени, отбросивъ всякое честолюбіе, какъ тяжкое иго властелина или мучительную болѣзнь, рѣшился я посвятить себя любомудрью и стремиться къ горней жизни; или лучше сказать, такое желаніе началось во мнѣ ранѣе сего, но образъ жизни принять послѣ. Кесарій же первые плоды учености посвятилъ своей родинѣ, и своими трудами заслуживъ должное уваженіе, потомъ увлеченъ былъ желаніемъ славы и, какъ меня увѣрялъ, желаніемъ сдѣлаться полезнымъ для города. Онъ отправился къ царскому двору, — что мнѣ

3.

не совсѣмъ правилось, и не по моему было расположенію; ибо (извинюсь предъ вами) для меня лучше и выше быть послѣднимъ у Бога, нежели занимать первое мѣсто у земнаго царя. Однако же поступокъ Кесаріевъ не заслуживалъ и укоризны; ибо жизнь любомудренная, какъ всего выше, такъ и всего труднѣе; она и возможна не для многихъ, а только для тѣхъ, которые призваны къ сему высокимъ Божиимъ Умомъ, благопоспѣшествующимъ въ благомъ предпріятіи. Но не маловажно и то, ежели кто, избравъ второй родъ жизни, сохраняетъ непорочность, и болѣе помышляетъ о Богѣ и о своемъ спасеніи, нежели о своей славѣ; кто дѣйствуя на позорищѣ сего міра, хотя принимаетъ почести, какъ сѣнь или личину разнообразнаго и временнаго, однако же самъ живетъ для Бога и блюдетъ въ себѣ образъ, о которомъ знаетъ, что получилъ его отъ Бога, и за который обязанъ дать отчетъ Даровавшему. А я знаю, что таковъ точно былъ образъ мыслей Кесарія. — Ему дается первое мѣсто между врачами; для чего не потребовалось и большихъ усилій, а стоило только показать ему свои свѣдѣнія, или даже одну предварительную часть своихъ свѣдѣній. Вскорѣ включенъ онъ въ число приближенныхъ къ Государю, и получаетъ самыя высокія почести. Между тѣмъ предлагаетъ высшимъ чиновникамъ пособія своего искусства безмездно, зная, что къ возвышенію всего вѣрнѣе ведетъ добродѣтель и извѣстность, пріобрѣтенная честными средствами. А чрезъ сіе далеко превзошелъ онъ славою тѣхъ, ниже которыхъ былъ чиномъ. Всѣ любили его за цѣломудріе, и повѣряли ему свое драгоцен-

нѣйшее (д), не требуя съ него Иппократовой клятвы; даже простодушіе Кратесово въ сравненіи съ Кесаріевымъ было ничто. Всѣми онъ уважаемъ былъ болѣе и того, чего стоилъ; и хотя ежедневно удостоивался важныхъ отличій, однакоже и сами Государи, и всѣ первые послѣ нихъ люди въ государствѣ, почитали его достойнымъ впредь еще большихъ почестей. Всего же важнѣе то, что ни слава, ни окружающая роскошь не могли повредить благородства души его. Напротивъ того, при многихъ и важныхъ отличіяхъ, одно только достоинство почиталъ онъ первымъ, — и быть и именоваться Христіаниномъ; а все прочее, въ сравненіи съ симъ, казалось ему игрушкою и суетою. Другимъ предоставлялъ онъ забавляться тѣмъ, какъ бы на театрѣ, который наскоро строить, и потомъ разбирать, или скорѣе ломаютъ, нежели устанавляютъ; что и дѣйствительно видимъ въ многочисленныхъ переворотахъ жизни и въ переменчивости счастья, такъ что подлинное и несомнѣнно постоянное благо одно, именно: благочестіе. Таковы были плоды Кесаріева любомудрія и подъ хламидою (е)! Въ такихъ мысляхъ онъ жилъ и умеръ, явивъ и доказавъ, по внутреннему челоуѣку, предъ Богомъ еще большее благочестіе, нежели какое было видимо людьми!

Но если должно мнѣ прейти молчаніемъ другія его дѣла, покровительство сродникамъ, впадшимъ въ несчастіе, презрѣніе къ надменнымъ, одинакое

(д) Здоровье.

(е) Сенаторскою одеждою.

уваженіе къ друзьямъ, свободу предъ начальниками, подвиги за истину, весьма часто и за многихъ сочиняемыя слова, не только сильныя доводами, но отличающіяся благочестіемъ и одушевленіемъ: то вмѣсто всего этого нужно сказать объ одномъ знаменитѣйшемъ изъ всѣхъ его дѣлъ.

Разсвирѣпѣлъ на насъ царь (ж) злоименный; онъ вознеистовствовалъ прежде на себя, отвергнувшись въры во Христа, а потомъ сталъ уже нестерпимъ и для другихъ. Не смѣло, не по примѣру другихъ христоненавистниковъ, передался онъ въ нечестіе, но прикрывалъ гоненіе личиною кротости, и подобно тому пресмыкающемуся змію, который владѣлъ его душою, всякими ухищреніями завлекалъ несчастныхъ въ одну съ собою бездну. Первою же изъ его хитростей и козней было — страждущихъ за Христіанство наказывать, какъ злодѣевъ, чтобы намъ не имѣть и чести Мучениковъ; ибо и въ семъ завидовалъ Христіанамъ сей великій мужъ. А вторая лестъ состояла въ томъ, что дѣлу своему придавалъ имя убѣжденія, а не насилія; чтобы произвольно уклоняющимся въ нечестіе тѣмъ больше было стыда, чѣмъ меньше предлежало имъ опасности. И онъ привлекалъ, кого деньгами, кого чинами, кого обѣщаніями, кого разнаго рода почестями, предлагая ихъ въ глазахъ всѣхъ не по-царски, но совершенно раболѣпно. На всѣхъ же старался дѣйствовать очаровательностію рѣчей и собственнымъ примѣромъ. Кромѣ многихъ другихъ, дѣлаетъ онъ

(ж) Юліанъ отступникъ.

покушеніе и на Кесарія. Какое тупоуміе и даже безуміе — надѣяться, что уловить Кесарія, моего брата и сына такихъ родителей!

Да позволено будетъ продлить слово и насладиться повѣствованіемъ, какъ услаждались присутствовавшіе при семъ чудномъ дѣлѣ! Доблественный мужъ, оградившись знаменіемъ Христовымъ, и вмѣсто щита прикрывшись великимъ словомъ, ¹³⁸ предстаетъ предъ сильнаго по оружію и великаго по дару слова, не теряетъ твердости, слыша льстивыя рѣчи, а является, какъ борець, готовый подвизаться словомъ и дѣломъ противъ сильнаго въ томъ и другомъ. И такъ поприще открыто; вотъ и подвижникъ благочестія! — Съ одной его стороны Подвигоположникъ Христось, вооружающій борца Своими страданіями, съ другой — жестокой властелинъ, то обольщающій привѣтливими рѣчами, то устрашающій обширностію власти. И зрителей также два рода: одни остаются еще въ благочестіи, другіе увлечены уже властелиномъ; но тѣ и другіе внимательно наблюдаютъ, какой оборотъ приметъ дѣло; и мысль, кто побѣдитъ, приводитъ ихъ въ большее смущеніе, нежели самихъ ратоборцевъ. Не убоился ли ты за Кесарія, не подумалъ ли, что успѣхъ не будетъ соответствовать его ревности? Но не сомнѣвайтесь: побѣда со Христомъ, побѣдившимъ міръ. Всего болѣе желалъ бы я пересказать теперь, что было тогда говорено и предлагаемо; потому что въ семъ преніи немало расточено тонкихъ оборотовъ и красотъ, которыя не непріятно было бы для меня возобновить въ памяти. Но это вовсе не приличествовало бы времени и предмету слова. Кесарій

рѣшилъ всѣ словоухищренія его, отвергъ скрытныя и явныя оболщенія, какъ дѣтскія игрушки, и громко возвѣстилъ, что онъ Христіанинъ, и будетъ Христіаниномъ: однакожь Царь не удалилъ его отъ себя совершенно. Ему сильно хотѣлось пользоваться и хвалиться Кесаріевою ученостію; и при семъ-то случаѣ произнесъ онъ слѣдующія, часто повторяемыя у всѣхъ, слова: «Благополучный отецъ! злополучныя дѣти!» Ибо симъ поруганіемъ онъ благоволилъ почитать вмѣстѣ и меня, извѣстнаго ему по Аѳинскому образованію и благочестію.

Между тѣмъ Кесарій, сберегаемый до втораго представленія къ Царю, котораго гнѣвъ Божій благовременно вооружилъ противъ Персовъ, возвратился къ намъ, какъ блаженный изгнанникъ, какъ побѣдоносецъ, не обагранный кровію и прославленный безчестіемъ болѣе, нежели блистательными отличіями. Такая побѣда, по моему сужденію, гораздо выше и почтеннѣе Юліанова могущества, высокой багряницы и драгоценной діадимы. И повѣствованіемъ о семъ превозношусь я болѣе, нежели какъ сталъ бы превозноситься, если бы Кесарій раздѣлялъ съ нимъ цѣлое царство. Если онъ уступаетъ злымъ временамъ, то дѣлаетъ по нашему закону, который повелѣваетъ бѣдствовать за истину, когда потребуютъ обстоятельства, и не измѣнять благочестію изъ робости, но также и не вызываться, пока можно, на опасность, какъ страшась за свою душу, такъ щадя и тѣхъ, которые повергаютъ насъ въ опасность.

Когда же мракъ разсѣялся, далекая страна прекрасно рѣшила дѣло, *оружіе очищенное* (Пс. 7, 13.)

низложило нечестивца, а Христіане снова восторжествовали: нужно ли говорить, съ какою тогда славою и честію, при какихъ и сколькихъ засвидѣтельствованіяхъ, принять опять къ царскому двору Кесарій, какъ будто онъ чрезъ сіе оказывалъ, а не самъ получалъ, милость? Новая почесть заступила мѣсто прежней. И хотя Государи перемѣнялись по времени; однако же доброе мнѣніе о Кесаріи и его первенство при Дворѣ было непоколебимо. Даже Государи препирались между собою въ томъ, кто изъ нихъ болѣе ласкалъ Кесарія, и кто имѣлъ болѣе права назвать его искреннѣйшимъ другомъ и приближеннымъ. Таково было благочестіе Кесаріево, и таково воздаяніе за благочестіе! Пусть слышать о семъ и юноши и мужи, и пусть тою же добродѣтелию снискивають подобную знаменитость всѣ, которые домогаются оной, и почитаютъ ее частію благополучія! Только *благихъ трудовъ плодъ благославенъ* (Премудр. 3, 15).

Но вотъ еще чудное событіе въ жизни Кесаріевой, которое служитъ сильнымъ доказательствомъ богобоязненности, вмѣстѣ и его собственной, и родителей его. Кесарій проживалъ въ Вионіи, и былъ начальникомъ по такой части, которая близка къ самому Государю. Онъ былъ хранителемъ царской казны, и имѣлъ подъ своимъ смотрѣніемъ сокровища. А симъ Государь пролагалъ для него путь къ высшимъ чинамъ. Но во время недавняго въ Никей землетрясенія, которое, какъ сказываютъ, было ужаснѣе дотолѣ памятныхъ, и почти всѣхъ застигло и истребило вмѣстѣ съ великолѣпнѣмъ городомъ, изъ знатныхъ жителей едва-ли не одинъ, или

весьма съ немногими , спасается отъ гибели Кесарій. И спасеніе совершилось невѣроятнымъ для него самого образомъ : онъ былъ покрытъ развалинами и понесъ на себѣ только малые признаки опасности, сколько нужно сіе было для него , чтобы принять страхъ наставникомъ высшаго спасенія, и оставивъ служеніе коловратному , изъ одного царскаго двора поступивъ въ другой, совершенно перейти въ горнее воинство. Онъ самъ встрѣтился съ такою мыслию, и ревностно возжелалъ ея исполненія, какъ увѣрялъ меня въ письмахъ своихъ ; а я воспользовался случаемъ присовѣтовать то, къ чему и прежде не переставалъ увѣщавать , сожалья, что великія его дарованія обращены на худшее , что душа столько любомудрая погружена въ дѣла общественныя, и уподобляется солнцу , закрытому облакомъ.

Но спасшись отъ землетрясенія, Кесарій не спасся отъ болѣзни , потому что былъ человекъ: и первое принадлежало ему собственно, а послѣднее было ему общимъ со всѣми ; первымъ одолженъ онъ благочестію , а въ послѣднемъ дѣйствовала природа. Такъ утѣшеніе предшествовало горести , чтобы мы, пораженные его смертію , могли похвалиться чуднымъ его спасеніемъ въ то время. И теперь сохраненъ для насъ великій Кесарій; предъ нами драгоценный прахъ, восхваляемый мертвецъ, переходящій отъ пѣснопѣній къ пѣснопѣніямъ , сопровождаемый къ алтарямъ мученическимъ, чествуемый и святыми руками родителей, и бѣлою одеждою матери, замѣняющей въ себѣ горестъ благочестіемъ и слезами , которыя препобѣждаются любомудріемъ , и псалмопѣніями , которыми укрощается плачь ; предъ нами

пріемлющій почести, достойныя души новосозданной, которую Духъ преобразовалъ водою.

Таково тебѣ, Кесарій, погребальное отъ меня приношеніе! прими начатки моихъ рѣчей; ты часто жаловался, что скрываю даръ слова; и вотъ — на тебѣ надлежало ему открыться! Вотъ отъ меня тебѣ украшеніе, и очень знаю, что оно для тебя пріятнѣе всякаго другаго украшенія! Не принесъ я тебѣ шелковыхъ волнующихся и мягкихъ тканей, которыми ты не увеселялся и прежде, потому что украшалъ себя одною добродѣтелію. Не принесъ и тканей изъ чистаго льна, не возилъ многоцѣнныхъ благовоній, съ которыми ты и при жизни отсылалъ въ женскіе чертоги, и которыя благоухаютъ не долѣе одного дня; не принесъ чего-либо другаго, столь же ничтожнаго и уважаемаго людьми ничтожными; такъ какъ все сіе, вмѣстѣ съ прекраснымъ тѣломъ твоимъ, покрылъ бы нынѣ этотъ холодный камень. Прочь отъ меня съ тѣми языческими игрищами и представленіями, которыя совершались въ честь несчастныхъ юношей, и при которыхъ за маловажные подвиги предлагались маловажныя награды! Прочь съ тѣми обрядами, въ которыхъ насмѣями, приношеніемъ начатковъ, вѣнцами и свѣжими цвѣтами упокоивали усопшихъ челоуѣковъ, покоряясь болѣе отечественному закону и неразумію горести, нежели разуму! Мой даръ — слово; оно, переходя далѣе и далѣе, достигнетъ, можетъ быть, и будущихъ временъ, и не попуститъ, чтобы преселившійся отсель совершенно насъ оставилъ, но сохранить его навсегда для слуха и сердца, явственнѣе картины представляя изображеніе возлюбленна-

го. Таково мое приношеніе! Если оно маловажно и не соотвѣтствуетъ твоимъ достоинствамъ; то по крайней мѣрѣ благоугодно Богу, какъ соразмѣрное силамъ. Притомъ, мы воздали часть, а другую, кто останется изъ насъ въ живыхъ, воздастъ при годовичномъ чествованіи и поминовеніи.

А ты, божественная и священная глава, вниди въ небеса, упокойся въ нѣдрахъ Авраамовыхъ (что ни знаменовали бы она), узри ликъ Ангеловъ, славу и великолѣпіе Блаженныхъ, или лучше, составь съ ними одинъ ликъ, и возвеселись, посмѣваясь съ высоты всему здѣшнему, такъ называемому, богатству, ничтожнымъ достоинствамъ, обманчивымъ почестямъ, заблужденію чувствъ, превратностямъ сея жизни, безпорядку и недоразумѣніямъ какъ бы среди ночнаго сраженія! И да предстоишь Великому Царю, исполняясь горняго свѣта, отъ котораго и мы, пріявъ малую струю, сколько можетъ изобразиться въ зеркалѣ и гаданіяхъ, да взойдемъ наконецъ къ Источнику блага, чистымъ умомъ созерцать чистую истину, и за здѣшнее ревнованіе о добрѣ обрѣсти ту награду, чтобы насладиться совершеннѣйшимъ обладаніемъ и созерцаніемъ добра въ будущемъ! Ибо сіе составляетъ цѣль нашего тайноводства, какъ прорицаютъ и Писаніе и Богословы.

Что остается еще? — Предложить врачевство слова скорбящимъ. Для плачущихъ дѣйствительнѣйшее пособіе то, которое подано сѣтующимъ съ ними. Кто самъ чувствуетъ равную горестъ, тому удобнѣе утѣшать страждущихъ. Притомъ слово мое обращается напаче къ тѣмъ, за которыхъ было бы мнѣ стыдно, если бы они не превосходили такъ же

всѣхъ въ терпѣніи , какъ превосходятъ во всякой другой добродѣтели. Ибо они, хотя паче всѣхъ чадолюбивы , однако же паче всѣхъ и любомудры , и христоролюбивы. Какъ сами всего болѣе помышляютъ о преселеніи отсюда, такъ и дѣтей научили тому же, или, лучше сказать, цѣлая жизнь опредѣлена у нихъ на помышленіе о смерти. Если же горестъ омрачаетъ мысли и, подобно гноетеченію изъ глазъ , не позволяетъ чисто рассмотретьъ , что должно; то да примутъ утѣшеніе старцы отъ юнаго , родители отъ сына , подававшіе многимъ совѣты и пріобрѣтшіе долговременную опытность - отъ того, кто самъ имѣетъ нужду въ ихъ совѣтахъ. Не удивляйтесь же, если, будучи юнымъ, даю уроки старцамъ; и то ваше, если умѣю видѣть иное лучше сѣдовласыхъ.

Сколько еще времени проживемъ мы , почтенные и приближающіеся къ Богу старцы ? Долго ли еще продлятся здѣшнія злостраданія? Непродолжительна и цѣлая человѣческая жизнь , если сравнить ее съ Божественнымъ и нескончаемымъ естествомъ. Еще болѣе кратокъ остатокъ жизни , и такъ сказать, прекращеніе человѣческаго дыханія, окончаніе временной жизни. Чѣмъ предварилъ насъ Кесарій ? Долго ли намъ оплакивать его, какъ отшедшаго отъ насъ? Не поспѣшаемъ ли и сами къ той же обители? Не покроетъ ли и насъ вскорѣ тотъ же камень? Не сдѣлаемся ли, по маломъ времени, такимъ же прахомъ? Въ сіи же краткіе дни , не столько пріобрѣтемъ добраго , сколько увидимъ , испытаемъ , а можетъ быть , сами сдѣлаемъ худаго ; и потомъ принесемъ общую и непремѣнную дань закону природы. Однихъ сопроводимъ , другимъ будемъ пред-

шествовать; однихъ оплачемъ, для другихъ послужимъ предметомъ плача, и отъ иныхъ воспримемъ слезный даръ, который сами приносили умершимъ. Такова временная жизнь наша, братія! Таково забавное наше появленіе на землѣ—возникнуть изъ ничего, и возникнувъ разрушиться! Мы тоже, что бѣглый сонъ, неуловимый призракъ, полетъ птицы, корабль на морѣ, слѣда неимѣющей, прахъ, духовеніе, весенняя роса, цвѣтъ, временемъ раждающійся и временемъ облетающій. *Человѣкъ, яко трава днѣ его, яко цвѣтъ сельный, тако оцвѣтетъ* (Пс. 102, 15); прекрасно разсуждалъ о нашей немощи божественный Давидъ. Онъ тоже говоритъ въ слѣдующихъ словахъ: *умаленіе дней моихъ возвьсти ми* (Пс. 101, 24); и мѣру дней человѣческихъ опредѣляетъ *пядями* (Пс. 38, 6). Что же сказать вопреки Іереміи, который и къ матери обращается съ упрекомъ, сѣтуя на то, что родился, и притомъ по причинѣ чужихъ грѣхопаденій (Іер. 15, 10.)? *Видѣхъ всяческая*, говоритъ Екклесіастъ; обозрѣвъ я мыслию все человѣческое, богатство, роскошь, могущество, непостоянную славу, мудрость, чаще убѣгающую, нежели пріобрѣтаемую; неоднократно возвращаясь къ одному и тому же, разсмотрѣлъ опять роскошь, и опять мудрость, потомъ сластолюбіе, сады, многочисленность рабовъ; множество имѣнія, виночерпцевъ и виночерпицъ, пѣвцевъ и пѣвицъ, оружіе, оруженосцевъ, колѣнопреклоненія народовъ, собираемыя дани, царское величіе, всѣ излишества и необходимости жизни, все, чѣмъ превзошелъ я всѣхъ до меня бывшихъ царей: и что же во всемъ этомъ? *все суета суетствій, всяческая суета и*

произволеніе духа (Екл. 1, 2. 14.), то есть, какое-то неразумное стремленіе души и развлеченіе чело-вѣчка, осужденнаго на сіе, можетъ быть, за древнее паденіе. Но *конецъ слова*, говоритъ онъ, *все слушай, Бога бойся* (Екл. 12, 13.); здѣсь предѣль твоему недоумѣнію. И вотъ единственная польза отъ здѣшней жизни, —самымъ смятеніемъ видимаго и обуреваемаго руководиться къ постоянному и неизблемому. И такъ будемъ оплакивать не Кесарія, о которомъ знаемъ, отъ какихъ золь онъ освободился, но себя самихъ; ибо знаемъ, для какихъ бѣдствій оставлены мы, и какія еще соберемъ для себя, если не предадимся искренно Богу, если, обходя преходящее, не поспѣшимъ къ горней жизни, если живя на землѣ, не оставимъ землю, и не будемъ искренно послѣдовать Духу, возводящему въ горнее. Сіе прискорбно для малодушныхъ, но легко для мужественныхъ духомъ.

Разсмотримъ еще и то : Кесарій не будетъ начальствовать, но и у другихъ не будетъ подъ начальствомъ; не станетъ вселять въ иныхъ страха, но и самъ не убоится жестокаго властелина, иногда недостойнаго, чтобы ему начальствовать; не станетъ собирать богатства, но не устрашится и зависти, или не повредитъ души несправедливымъ стяжаніемъ и усиліемъ присовокупить еще столько же, сколько приобрѣлъ. Ибо таковъ недугъ богатолубія, что не имѣетъ предѣла въ потребности большаго, и врачуетъ себя отъ жажды тѣмъ, что непрестанно пьетъ. Кесарій не сложитъ новыхъ рѣчей, но за рѣчи же будетъ въ удивленіи; не будетъ разсуждать объ ученіи Иппократа, Галена и ихъ против-

никовъ , но не станеть и страдать отъ болѣзней, изъ чужихъ бѣдъ собирая себѣ скорби ; не будетъ доказывать положеній Евклида , Птоломея и Герона , но не станеть и сѣтовать о надмевающихся сверхъ мѣры невѣждахъ ; не станеть показывать своихъ свѣдѣній въ ученіи Платона, Аристотеля, Пиррона , Демокритовъ , Гераклитовъ , Анаксагоровъ , Клеанѳовъ , Эпикуровъ , и еще не знаю кого изъ почтенныхъ Стоиковъ, или Академиковъ, но не будетъ и заботиться о томъ, какъ рѣшить ихъ правдоподобія. Нужно ли мнѣ упоминать о чемъ либо другомъ ? Но чтѣ конечно всякому дорого и вожделѣнно, у него не будетъ ни жены, ни дѣтей. За то ни самъ не станеть ихъ оплакивать, ни ими не будетъ оплакиваемъ ; не останется послѣ другихъ и для другихъ памятникомъ несчастія. Онъ не наслѣдуетъ имѣнія, за то будетъ имѣть наслѣдниковъ, какихъ имѣть всегда полезнѣе , и какихъ самъ желалъ , чтобы переселиться отсель обогащеннымъ и взять съ собою все свое. И какая щедрость ! какое новое утѣшеніе ! какое великодушіе въ исполнителяхъ ! Услышана вѣсть, достойная общаго слышанія, и горестъ матери истощается прекраснымъ и святымъ обѣтомъ—все, чтѣ было у сына, все его богатство, отдать за него въ погребальный даръ, и ничего не оставлять ожидавшимъ наслѣдства.

Ужели и сего недостаточно къ утѣшенію ? Предложу сильнѣйшее врачевство. Для меня убѣдительны слова мудрыхъ , что всякая добрая и боголюбивая душа , какъ скоро, по разрѣшеніи отъ сопряженнаго съ нею тѣла , освободится отсель, приходитъ въ состояніе чувствовать и созерцать ожидающее ее

благо, а по очищеніи, или по отложеніи (или еще, не знаю какъ выразить) того, что ее омрачало, услаждается чуднымъ какимъ-то услажденіемъ, веселится и радостно шествуетъ къ своему Владыкѣ; потому что избѣгла здѣшной жизни, какъ несноснаго узилища, и свергла съ себя лежавшія на ней оковы, которыми крыла ума влеклись долу. Тогда она въ видѣніи какъ бы уже пожинаетъ уготованное ей блаженство. А потомъ и сопророжденную себѣ плотъ, съ которою упражнялась здѣсь въ любомудріи, отъ земли, ее давшей и потомъ сохранившей, воспріявъ непонятнымъ для насъ образомъ и извѣстнымъ только Богу, ихъ соединившему и разлучившему, — вмѣстѣ съ нею вступаетъ въ наслѣдіе грядущей славы. И какъ, по естественному союзу съ плотію, сама раздѣляла ея тягости, такъ сообщаетъ ей свои утѣшенія, всецѣло поглотивъ ее въ себя (з), и содѣлавшись съ нею единымъ духомъ, и умомъ, и богомъ, послѣ того какъ смертное и переходящее пожертвовавши жизнью. Послушай же, какъ любомудрствуетъ божественный Іезекіиль о совокупленіи костей и жилъ (Іез. 37.), а за нимъ и божественный Павелъ о скинни земной и о храминѣ нерукотворенной, изъ которыхъ одна *разорится*, а другая *уготована на небесахъ* (2 Кор. 5, 1.). Онъ говоритъ, что *отъйти отъ тѣла* значитъ *внити ко Господу*; и жизнь въ тѣлѣ оплакиваетъ какъ отхождение отъ Господа, и потому желаетъ и послѣ-

---

(з) Св. Богословъ указываетъ на истину, раскрытую 1 Кор. 15, 42-44. 53. 54.

шаетъ отрѣшиться отъ тѣла. Для чего же мнѣ малодушествовать въ надеждѣ? Для чего прилѣпляться къ временному? Дождусь Архангельскаго гласа, послѣдней трубы, преобразования неба, претворенія земли, освобожденія стихій, обновленія цѣлаго міра. Тогда увижу и самаго Кесарія не отходящимъ, не износимымъ, не оплакиваемымъ, не сожалѣніями сопровождаемымъ, но святымъ, прославленнымъ, превознесеннымъ, какимъ ты, возлюбленнѣйшій изъ братьевъ и братолюбивѣйшій, неоднократно являлся мнѣ во снѣ, потому ли, что такъ изображало тебя мое желаніе, или потому, что это была самая истина.

А теперь, оставивъ слезы, обращусь къ себѣ, чтобы самому противъ воли не сдѣлаться достойнымъ слезъ, и разсмотрю свое положеніе. *Сынове чловѣчестіи* (ибо къ вамъ простирается слово), *доколь тяжкосердїи* и *дебелы мыслію, вскую любите суету, и ищете лжи* (Пс. 4, 3.), почитаю здѣшнюю жизнь чѣмъ-то великимъ, и немногіе дни сіи многочисленными, а сего вождѣннаго и пріятнаго разлученія отвращаясь, какъ чего-то тяжкаго и ужаснаго? Еще ли не познаемъ самихъ себя? не отвергнемъ видимаго? не обратимъ взоровъ къ мысленному? Ежели скорбѣтъ о чемъ-нибудь должно, то не поболѣзуемъ ли о *продолженіи пришельствія* (Пс. 109, 5.), вмѣстѣ съ божественнымъ Давидомъ, который называетъ все земное селеніями тьмы (и), *мѣстомъ озлобленія* (Пс. 43, 20.), *тмнїемъ глубины* (Пс. 68, 3.), *стїію смертною*

(и) Селенія тьмы, по изъясненію Св. Богослова, какъ въро-
ятно, суть тоже, что и селенія Кидарскія (Пс. 119, 5.).

(Пс. 106, 10.)? Поболѣзуемъ; потому что медлимъ въ гробахъ, которые носимъ съ собою; потому что мы, бывшіе богами, умираемъ, какъ люди грѣховною смертію. Сей-то страхъ объемлетъ меня; о семъ помышляю день и ночь; не позволяютъ мнѣ успокоиться и будущая слава и будущій судъ. Одной столько желаю, что могу сказать: *исчезаетъ во спасеніе Твое душа моя* (Пс. 118, 81.); а другаго ужасаюсь и отвращаюсь. И страшить меня не то, что сіе тѣло мое, удоборазрушаемое и тлѣнное, совершенно погибнетъ, но то, что славное твореніе Божіе (славное, когда преуспѣваетъ въ добрѣ, а равно и безчестное, когда грѣшитъ), твореніе, въ которомъ есть умъ, законъ и надежда, осуждено будетъ на одинаковое безславіе съ неразумными, и по разлученіи съ тѣломъ станетъ ничѣмъ его не лучше, чего и желали бы люди порочные и достойные будущаго огня. О если бы мнѣ *умертвить уды, яже на земли* (Кол. 3, 5.)! О если бы мнѣ, идя путемъ узкимъ, для немногихъ проходимымъ, а не широкимъ и легкимъ, все принести въ жертву духу! ибо славно и велико то, что послѣдуетъ за симъ; уповаемое болѣе того, чего мы достойны. *Что есть человекъ, яко помниши его* (Пс. 8, 5.)? Какая это новая обо мнѣ тайна! Малъ я и великъ, униженъ и превознесенъ, смертенъ и бессмертенъ, я вмѣстѣ земный и небесный! Одно у меня общее съ дольнымъ міромъ, а другое—съ Богомъ; одно—съ плотію, а другое—съ духомъ! Со Христомъ должно мнѣ спогребстись, со Христомъ воскреснуть, Христу сонаслѣдовать, стать сыномъ Божіимъ, даже богомъ!

Видите, куда наконецъ возвело насъ слово, Я готовъ почти благодарить постигшую насъ горестъ, которая расположила меня къ такому любомудрію, и даже содѣлала пламенно желающимъ преселиться отселѣ. Сіе предназначаетъ намъ великая тайна, предназначаетъ Богъ, за насъ вочеловѣчившійся и обнищавшій, чтобы возставить плоть, спасти образъ и возсоздать челоѣвка, да будемъ *все едино о Хри- стѣ*, Который во *всѣхъ насъ* содѣлался совершенно *всѣмъ тѣмъ*, что Самъ Онъ есть; да не будетъ въ насъ болѣе *ни мужескій полъ, ни женскій, ни варваръ, ни Скиѣ, ни рабъ, ни свободъ* (Гал. 3, 28. 29.), такъ какъ это плотскіе признаки; но да имѣемъ единъ Божій Образъ, Которымъ и по Которому мы созданы; да изобразится и отпечатлѣется въ насъ Онъ столько, чтобы по Немъ только могли узнавать насъ. И въ семъ надѣмся успѣть по великому челоѣколюбію великодаровитаго Бога, Который, требуя малаго, искренно любящимъ Его, и въ настоящемъ и въ будущемъ, даруетъ великая, будемъ все переносить, все терпѣть ради любви къ Нему и по упованію, за все благодарить, какъ за *десная*, такъ и за *шуяя*, то есть, за пріятное и за скорбное; потому что Божіе слово часто и послѣднее обращаетъ въ оружіе спасенія (2 Кор. 6, 7.). Вѣримъ Богу и наши души, и души тѣхъ, которые предварили насъ въ мѣстѣ успокоенія; потому что были на общемъ пути какъ бы готовѣ насъ.

И самъ, шествуя тѣмъ же путемъ, прекращу здѣсь слово. Но прекратите слезы и вы, поспѣшающіе ко гробу своему, ко гробу, который пріемлетъ отъ васъ Кесарій въ даръ скорбный и всег-

дашній; ко гробу, который уготовлялся родителямъ и благовремененъ былъ для старости, но Распорядителемъ дѣлъ нашихъ дарованъ сыну и юности, хотя и не въ обыкновенномъ порядкѣ, однако же не внѣ порядка.

Ты же, Владыка и Творецъ всяческихъ, а по преимуществу, сего созданія (i)! Боже людей Твоихъ, Отецъ и Правитель, Господь жизни и смерти! Хранитель и Благодѣтель душъ нашихъ, все благо- временно творящій и предуготовляющій художни- ческимъ Словомъ, какъ Самъ вѣдаешь, во глубинѣ премудрости и міроуправленія! Приими нынѣ Кеса- рія въ начатокъ нашего отшествія. Хотя онъ по- слѣдній изъ насъ; однако же первымъ предаемъ его судьбамъ Твоимъ, которыми все держится. А на- послѣдокъ и насъ, сохранивъ въ тѣлѣ, доколѣ по- лезно, приими во время благопотребное; приими уготованныхъ, не смущенныхъ, не предающихся бѣгству въ послѣдній день, не насильно отсюда увлекаемыхъ, что бываетъ съ душами миролюбивы- ми и плотолюбивыми, но благодушно отходящихъ къ тамошней жизни долговѣчной и блаженной, къ жизни во Христѣ. Аминь.

(i) Кесарія.

С Л О В О 8,

**НАДГРОБНОЕ ГОРГОНИИ, СЕСТРЪ СВ. ГРИГОРІА
НАЗІАНЗИНА.**

Хваля сестру, буду превозносить свое собственное. Впрочемъ не лѣзя признать сего ложнымъ потому единственно, что оно свое. Напротивъ того, поелику оно истинно, потому и похвально; а истинно не потому только, что справедливо, но и потому, что извѣстно. Мнѣ не лѣзя говорить и по пристрастію, хотя бы и захотѣлъ; моимъ судіею будетъ слушатель, который умѣетъ сличить слово съ истинною, и если справедливъ, то какъ не одобрить похвалъ незаслуженныхъ, такъ потребуеть заслуженныхъ. Посему не того боюсь, что скажу нѣчто сверхъ истины, а напротивъ того, что не выскажу истины, и далеко не достигнувъ достоинства предмета, своими похвалами уменьшу славу сестры: ибо при ея доблестяхъ трудно сдѣлать, чтобы слово равнялось дѣламъ. Какъ не надобно и хвалить всего чужаго, если оно несправедливо: такъ не должно и унижать своего, если оно достойно уваженія; дабы первому не послужило въ пользу то самое, что оно чужое, а послѣднему — во вредъ то, что оно свое. Ибо законъ справедливости на-

рушается въ обоихъ случаяхъ, — и когда хвалятъ только чужое, и когда умалчиваютъ о своемъ. Но принявъ для себя за цѣль и правило одну истину, и ее только имѣя въ виду, и не заботясь о всемъ прочемъ, что важно для людей простыхъ и низкихъ, буду хвалить или переходить молчаніемъ, что достойно хвалы или молчанія. Если отнять что у своего, злословить, обвинять его, или нанести ему другую большую или меньшую обиду, не почитаемъ дѣломъ честнымъ, а напротивъ того всякое преступленіе противъ родственника признаемъ самымъ тяжкимъ: то всего несообразнѣе будетъ думать, что поступимъ справедливо, кого-либо изъ своихъ лишивъ слова, которымъ особенно обязаны мы служить людямъ добрымъ, и чрезъ которое можемъ доставить имъ безсмертную память. Неумѣстно также обращать большее вниманіе на мнѣніе людей злонамѣренныхъ, которые могутъ обвинить въ пристрастіи, а не на мнѣніе благонамѣренныхъ, которые требуютъ должнаго. Если хвалить чужихъ не препятствуетъ намъ то, что дѣла ихъ неизвѣстны и не засвидѣтельствованы (хотя бы сіе могло быть справедливѣйшимъ препятствіемъ): то ужели наша любовь и зависть другихъ воспрепятствуютъ хвалить знаемыхъ, наипаче тѣхъ, которые уже переселились отъ насъ, которымъ и льстить уже поздно; потому что они оставили, какъ все прочее, такъ и хвалителей и порицателей.

Но поелику я достаточно защитилъ себя и доказалъ, что настоящее слово для меня самаго необходимо: то приступлю теперь къ самымъ похвалямъ, и не буду заботиться объ украшеніи и изяществѣ

слога (ибо и та, которую хочу хвалить, не любила украшений, а поставила красоту въ томъ, чтобы не имѣть прикрасъ), но воздамъ усопшей приличную честь, какъ самый необходимый долгъ, и вмѣстѣ постараюсь научить другихъ соревнованію и подражанію ея добродѣтелямъ. Ибо у насъ цѣль всякаго слова и дѣла—вести къ совершенству тѣхъ, которые намъ ввѣрены. Итакъ пусть другой, соблюдая правила похвальныхъ словъ, хвалитъ отечество и родъ почившей: и дѣйствительно ему можно будетъ сказать много прекраснаго, ежели захочетъ украшать ее и отвнѣ, какъ дорогую прекрасную картину убираютъ золотомъ, камнями и такими украшениями искусства и художнической руки, которыя дурную картину своимъ прибавленіемъ болѣе обнаруживаютъ, а прекрасной, будучи ея ниже, не придаютъ красоты. А я выполню законъ похвальнаго слова въ томъ единственно, что упомяну объ общихъ нашихъ родителяхъ (ибо, говоря о такомъ сокровищѣ, несправедливо будетъ умолчать о родителяхъ и учителяхъ). Потомъ немедленно обращу слово къ ней самой, и не утомлю ожиданія желающихъ слышать о дѣлахъ ея.

Кто не знаетъ новаго нашего Авраама и нашихъ временъ Сарры? Такъ именуя Григорія и Нонну, супругу его (ибо полезно не оставлять въ забвеніи тѣ имена, которыя возбуждаютъ къ добродѣтели). Одинъ изъ нихъ оправдался вѣрою, другая жила въ супружествѣ съ вѣрнымъ; одинъ сверхъ надежды сталъ отцемъ многихъ народовъ, другая духовно раждаетъ; одинъ избѣгъ служенія отечественнымъ богамъ, другая была дщерію и матерію сво-

бодныхъ; одинъ преселился изъ своего рода и дома для земли обѣтованія, другая была причиною преселенія, и въ этомъ уже одномъ (осмѣлюсь такъ сказать) стала выше самой Сарры; одинъ прекрасно странствовалъ, другая охотно ему сопутствовала; одинъ прильпился ко Господу, другая почитаетъ и именуетъ мужа своего господиномъ, и чѣстїю за то самое оправдана. Имъ даны обѣтованія, у нихъ, сколько отъ нихъ самихъ это зависитъ, есть свой Исаакъ и даръ. По молитвамъ и подъ руководствомъ жены своей образовался онъ — добрый пастырь, и она показала на себѣ примѣръ доброй пасомой. Онъ искренно убѣждалъ отъ идоловъ, и потомъ самъ обращаетъ въ бѣгство демоновъ; она никогда не вкушала даже и соли вмѣстѣ съ идоло-служителями. Супружество ихъ равночестно, согласно и единомушно, и не столько плотскій союзъ, сколько союзъ добродѣтели и единенія съ Богомъ; какъ лѣтами и сѣдинами, такъ благоразуміемъ и славою дѣлъ, они соревнуютъ другъ другу и превышаютъ всякаго другаго. Они мало связаны плотїю, а духомъ, еще прежде разлученія съ тѣломъ, преселены отсель; не ихъ этотъ міръ — презираемый; но ихъ тотъ міръ — предпочитаемый; ихъ — обнищаніе и ихъ — обогащеніе доброю куплею, какъ презирающихъ здѣшнее и искупающихъ тамошнее. Кратокъ остатокъ ихъ жизни настоящей, и немногого остается доверить ихъ благочестїю; но велика и продолжительна жизнь, въ которой они подвизались. Одно еще присовокуплю къ сказанному о нихъ: хорошо и справедливо, что они не принадлежали къ одному полу; ибо одинъ былъ украшеніемъ му-

жей, другая — женъ , и не только украшеніемъ, но образцемъ добродѣтели.

Отъ нихъ Горгонія получила бытіе и славу ; отсюда въ ней сѣмена благочестія ; отъ нихъ и добрая жизнь ея и мирное отшествіе съ спасительными надеждами. Конечно и сіе уже прекрасно и не всегда бываетъ удѣломъ тѣхъ , которые много хвалятся благородствомъ и гордятся предками. Но если о Горгоніи должно разсуждать съ большимъ любознательствомъ и возвышеніемъ : то ея отечество — горній Іерусалимъ, не зримый, но умосозерцаемый градъ, гдѣ и намъ предоставлено гражданство, куда и мы поспѣшаемъ, гдѣ гражданинъ — Христось , а сограждане — весь торжествующій сонмъ и Церковь первородныхъ , окрестъ сего великаго Градоизждителя празднующихъ въ созерцаніи славы, и ликующихъ непрестаннымъ ликованіемъ. А благородство ея — соблюденіе образа Божія, уподобленіе Первообразу, совершаемое умомъ и добродѣтелию, и чистое желаніе, которое непрестанно болѣе и болѣе преобразуетъ насъ по Богу въ истинныхъ тайнозрителей горняго, знающихъ — откуда мы, какими и для чего сотворены. Такъ о семъ разумю я ; а потому знаю и говорю, что душа Горгоніи одна изъ благороднѣйшихъ подъ солнцемъ ; и мое мѣрило, мой уровень благородства и худородства лучше, нежели у черни ; я различаю сіе не по крови, но по нравамъ ; сужу о хвалимыхъ, или охуждаемыхъ, не по родамъ, но по свойствамъ cadaго.

Теперь слово объ ея доблестяхъ ; пусть же каждый привнесетъ нѣчто свое и вспомошествоуетъ слову : потому что невозможно объять всего одному ,

сколько бы ни были обширны его умъ и собранныя имъ свѣдѣнія. Она отличалась цѣломудріемъ и превзошла имъ всѣхъ современныхъ ей женъ, не говорю уже о тѣхъ, которыя были уважаемы за цѣломудріе въ древности. И какъ въ жизни возможны два состоянія—супружество и дѣвство, и одно выше и богоподобнѣе, но труднѣе и опаснѣе, а другое ниже, но безопаснѣе: она, устранившись невыгодъ того и другаго, избрала и совокупила во-едино все, что въ обоихъ лучшаго, то есть, и высоту дѣвства и безопасность супружества. Она была цѣломудренною безъ надменія, съ супружествомъ совмѣстивши добродѣтели дѣвства и тѣмъ показавши, что ни дѣвство, ни супружество не соединяютъ и не раздѣляютъ насъ всецѣло съ Богомъ, или съ міромъ; такъ чтобы одно само по себѣ было достойно отвращенія, а другое — безусловной похвалы: напротивъ того умъ долженъ быть хорошимъ правителемъ и въ супружествѣ и въ дѣвствѣ, и изъ нихъ, какъ изъ нѣкотораго вещества, художнически обрабатывать и созидать добродѣтель. Ибо она не отличилась отъ Духа оттого, что сочеталась съ плотію, и не забыла о первой Главѣ оттого, что признала главою мужа: но послуживъ міру и природѣ въ многомъ, и сколько сего требовалъ законъ плоти, или лучше сказать, Тотъ, Кто далъ такой законъ плоти, она всецѣло посвятила себя Богу. Но что особенно хорошо и достойно въ ней уваженія, она и мужа своего склонила на свою сторону, и имѣла въ немъ не строптиваго господина, но благаго сослужителя. Мало сего: самый плодъ тѣла, то есть дѣтей и внуковъ своихъ, она содѣлала плодомъ Духа; ибо весь

родъ и все семейство, какъ единую душу, очистила и приобрѣла Богу, а благоугодливостію въ супружеской жизни и прекрасными послѣдствіями такого поведенія самое супружество содѣлала похвальнымъ. Въ продолженіе жизни она служила для дѣтей образцемъ всего добраго, а когда отозвана отсель, оставила послѣ себя домашнимъ волю свою, какъ безмолвное наставленіе. Божественный Соломонъ въ книгѣ дѣтководственной мудрости, то есть въ Притчахъ (гл. 31.), похваляетъ въ женѣ то, что она сидитъ дома и любитъ мужа; и женѣ, которая блуждаетъ внѣ дома, невоздержна, безчестна, наружностію и языкомъ блудницы *уловляетъ честныхъ* (6, 26.), противопоставляетъ жену, которая усердно занимается домашнимъ, *неутомима въ дѣлахъ женскихъ, руку свои утверждаетъ на вертено, сугуба одпянія* *приготавливаетъ мужу, благо- временно покупаетъ село, хорошо кормитъ слугъ, угощаетъ друзей обильнымъ столомъ и исполняетъ все прочее, что Соломонъ восхвалилъ въ женѣ цѣломудренной и трудолюбивой.*

Но если бы я сталъ хвалить за такія качества сестру; то сіе значило бы хвалить статую по тѣни, или льва по костямъ, оставивъ безъ вниманія важнѣйшее и совершеннѣйшее. Какая изъ женщинъ больше ея стоила быть видимою, и однакожь рѣже показывалась и была недоступнѣе для мужскихъ взоровъ? Какая изъ женщинъ лучше ея знала мѣру строгости и веселости въ обращеніи? Въ ней строгость не казалась угрюмостію, и обходительность вольностію, но въ одномъ было видно благоразуміе, въ другой — кротость. И это, въ соединеніи

ласковости съ величавостію , составляло правило благоприличія.

Да внемлютъ сему тѣ изъ женщинъ , которыя преданы суетности, разсѣянности, и не любятъ покрывала стыда! Какая изъ женщинъ такъ уцѣломудрила очи? до того осмѣяла смѣхъ, что и наклонность къ улыбка̄мъ почитала для себя важнымъ дѣломъ? Какая изъ женщинъ затворила крѣпче слухъ свой, и охотнѣе отверзала его для слова Божія? Еще болѣе: какая изъ женщинъ подчинила такъ языкъ владычеству ума, чтобы вѣщать оправданія Божіи, и уставила такой строгій чинъ устамъ? Скажу, если угодно, и о семъ ея совершенствѣ, котораго она не считала важнымъ, подобно всѣмъ истинно цѣломудреннымъ и благонравнымъ женщинамъ; хотя и заставили почитать сіе важнымъ женщины слишкомъ пристрастныя къ украшеніямъ и нарядамъ и не вразумляемыя словомъ тѣхъ, которые учатъ подобнымъ добродѣтелямъ. Ее украшали не золото, отдѣланное искусною рукою до преизбытка красоты, не златовидные волосы блестящіе и свѣтящіеся, не кудри віющіяся кольцами, не безчестныя ухищренія тѣхъ, которые изъ честной головы дѣлають родъ шатра, не многоцѣнность пышной и прозрачной одежды, не блескъ и пріятность драгоценныхъ камней, которые окрашиваютъ собою ближній воздухъ и озаряють лица, не хитрости и обаянія живописцевъ, не покупная красота, не рука земнаго художника, которая дѣйствуетъ вопреки Зиждителю и Божіе созданіе покрываетъ обманчивыми красками, и позоритъ своею честію, вмѣсто образа Божія выставляетъ на показъ похотливымъ

очамъ кумирь блудницы, чтобы поддѣльною красотою закрыть естественный ликъ, хранимый для Бога и будущаго вѣка. Напротивъ того она, хотя знала много всякаго рода наружныхъ женскихъ украшеній, однако же ничего не находила драгоценнѣе своихъ нравовъ и внутри сокровеннаго веледѣшя. Одинъ румянецъ ей нравился, — румянецъ стыдливости, и одна бѣлизна — происходящая отъ воздержанія; а притиранія и подкрашиванія, искусство дѣлать изъ себя живую картинну, удобно сываемое благообразіе она предоставила женщинамъ, опредѣлившимъ себя для зрѣлищъ и распутій, для которыхъ стыдно и позорно краснѣть отъ стыда.

Такъ она вела себя въ этомъ отношеніи! Но нѣтъ слова, которое бы могло изобразить ея благоразуміе и благочестіе, и немного найдется подобныхъ примѣровъ, кромѣ родителей ея и по тѣлу и по духу. Ихъ однихъ имѣя для себя образцемъ и нисколько не уступая имъ въ добродѣтели, въ томъ только одномъ, и притомъ совершенно охотно, уступала, что отъ нихъ заимствовала сіе благо, и ихъ внутренно и предъ всѣми признавала началомъ своего просвѣщенія. Чтò проникательнѣе было ея разума? Къ ея совѣтамъ прибѣгали не только родственники, единоземцы и сосѣди, но и всѣ знавшіе ее въ окрестности; и ея увѣщанія и наставленія почитали для себя ненарушимымъ закономъ. Чтò было замысловатѣе ея рѣчей? чтò благоразумнѣе ея молчанія? Но поелику упомянулъ я о молчаніи; то присовокуплю, чтò и ей всего свойственнѣе, и женщинамъ приличнѣе, и настоящему времени полезнѣе. Какая изъ женщинъ лучше ея знала, чтò можно знать о

Богъ, какъ изъ Св. Писанія, такъ и по собственному разуму, и пребывая въ собственныхъ предѣлахъ благочестія, меньше ея говорила? А что касается до того, къ чему обязана познавшая истинное благочестіе, и въ чемъ одномъ прекрасно не знать насыщенія, то какая изъ женщинъ украшала такъ храмы приношеніями? И другіе храмы и сей самый храмъ, не знаю, требуютъ ли еще украшеній послѣ нея? Особенно же, какая изъ женщинъ такъ созидала себя въ живой храмъ Богу? какая изъ женщинъ столько уважала священниковъ, и особенно своего сподвижника и учителя (а) въ благочестіи, который имѣетъ добрыя сѣмена, — двоихъ дѣтей, посвященныхъ Богу? Какая изъ женщинъ усерднѣе предлагала собственный домъ живущимъ по Богу, и дѣлала имъ такой прекрасный и богатый пріемъ, и что важнѣ сего, принимала ихъ съ такимъ почтеніемъ и благоговѣніемъ? Сверхъ сего, какая изъ женщинъ обнаружила столько безстрастный умъ во время злостраданій, и столь сострадательное сердце къ бѣдствующимъ? Чья рука была щедрѣе для нуждающихся? И я смѣло обращаю въ похвалу ей слова Іова: *дверь ея всякому входящему отверста бѣ, и вни не водворяшеся странникъ* (Іов. 31, 32.); она была *око слѣпымъ, нога же хромымъ* (Іов. 29, 15.), и мать сиротамъ. О милосердіи ея къ вдовамъ нужно ли говорить, раз-

---

(а) Подъ именемъ сподвижника и учителя въ благочестіи Св. Григорій разуметь Св. Амфилохіа, Епископа Иконійскаго, бывшаго духовнымъ отцемъ Горгоніи. (ибо она съ своимъ супругомъ жила въ Иконіи).

въ сказать то, что плодомъ сего было — не именоваться вдовою? Домъ ея былъ общимъ пристанищемъ для бѣдныхъ родственниковъ, а имуществомъ ея пользовались всѣ нуждающіеся не менѣе, какъ бы своею собственностію. *Расточи, даде убогимъ* (Псал. 111, 9.). И по непреложному и нелживому обѣтованію, она многое вложила въ небесныя житницы, много разъ и въ лицѣ многихъ, получившихъ отъ нея благодѣнія, принимала Христа. Но всего лучше то, что она не старалась заставить о себѣ думать выше надлежащаго, а прекрасно воздѣлывала благочестіе втайнѣ, предъ Видящимъ тайное. И все похитила у міродержца, все перенесла въ безопасныя хранилища, ничего не оставила землѣ, кромѣ тѣла. Все промѣняла на надежды въ будущемъ; одно богатство оставила дѣтямъ — подражаніе и ревность къ тѣмъ же добродѣтелямъ.

Таково и столь невѣроятно было ея великодушіе! Однако же, въ упованіи на свою благотворительность, она не предала тѣла своего роскоши и необузданному сластолюбію, сему злему и терзающему псу; какъ случается со многими, которые милосердіемъ къ бѣднымъ думаютъ купить себѣ право на роскошную жизнь, и не врачуютъ зла добромъ, но вмѣсто добра пріобрѣтаютъ худое. О ней не лзя сказать, что, хотя поработчала въ себѣ перстное постами, однако же другому предоставляла врачество простертій на землѣ; или, хотя находила въ этомъ пособіе для души, однако же менѣе кого либо другаго ограничивала мѣру сна; или, хотя и въ этомъ дала себѣ законъ, какъ безплотная, однакоже восклонялась на землю, когда

другіе проводили всю ночь въ прямомъ положеніи (каковъй подвигъ приличенъ преимущественно любомудрымъ мужамъ); или, хотя и въ семь оказалась мужественнѣе не только женъ, но и самыхъ доблестныхъ мужей; однако же, что касается до мудраго возгласенія псалмопѣній, до чтенія и изъясненія Божія слова, до благовременнаго припамятованія, до преклоненія изможденныхъ и какъ бы приросшихъ къ землѣ колѣнъ, до слезнаго очищенія душевной скверны въ сердцѣ сокрушенномъ и духѣ смиренномъ, до молитвы горѣ возносимой, до неразсѣянности и паренія ума, то могъ бы кто либо изъ мужей или женъ похвалиться превосходствомъ предъ нею во всемъ этомъ, или въ чемъ либо одномъ. Напротивъ того, какъ ни высоко сіе, однако же справедливо можетъ быть сказано о ней, что въ иномъ совершенствѣ она соревновала, а въ другомъ сама была предметомъ соревнованія, одно изобрѣла, а другое восхитила силою, и если имѣла подражателей въ которомъ либо одномъ, то всѣхъ превзошла тѣмъ, что въ одной себѣ совмѣстила всѣ совершенства. Она столько преуспѣла во всѣхъ, сколько никто другой не успѣлъ и въ одномъ, даже посредственно. Она довела каждое совершенство до такой высоты, что вмѣсто всѣхъ достаточно было бы и одного. Какое пренебреженіе къ тѣлу и одеждѣ, цвѣтущимъ единою добродѣтелию! Какая сила души, почти безъ пищи поддерживающей тѣло, какъ невещественное! Или лучше сказать, сколько терпѣнія въ тѣлѣ, еще до разлученія съ душою уже умерщвленномъ, чтобы душа получила свободу и не стѣснялась чувствами! Сколько

мочей проведенныхъ безъ сна, псалмопѣній и стояній, продолжавшихся отъ одного дня до другаго! Твои пѣсни, Давидъ, непродолжительны только для душъ вѣрующихъ! Гдѣ пѣжность членовъ, распростираемыхъ по землѣ, и вопреки природѣ огрубѣвшихъ? Какіе источники слезъ, посѣваемыхъ въ скорби, чтобы пожать радостію! Нощный вопль, проникающій облака и достигающій неба! Горячность духа, который въ вождельній молитвы не страшится ни ночныхъ псовъ, ни морозовъ, ни дождей, ни громовъ, ни града, ни мрака! Естество жены, побѣдившее въ общемъ подвигѣ спасенія естество мужей, и показавшее, что жена отлична отъ мужа не по душѣ, а только по тѣлу! Чистота, какъ вскорѣ по Крещеніи, и душа, уневѣщенная Христу въ чистомъ брачномъ чертогѣ — тѣлѣ!. И горькое вкушеніе, и Ева — мать человѣческаго рода и грѣха, и змій соблазнитель, и смерть — побѣждены ея воздержаніемъ! И истощаніе Христово, и образъ раба, и страданіе, — почтены ея самоумерщвленіемъ! Какъ мнѣ, или исчислить всѣ ея добродѣтели, или, умолчавъ о большемъ ихъ числѣ, лишить пользы тѣхъ, кому онѣ неизвѣстны!

Но время уже предложить слово и о наградахъ за благочестіе. Ибо кажется мнѣ, что вы, хорошо знающіе о добродѣтеляхъ ея, давно желаете и надѣетесь услышать въ словѣ моемъ не о настоящихъ только наградахъ, не о тѣхъ, какими увеселяется она теперь тамъ, и которыя выше человѣческаго разумѣнія, недоступны ни слуху, ни зрѣнію, но и о тѣхъ, которыми Праведный Мздовоздаватель награждалъ еще здѣсь: ибо Онъ и сіе перѣдко тво-

рять въ назиданіе невѣрныхъ, увѣряя чрезъ малое въ великомъ, и чрезъ видимое въ невидимомъ. Буду же говорить частію о томъ, что всѣмъ извѣстно, а частію о томъ, что для многихъ тайна; ибо она, по своему любомудрію, не хвалилась благодатными дарами.

Вамъ извѣстно, какъ однажды взбѣсались мулы и понесли съ колесницею, какъ ужасно была она опрокинута, жалкимъ образомъ влачима и разбита, какъ въ слѣдствіе сего невѣрующіе соблазнились тѣмъ, что и праведники предаются такимъ несчастіямъ, и какъ скоро вразумлено было невѣріе. У Горгоніи были сокрушены и повреждены всѣ кости и члены, и сокрытые и открытые; но она не захотѣла имѣть другаго врача, кромѣ Предавшаго ее бѣдствію, какъ потому, что стыдилась взора и прикосновенія мужчинъ (ибо и въ страданіяхъ сохраняла благопристойность), такъ и потому, что искала защиты единственно у Того, Кто попустилъ ей претерпѣть такое страданіе. И дѣйствительно отъ Него, а не отъ другаго кого получила она спасеніе. Посему нѣкоторые не столько поражены были ея болѣзнію, сколько изумлены чудеснымъ выздоровленіемъ, и заключали изъ сего, что такое печальное происшествіе для того и случилось, чтобы ей прославиться въ страданіяхъ. Хотя она страдала, какъ человѣкъ, однакоже исцѣлена силою высшею, а не человѣческою, и для потомства оставила сказаніе, которымъ доказываются, какъ ея вѣра въ страданіяхъ и терпѣніе въ бѣдствіяхъ, такъ еще болѣе Божіе человѣколюбіе къ подобнымъ ей. Ибо къ сказанному о праведникѣ: *егда падеть, не разбѣется*

(Пс. 36, 24.), какъ бы присовокуплено теперь еще и сіе: хотя разбіется, однако же вскорѣ будетъ возставленъ и прославленъ. Если страданіе ея было выше вѣроятія, то выше также вѣроятія и возвращеніе къ здравію; такъ что болѣзнь почти совершенно закрыта выздоровленіемъ, и исцѣленіе стало очевиднѣе нанесеннаго ей удара.—Такое бѣдствіе вполне достойно хвалы и удивленія! Такая болѣзнь выше здравія! И слова: узвѣтъ, и уврачуетъ, и исцѣлитъ, и послѣ трехъ дней воскреситъ (Осіи 6, 2. 3.), указывающія, какъ и событіе показало, на нѣчто высшее и таинственнѣйшее, не менѣе приличны и ея страданіямъ!

Но сіе чудо извѣстно всѣмъ, даже и дальнимъ, слухъ о немъ распространился повсюду; вездѣ рассказываютъ и слышатъ о семъ, равно какъ и о другихъ Божіихъ чудесахъ и силахъ. О томъ же, что доселѣ еще неизвѣстно многимъ, и что, какъ сказалъ я, сокрыто ея любомудріемъ и благочестіемъ, чуждымъ тщеславія и превозношенія, пове-лишь ли мнѣ сказать ты, превосходнѣйшій и совершеннѣйшій изъ Пастырей, пастырь сея священной овцы (б)? Дашь ли и на сіе свое соизволеніе (ибо однимъ намъ вѣрена тайна, и только мы съ тобою свидѣтели чуда)? Или будешь еще сохранять слово, данное усопшей? Но по моему мнѣнію, какъ тогда было время молчать, такъ теперь время повѣдать, не только во славу Божію, но и въ утѣшеніе скорбящимъ.

(б) Св. Григорій обращаетъ слово къ родителю, присутствовавшему при погребеніи.

Горгонія одержима была тѣлеснымъ недугомъ, и тяжело страдала; болѣзнь была необыкновенная и странная: дѣлалось внезапное воспаленіе во всемъ тѣлѣ, и какъ будто волненіе и кипѣніе въ крови; потомъ кровь стыла и цѣпенѣла, въ тѣлѣ появлялась невѣроятная блѣдность, умъ и члены разслабъвали, и все сіе повторялось не чрезъ продолжительное время, но иногда почти непрестанно. Болѣзнь казалась не человѣческою; не помогали ни искусство врачей, какъ ни внимательно вникали они въ свойство припадковъ, каждый отдѣльно, и всѣ въ совокупныхъ совѣщаніяхъ, ни слезы родителей, какъ ни сильны бывали онѣ часто во многомъ, ни общественныя молитвы, прошенія, совершаемыя цѣлымъ народомъ съ такимъ усердіемъ, какъ будто бы каждый молился о собственномъ своемъ спасеніи; и дѣйствительно ея спасеніе было спасеніемъ для всѣхъ, равно какъ ея злостраданія въ болѣзни — общимъ страданіемъ. Что же предпринимаетъ сія великая и высокихъ наградъ достойная душа? Какое изобрѣтаетъ врачество отъ болѣзни? Ибо въ семъ заключается уже тайна. Отвергнувъ всѣ другія пособія, она прибѣгаетъ ко Врачу всѣхъ, и воспользовавшись темнотою ночи, когда болѣзнь ея нѣсколько облегчилась, припадаетъ съ вѣрою къ жертвеннику, громогласно взывая къ Чествуемому на немъ, нарицая Его всѣми именами и вспоминая о всѣхъ когда-либо бывшихъ чудесахъ Его (какъ знавшая и ветхозавѣтныя и новозавѣтныя сказанія). Наконецъ отваживается на нѣкоторое благочестивое и прекрасное дерзновеніе, подражаетъ женѣ, иссушившей токъ крови прикосновеніемъ къ краю ризъ Хри-

стовыхъ; и что дѣлаетъ? Приложивши къ жертвеннику главу свою съ такимъ же воплемъ и столько же обильными слезами, какъ древле омывая ноги Христовы, даетъ обѣтъ не отойти, пока не получить здравія; потомъ помазавши все тѣло симъ врачевствомъ своего изобрѣтенія, что могла рука собрать вмѣстообразныхъ честнаго Тѣла и Крови, смѣшавши то съ своими слезами, (какое чудо!) немедленно отходить, ощутивъ въ себѣ исцѣленіе, получивъ облегченіе въ тѣлѣ, сердцѣ и умѣ, принявъ въ награду за упованіе исполненіе упованія и крѣпостію духа приобрѣтши крѣпость тѣлесную. Велико сіе подлинно, однако же не ложно; да вѣрять сему всякій, и болящій и здоровый, одинъ для сохраненія, другой для полученія здравія! А что мое повѣствованіе не хвастовство, сіе видно изъ того, что я, молчавъ при жизни ея, открылъ теперь; и будьте увѣрены, даже и нынѣ не объявилъ бы, если бы не воспрещалъ мнѣ страхъ скрывать такое чудо отъ вѣрныхъ и невѣрныхъ, отъ современниковъ и потомковъ.

Такова была жизнь ея! Но гораздо большую часть прешель я молчаніемъ для соразмѣрности слова и изъ опасенія показаться незнающимъ мѣры въ похвалахъ ей. Но конечно я не оказалъ бы должнаго уваженія ея святой и славной кончинѣ, если бы не упомянулъ о прекрасныхъ обстоятельствахъ оной, тѣмъ болѣе, что Горгонія съ такимъ желаніемъ и нетерпѣніемъ ожидала себѣ смерти. Упомяну же о семъ, какъ можно, короче. Она сильно желала разрѣшиться (ибо много имѣла дерзновенія къ Зовущему), и быть со Христомъ предпочитала все-

му на землѣ. И никто, при всей страсти и необузданности, не любитъ такъ своей плоти, какъ она, свергнувъ съ себя сіи узы и ставъ выше сего брѣнія, въ которомъ проводимъ жизнь, желала вполнѣ соединиться съ Вождѣннымъ и всецѣло воспріять Возлюбленнаго (присовокуплю еще) и Возлюбившаго ее, Который цѣль озаряетъ насъ немногими лучами Своего свѣта, чтобы только могли мы понимать, съ Кѣмъ разлучены. Не тщетнымъ остается ея желаніе, столь божественное и высокое: но что еще болѣе, она предвкушаетъ желаемое благо въ предвѣдѣніи послѣ продолжительнаго бдѣнія, вознагражденнаго однимъ изъ самыхъ пріятныхъ сновъ и видѣніемъ, въ которомъ, по устроенію Божію, предназначенъ ей срокъ и даже открытъ самый день отшествія, чтобы она *уготовилась и не смутилась* (Пс. 118, 60.). И такъ для нея готова была благодать очищенія и освященія, которую всѣ мы получили отъ Бога, какъ общій даръ и основаніе новой жизни; или лучше сказать, вся жизнь была для нея очищеніемъ и освященіемъ. И хотя даръ возрожденія прішла она отъ Духа, но безопасное соблюденіе сего дара было пріуготовано прежнею жизнію. Дерзну даже сказать, что самое Таинство было для нея не новымъ дарованіемъ, а только печатію. Ко всему этому старалась она присовокупить еще освященіе своего мужа (хотите ли, чтобы я изобразилъ его вамъ кратко? Это былъ мужъ Горгоніи, и не знаю, нужно ли что говорить о немъ кромѣ сего): она заботилась, чтобы цѣлое тѣло посвящено было Богу, и чтобы не преселиться ей отсель, когда совершенна одна только половина

ея самой, а нѣкоторая часть остается еще несовершенною. И сіе моленіе ея не оставлено безъ исполненія Творящимъ волю боящихся Его и Приводящимъ къ концу прошенія ихъ. А когда же все устроилось по ея намѣренію, ни одно изъ желаній не оставалось безъ исполненія, и назначенный день приближался; тогда она начинаетъ готовится къ смерти и отшествію, и въ исполненіе общаго для сего устава возлегаеть на одръ. Потомъ передавши послѣднюю волю свою мужу, дѣтямъ и друзьямъ, какъ прилично было женѣ приверженной къ мужу, чадолюбивой и братолюбивой, послѣ любовной бесѣды о будущей жизни, и день своей кончины содѣлавши днемъ торжества, она усыпаетъ, хотя не исполнивъ дней человѣческаго вѣка, чего и не желала, зная, что продолжительная жизнь бесполезна для нея самой, и большею частію бываетъ предана персти и заблужденію, но столько преисполненная дней по Богу, сколько, не знаю, бываетъ ли кто исполненъ изъ умирающихъ въ глубокой старости и совершившихъ на землѣ многіе годы. Такъ она разрѣшается, или лучше сказать, вземлетъ, отлетаетъ, преселяется, и немногимъ предваряеть тѣло.

Но какое важное едва не ускользнуло отъ меня обстоятельство! Развѣ не допустилъ бы до сего ты, духовный отецъ ея, который внимательно наблюдалъ и намъ повѣдалъ чудо, такъ много и ее прославляющее, и для насъ служащее напоминаніемъ ея добродѣтели и побужденіемъ желать такой же кончины. И меня, при воспоминаніи о семъ чудѣ, объемлетъ какой-то ужасъ, и заставляетъ проливать

слезы. Она уже кончалась и была при послѣднемъ дыханіи; стояли вокругъ нея домашніе и постронніе, пришедшіе воздать послѣднее цѣлованіе; престарѣлая мать воздыхала и терзалась душою (ибо желала бы предварить ее отшествіемъ), общая любовь смѣшивалась со скорбію, одни желали бы что нибудь услышать на память о ней, другіе — сами сказать; но никто не смѣлъ произнести слова; безмолвны были слезы, и скорбь неутѣшна; непозволительнымъ казалось сопровождать рыданіями отходящую съ миромъ; глубокая соблюдалась тишина, и смерть имѣла видъ какого-то священнаго торжества. А она по-видимому была бездыханна, недвижима, безгласна, ея молчаніе заставляло думать, что тѣло оцѣпенѣло, и органы гласа уже омертвѣли, по причинѣ удаленія того, что приводило ихъ въ движеніе. Но Пастырь, тщательно наблюдавшій въ ней всѣ перемѣны, потому что все съ нею происходившее было чудесно, примѣтивъ легкое движеніе губъ, приложилъ ухо къ устамъ, на что давали ему право близость и единодушіе. Но лучше бы тебѣ самому повѣдать тайну безмолвія, въ чемъ она состояла. Никто не отрекся бы вѣрить сказанному тобою. Ею были произносимы псалмопѣнія, именно, слова исходнаго псалма, и (если нужно выговорить истину) свидѣтельствовали о дерзновеніи, съ каковымъ кончалась Горгонія. Блаженъ, кто упокоевается съ сими словами: *въ мирѣ екупъ усну и почію* (Пс. 4, 9.). Сіе и воспѣвала ты, сіе и исполнилось на тебѣ, совершеннѣйшая изъ женъ; это было и псалмопѣніе и надгробіе по отшествіи тебѣ, прекрасно умирная по мятежѣ

страстей, и въ общую чреду успенія вкусившая сонъ, даруемый возлюбленнымъ Божиимъ, какъ прилично было той, которая и жила и отошла съ словами благочестія.

Посему я увѣренъ, что гораздо лучше и превосходятъ видимаго твое настоящее состояніе — гласъ празднующихъ, веселіе Ангеловъ, небесный чинъ, видѣніе славы, а паче всего, чистѣйшее и совершеннѣйшее осіяніе Всевышней Троицы, уже не сокрывающейся отъ ума, какъ связаннаго и разсѣваемаго чувствами, но всецѣло цѣлымъ умомъ созерцаемой и приемлею, и озаряющей наши души полнымъ свѣтомъ Божества. Ты наслаждаешься всѣми тѣми благами, которыхъ потоки достигали до тебя еще и на землѣ, за искреннее твое къ нимъ стремленіе. Если же для тебя сколько нибудь спасительно и наше прославленіе, если святымъ душамъ дается отъ Бога въ награду и то, чтобы чувствовать подобныя прославленія: то прими и мое слово, вмѣсто многихъ и паче многихъ погребальныхъ почестей, слово, какое прежде тебя воздалъ я Кесарію, а послѣ него воздаю и тебѣ; ибо для того и соблюденъ я на землѣ, чтобы надгробными рѣчами сопровождать братій. Почтитъ ли же кто послѣ васъ и меня подобною честію, не могу того сказать; но желалъ бы сподобиться единой чести, — чести въ **Возъ**, и пришельствуя и вселяясь во Христъ Іисусъ Господъ нашъ. Ему слава, и Отцу со Святымъ Духомъ во вѣки, аминь.

С Л О В О 9,

**ЗАЩИТИТЕЛЬНОЕ, ПО РУКОПОЛОЖЕНИИ СВ. ГРИГОРИЯ
БОГОСЛОВА ВЪ ЕПИСКОПА САСИМСКАГО, ГОВОРЕН-
НОЕ ИМЪ ОТЦУ СВОЕМУ ГРИГОРИЮ, ВЪ ПРИСУТСТВИИ
ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО.**

Снова на мнѣ помазаніе и Духъ, и опять хожу плача и стѣпя (Пс. 34, 14.). Вы, можетъ быть, дивитесь сему: но и Исаія, пока не зреть славы Господней и престола высокаго и превознесеннаго и Серафимовъ окрестъ его, не говоритъ ничего подобнаго, не показываетъ ни огорченія, ни страха; и хотя обвиняетъ Израиля, но себя щадить и отдѣляетъ какъ ни въ чемъ невиновнаго. Когда же узрѣлъ сіе и услышалъ святой и таинственный гласъ; какъ бы начиная лучше сознать себя, говорить: *о окаянный азъ, яко умилихся* (Ис. 6, 5.), и присовокупляетъ послѣдующія за симъ слова, которыхъ не скажу, чтобы не произнестъ чего оскорбительнаго. Нахожу также о Маноеъ, древнемъ Судии, а потомъ и о Петрѣ, столпѣ Церкви, что одинъ, когда узналъ, сколько бывшее ему видѣніе превышаетъ его природу и силы, говорить женѣ: мы погibli, ибо видѣли Бога; другой же не выносить Спасителява присутствія и чудодѣйствія,

которое явилъ Господь въ ловитвѣ рыбъ пльвшимъ съ Нимъ, и потому, хотя приходитъ въ удивленіе, однако же высылаетъ изъ корабля, присовокупляя и причину ту, что самъ онъ недостоинъ Божія явленія и собесѣдованія. И когда слышу въ Евангеліи о сотникѣ, который проситъ Христа показать силу, но отрекается видѣть Его у себя, потому что кровь его не можетъ вмѣстить Божія достоинства и величія: тогда не могу порицать себя за сей страхъ и сѣтованіе. Ибо какъ солнце обличаетъ слабость глаза, такъ Богъ пришествіемъ Своимъ — немощь души; и для однихъ Онъ свѣтъ, а для другихъ огонь, смотря по тому, какое вещество, и какого качества, встрѣчаетъ въ каждомъ. Какъ думать и о Саулѣ? И онъ былъ помазанъ, пріялъ Духа, самъ сталъ духовенъ (не могу и сказать о немъ иначе), даже пророчествовалъ, притомъ такъ неожиданно и необыкновенно, что чудо сіе обратилось въ половицу, и донынѣ повторяемую: *еда и Саулъ во пророцѣхъ* (1 Цар. 10, 11.). Поелику же онъ не всецѣло предалъ себя Духу, и не совершенно обратился *въ мужа иного*, какъ было предречено (1 Цар. 10, 6.), но оставалась въ немъ нѣкоторая искра прежняго зла и нѣсколько худаго сѣмени, еще продолжалась борьба плоти и духа... но къ чему выставять на позоръ всѣ его недостатки? Вамъ извѣстенъ сей сопротивный духъ, и пѣвецъ, который отгоняетъ его. Развѣ можемъ изъ сего познать еще то, что, какъ благодать не касается людей недостойныхъ и органа худаго и ненастроеннаго (ибо прекрасно сказано, въ чемъ я увѣренъ, *яко въ злохудожную душу не внидетъ премудрость*

(Прем. Сол. 1, 4.), такъ (присовокуплю это отъ себя), по причинѣ непостоянства и перемѣнчивости устройства и природы въ челоуѣкѣ, не меньше трудное для него дѣло сохранить въ себѣ достоинство и стройность, какъ и въ началѣ благоустроить себя и содѣлаться достойнымъ. Ибо нерѣдко самая благодать, (наименую такое зло, которое въ насъ всего бѣдственнѣе и непонятнѣе) приводя въ киченіе и надмевая, удаляла отъ Бога приближавшихся къ Нему неправо; и мы въ самомъ уже возношеніи бываемъ низлагаемы, *да будетъ по премногу грѣшенъ грѣхъ, благимъ ми содѣвая смерть* (Римл. 7, 13.). Сего-то убоявшись, исполнился я горести, потупилъ взоры и испыталъ нѣчто подобное тому, что бываетъ при блескѣ молніи съ дѣтьми, въ которыхъ зрѣлище сіе производитъ удовольствіе, смѣшанное съ ужасомъ. Я вмѣстѣ возлюбилъ и устранился Духа; нужно стало нѣсколько времени, чтобы мнѣ, собравшись съ самимъ собою, истрезвиться и избрать лучшее и безопаснѣйшее, и чтобы, когда не будетъ скорби, какъ плевель въ сѣмени, и худыя мысли уступятъ мѣсто лучшимъ, совершенно побѣдилъ Духъ и употребилъ меня на Свое служеніе и дѣланіе, къ совершенію людей сихъ, къ управленію душами, къ наученію словомъ, дѣломъ и примѣромъ, *оружіи правды десными и шуми* (2 Кор. 6, 7.), къ благоискусному прохожденію пастырства, которое отвлекаетъ отъ міра, приводитъ къ Богу, истощаетъ тѣло, соединяетъ съ Духомъ, избѣгаетъ тьмы, радуется о свѣтѣ, отгоняетъ звѣрей, собираетъ стадо въ ограду, остерегается стремнинъ и пустынь и гонитъ на горы

и высоты, о которыхъ, по моему мнѣнію, говорить и чудный Михей, возводя насъ отъ земли на приличную намъ высоту: *приблизитесь горамъ вѣчнымъ: востани и поиди, яко нѣсть тебѣ сей покой* (Мих. 2, 10.), хотя нѣкоторые и думаютъ найти себѣ покой въ земномъ и дольномъ.

Такому пастырству научите меня, друзья, а теперь уже Пастыри и сопастыри мои; такого пастырства дайте мнѣ уставы, — и ты общій отецъ, въ продолженіе времени поставившій и пережившій многихъ Пастырей, и ты испытатель и судія моего любомудрія! Но застигнутые и оглушаемые бурей, можемъ ли мы искусно пасти и цитать стадо? Равнодушно выслушай меня, ты, который, бывъ въ числѣ овецъ, когда мы съ тобою (не оскорбись моимъ словомъ) принадлежали еще къ безсловесному стаду, поступалъ гораздо челоуѣколюбивѣе, нежели какъ поступаешь, ставъ пастыремъ, когда мы удостоены духовной пажити. Въ твоей сталъ я власти, какъ тебѣ хотѣлось, и ты побѣдилъ непобѣдимаго. Вотъ тебѣ сверхъ прочаго и слово, котораго ты зная домогался, и которое хвали, осыпалъ меня, коснѣющаго въ безмолвіи, частыми и густыми снѣгами словъ твоихъ. Но есть нѣчто, за что могу укорить тебя въ дружбѣ. Кто изъ общихъ друзей рассудитъ меня, кто будетъ неподкупнымъ судіею, и произнесетъ правдивый приговоръ, не станетъ, какъ поступаютъ многіе, уважать лица на судѣ? Прикажешь ли сказать, въ чемъ укоряю? и не обратишь ли опять противъ меня слова своего? И у тебя, дивный мужъ, произошло со мною нѣчто неизъяснимое, подлинно неизъяснимое и невѣроят-

ное, чего доселѣ у насъ не слыхано. Я уступилъ не убѣжденію, но принужденію. И не чудно ли! какъ все перемѣнилось, какое положено между нами разстояніе? Чѣмъ? (Какъ угодно тебѣ, такъ и скажу) — престоломъ или величіемъ благодати?

Впрочемъ *веди, уснѣвай и царствуй* (Пс. 44, 5.), и паси меня, пастыря, потому что я готовъ слѣдовать за тобою и быть водимъ твоею пастырскою, высокою и божественною душою. (Ибо надобно сказать истину, хотя изъ любви дерзнулъ я на иное и сверхъ закона). Научи меня своей любви къ паствѣ, своей заботливости и вмѣстѣ благоразумію, внимательности, неусыпности, покорности плоти твоей, съ какою она уступила духу, этому цвѣту лица, свидѣтельствующему о пастырскихъ трудахъ, при кротости строгому обращенію, при производствѣ дѣлъ — веселости и спокойствію (чего не во многихъ найдешь, и чему не много бывало примѣровъ), своимъ ратованіямъ за паству и побѣдамъ, которыя одержалъ ты во Христвѣ. Скажи, на какія пажити водить стадо, къ какимъ ходитъ источникамъ, или какихъ избѣгать пажитей и водъ; кого пасти палицею, и кого пасти свирѣлію; когда выводить на постбища, и когда сзывать съ постбищъ; какъ вести брань съ волками, и какъ не вести брани съ пастырями, особливо въ нынѣшнее время, когда (выражу скорбь словами святѣйшихъ Пророковъ) *обуяша пастыри* (Иер. 10, 21.), *и разсыпаша овцы паствы* (Иер. 23, 1.); какъ изнемогшее подъять, падшее возставить, заблуждающее обратить, погибшее взыскать и крѣпкое сохранить; какъ мнѣ научиться сему и соблюсти сіе согласно съ истиннымъ и вашимъ уче-

ніемъ о долгѣ Пастыря, а не стать худымъ пастыремъ, который млеко ѣстъ, волною одѣвается, тучное закаляетъ или продаетъ, а прочее оставляетъ звѣрямъ и стремнинамъ, и самага себя пасетъ, а не овецъ, въ чемъ укоряемы были древніе предстоятели Израиля (Іезек. 34, 3. 4.). Сему научите, сими правилами подкрѣпите меня, по симъ заповѣдямъ будьте Пастырями и сопастырями, и спасите какъ ученіемъ, такъ и молитвами, меня и мою священную паству, чтобы и мнѣ устоять, и вамъ похвалиться въ день явленія и откровенія великаго Бога и Пастыреначальника нашего, Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ слава Отцу Вседержителю со Святымъ и Животворящимъ Духомъ и мнѣ, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

С Л О В О 10,

**ЗАЩИТИТЕЛЬНОЕ, ПО ВОЗВРАЩЕНИИ СВ. ГРИГОРІЯ
ВОГОСЛОВА ИЗЪ УЕДИНЕНІЯ, ГОВОРЕННОЕ ИМЪ ОТЦУ
СВОЕМУ И ВАСИЛІЮ ВЕЛИКОМУ.**

Нѣтъ ничего сильнѣе старости и достоуважаемѣе дружества. Ими приведенъ къ вамъ я—узникъ о Христѣ, связанный не желѣзными веригами, но неразрѣшимыми узами Духа. Доселѣ почиталъ я себя крѣпкимъ и непреодолимымъ, и (какое неразуміе!) не удѣлялъ словъ моихъ даже симъ друзьямъ моимъ и братіямъ; но все предоставивъ, кому сіе угодно, желалъ жить въ покоѣ, любомудрствовать въ безмолвіи, бесѣдуя съ самимъ собою и съ Духомъ. Представлялъ въ умѣ Кармилъ Иліинъ, пустыню Іоаннову и премірную жизнь любомудрствующихъ, какъ Ілія и Іоаннъ; настоящее уподоблялъ бурѣ, и искалъ себѣ какой нибудь скалы, или утеса, или стѣны, гдѣ бы укрыться. Разсуждалъ самъ съ собою: пусть для другихъ будутъ почести и труды, для другихъ брани и отличія за побѣды, а для меня, избѣгающаго браней и углубляющагося въ самага себя, довольно жить, какъ могу, какъ бы на легкомъ суднѣ преплыть небольшое море, и скудостію здѣш-

ней жизни пріобрѣсть себѣ малую обитель въ жизни будущей. Можетъ быть болѣе низости, но за-то и болѣе осторожности, показываетъ мысль — равно удаляться и высоты и паденія. Такъ размышлялъ я, пока можно еще было писать тѣни и сонныя мечты и питать умъ пустыми вымыслами. Что же теперь? Превозмогло меня дружество, покорила сѣдяна отца — старость мудрости, предѣлъ жизни, безопаснѣйшее пристанище и дружба того, который самъ богатѣетъ для Бога, и другихъ обогащаетъ. Отлагаю уже гнѣвъ, да услышатъ кротцыи и возвеселят-ся (Пс. 33, 3.)! Спокойно смотрю на руку, сдѣлавшую мнѣ насиліе, съ радостнымъ взоромъ обращаюсь къ Духу; сердце мое не мятется, разсудокъ возвращается; дружба, подобно потушенному и угасшему пламени, опять оживаетъ и возгарается отъ малой искры.

Отвержесея утѣшитися душа моя (Пс. 76, 3.), и уны во мнѣ духъ мой (Пс. 142, 4.). Я говорилъ: впредь не буду вѣрить дружеству, и для чего мнѣ надѣяться на человѣка? *Ибо всякъ чело-вѣкъ льстиво ходитъ, и всякъ братъ запинаніемъ запинаетъ ближняго своего (Іер. 9, 4.).* Всѣ мы изъ одной персти, изъ одного смѣшенія, вкусили отъ одного и тогоже древа зла, но одинъ ту, другій другую носимъ благообразнѣйшую личину. И какая мнѣ польза, разсуждалъ я, отъ этой ревностной и прославляемой дружбы, которая началась съ міра и перешла въ духъ? Какая польза изъ того, что у насъ были одинъ кровь и одна трапеза, общіе наставники и уроки? Что пользы изъ этого, болѣе нежели братскаго, сліянія сердець, и въ по-

слѣдствіи искреннаго единодушія? Ужели мнѣ не позволятъ и того, чтобы остаться внизу, во время владычества и возвышенія друга, когда многіе домогаются и достигаютъ противнаго, то-есть того, чтобы вмѣстѣ съ друзьями владычествовать и участвовать въ ихъ благоденствіи? Но для чего мнѣ пересказывать все, что придумывали печаль и уныніе, которое называю омраченіемъ ума? Но таковы дѣйствительно, и даже еще хуже, были мои разсужденія. Обвиню самъ себя за свое высокоуміе, или безуміе.

Но теперь перемѣняю свои мысли, и самъ перемѣняюсь, что гораздо справедливѣе прежняго, а для меня приличнѣе. Искренность же моей перемѣны можешь видѣть, дивный мужъ, не только изъ того, что разрѣшено тобою мое молчаніе, на которое ты жаловался, и въ которомъ много укорялъ меня, но также изъ того, что самыя слова мои служатъ тебѣ защитниками. Это явный знакъ нашей дружбы и живущаго въ насъ духа. Но въ чемъ же состоитъ оправданіе твое? (Если погрѣшу въ чемъ либо, самъ поправь меня, какъ имѣешь обычай дѣлать въ другихъ случаяхъ). Ты не потерпѣлъ, чтобы дружба предпочтена было Духу: и если я для тебя дороже, можетъ быть, всякаго другаго, то Духъ несравненно для тебя предпочтительнѣе, нежели я. Ты не потерпѣлъ, чтобы талантъ оставался сокрытымъ и закопаннымъ въ землѣ: не потерпѣлъ, чтобы долго скрывался подъ спудомъ свѣтильникъ; ибо такъ ты думаешь о моемъ свѣтѣ и моемъ дѣланіи; ты домогался, чтобы къ тебѣ — Павлу присоединенъ былъ Варнава, домогался, чтобы къ Силуану и Тимо-

ею присовокупленъ былъ и Титъ , и чтобы тебѣ чрезъ тѣхъ , которые искренно о тебѣ заботятся , распространять благодать Божію , и *отъ Иерусалима и окрестъ даже до Иллирика исполнити благо-
вѣствованіе* (Рим. 15, 19.). Для сего-то и меня изводишь на-среду и , когда желалъ бы я уклониться , берешь и посаждаешь подлѣ себя (въ семь-то , можетъ быть , скажешь ты , состоитъ мое оскорбленіе) , и дѣлаешь сообщникомъ заботъ и вѣнцовъ ; для сего помазуешь меня въ первосвященника , облакаешь въ подирь , возлагаешь на меня кидарь , приводишь къ жертвеннику духовнаго всесожженія , приносишь въ жертву тельца освященія , освящаешь руки Духу , вводишь меня для тайнозрѣнія во святая-святыхъ , и содѣлываешь служителемъ *скинии истинной , юже водрузи Господь , а не человекъ* (Евр. 8, 2.). Но достоинъ ли я и помазующихъ , и Того , для Котораго и предъ Которымъ совершается помазаніе , — о семъ знаетъ Отецъ истиннаго и подлиннаго Помазанника , Котораго помазалъ Онъ елеемъ радости паче причастникъ Его (Пс. 44, 8.) , помазавъ человечество Божествомъ , да сотворить обоя едино ; знаетъ и Самъ Богъ и Господь нашъ Иисусъ Христосъ , чрезъ Котораго получили мы примиреніе ; знаетъ и Духъ Святой , поставившій насъ на сіе служеніе , въ которомъ *стоимъ и хвалимся упованіемъ славы* (Рим. 5, 2.) Господа нашего Иисуса Христа , Которому слава во вѣки вѣковъ . Аминь .

С Л О В О 11,

ГОВОРЕННОЕ БРАТУ ВАСИЛИЯ ВЕЛИКАГО, СВЯТОМУ ГРИГОРИЮ, ЕПИСКОПУ НИССКОМУ, КОГДА ОНЪ ПРИШЕЛЪ КЪ СВ. ГРИГОРИЮ ВОГОСЛОВУ, ПО РУКОПОЛОЖЕНІИ ЕГО ВЪ ЕПИСКОПА.

Друга вѣрнаго не лзя ничѣмъ замѣнить, и нѣсть мѣрила доброты его. Другъ вѣренъ, кровъ крѣпокъ (Сир. 6, 14 и 15.) и огражденное царство (Прит. 18, 19.); другъ вѣрный — сокровище одушевленное. Другъ вѣрный дороже золота и множества драгоценныхъ камней. Другъ вѣрный — вертоградъ заключенъ, источникъ запечатлѣнъ (Пѣс. Пѣс. 4, 12.), которые временно отверзаютъ, и которыми временно пользуются. Другъ вѣрный — пристанище для упокоенія. А ежели онъ отличается благородіемъ, то сіе сколько еще драгоценнѣе! Ежели онъ высокъ ученостію, ученостію всеобъемлющею, какою должна быть и была нѣкогда наша ученость, то сіе сколько еще преимущественнѣе? А ежели онъ и сынъ свѣта (Іоан. 12, 36.), или человекъ Божій (1 Тим. 6, 11.), или приступающій къ Богу (Исх. 19, 22.), или мужъ лучшихъ желаній (Дан. 9, 22), или достойный одного изъ подобныхъ наименованій, какими Писаніе отличаетъ

мужей божественныхъ , высокихъ и принадлежащихъ горнему: то сіе уже даръ Божій, и очевидно выше нашего достоинства. А ежели и приходитъ онъ къ намъ отъ друга, и притомъ равночестнаго и добродѣтелию и дружествомъ съ нами: то сіе еще пріятнѣе и сладостнѣе, и благоуханнѣе мура, украшающаго *браду іерея и ометы одежды* (Пс 132, 2.).

Довольно ли этого? И точно ли изобразило вамъ слово мужа сего? Или надобно, подражая прилежнымъ живописцамъ , не одинъ разъ набросать краски, чтобы представить вамъ въ словѣ совершенное его изображение? Итакъ опишемъ его вамъ полнѣе и явственнѣе. Кто всѣхъ знаменитѣе изъ законодателей? — Моисей. Кто всѣхъ святѣе изъ священниковъ? — Ааронъ. Оба братья не менѣе по благочестію, какъ и по плоти. Или лучше сказать, одинъ—богъ *Фараону* (Исх. 7, 1.), ходатай и законодатель Израиля, входящій внутрь облака, созерцатель Божественныхъ таинъ и тайноводитель, строитель истинной скинии, *юже водрузи Господь, а не человекъ* (Евр. 8, 2.); оба же равно іереи, какъ сказано: *Моисей и Ааронъ во іереехъ Его* (Псал. 98, 6.). Одинъ—князь князей, іерей іереевъ, употребляетъ Аарона, гдѣ только нуженъ языкъ, и самъ служитъ ему *въ тѣхъ, яже къ Богу* (Исх. 4, 16.). А другой немного ниже перваго, но много превосходитъ другихъ достоинствомъ и близостію къ Богу. Оба поражаютъ казнями Египеть, разсѣкаютъ море, переводятъ чрезъ него Израиля, потопляютъ враговъ, низводятъ хлѣбъ свыше, то даютъ, то услаждаютъ, сверхъ упованія, воду въ пустынь. Оба низлагаютъ *Амалика* святымъ воздѣяніемъ рукъ и

прообразованіемъ высшаго тайнства. Оба ведутъ и поспѣшаютъ въ землю обѣтованія. Не знакомое ли что для васъ въ этомъ образѣ? Живописующее слово не ясно ли изобразило вамъ со мною одноименнаго и единоплеменнаго мужа? Одинъ изъ нихъ меня помазалъ и укрывавшагося извелъ на-среду. Не знаю, что его побудило и чѣмъ онъ увлекся, поступивъ недостойно живущаго въ немъ Духа. (Какъ ни жестоко слово сіе, однако же скажу; потому что дружба переноситъ все, что ни терпитъ и ни слышитъ). Другой приходитъ утѣшить меня и примирить съ Духомъ. И теперь для меня дорого его пришествіе (да и какъ не дорожить онымъ тому, кто предпочиталъ васъ всей своей жизни?), однакоже укоряю его за то, что пришелъ позже, чѣмъ требовала нужда.

Къ-чему помощь послѣ нашествія и пораженія, наилучшій изъ друзей и помощниковъ? Къ-чему кормчій послѣ бури, и лекарство по заживленіи раны? Устыдился ли ты причиняемаго намъ насилія, какъ братолюбивый, или и самъ, какъ имѣющій власть, вознегодовалъ на непослушаніе? Котораго изъ братьевъ обвиняешь, и котораго освобождаешь отъ укоризны? Скажу тебѣ словами Іова (и онъ сѣтовалъ на друга, хотя не на такого и не въ такихъ страданіяхъ): *кому прилежиши? или кому хочещи помогати? не сему ли, емуже многа крѣпость? не емуже ли многа премудрость и вѣдѣніе* (Іов. 26, 2.)? А это, какъ вижу, бываетъ нынѣ со многими судіями, которые легче простятъ самую важную вину людямъ значительнымъ, нежели малость — незначительнымъ. Хотя же ты и самъ,

можетъ быть, видишь сіе (мнѣ, который ставлю тебя въ образецъ и правило совершенства, и вмѣстѣ имѣю повелѣніе не быть скорымъ на судъ (Матѣ. 7, 1.), не позволительно и произнести о тебѣ что либо недоброе): однако же и тебѣ, и всякому желающему, готовъ я по дружбѣ дать отчетъ въ моей или покорности, какъ назовутъ можетъ быть нѣкоторые, или предусмотрительности и осторожности, какъ самъ себя увѣряю; дабы ты видѣлъ, что имѣешь друга, который не вовсе безразсуденъ и невѣжда, но можетъ иное разсмотрѣть лучше многихъ, смѣлъ въ томъ, что достойно смѣлости, и боязливъ, гдѣ есть мѣсто страху, и гдѣ не бояться— всего страшнѣе для имѣющаго умъ. Какъ же разсудите, и что признаете лучшимъ? Прикажете ли теперь дать вамъ отчетъ, или найдете сіе не приличнымъ времени? ибо собрались мы праздновать, а не судиться: или велите отложить дѣло до другаго времени и собранія? ибо потребно слово продолжительнѣе того, какое дозволяетъ настоящій день.

Что же изреку вамъ достойное сего торжества, чтобы и мнѣ самому не отпустить васъ голодными, тогда какъ я распорядитель пира? Очистимъ себя, братія, ради Мучениковъ, вѣрнѣе же сказать, ради Того, для Котораго и они очистили себя кровію и истиною; освободимъ себя *отъ всякія скверны плоти и духа* (2 Кор. 7, 1.), омоемся, *чисти будемъ* (Ис. 1, 16.), и сами представимъ *тѣлеса наша и души жертву живу, святу, благоугодну Богу*, сіе наше *словесное служеніе* и молитву (Рим. 12, 1.). Ибо для чистаго ничто такъ не драгоценно, какъ чистота и очищеніе. Будемъ подвизаться

ради подвижниковъ, побѣждать ради побѣдившихъ, свидѣлствовать истину ради свидѣтелей. Принесемъ это въ даръ ихъ подвигамъ, дабы и намъ самимъ содѣлаться увѣнчанными и наслѣдниками тойже славы, какъ нами имъ воздаваемой, такъ и соблюдаемой на небесахъ, о которой напоминаеть, и которую въ малыхъ чертахъ изображаетъ видимое здѣсь. Будемъ подвизаться противъ началъ и властей, противъ невидимыхъ гонителей и мучителей, противъ міродержителей тьмы вѣка сего, противъ духовъ злобы поднебесныхъ и близънебесныхъ, противъ внутренней брани въ насъ самихъ, въ нашихъ страстяхъ, противъ возстаній ежедневно отвнѣ приражающихся. Вооружимся терпѣніемъ противъ раздражительности, какъ звѣря, противъ языка, какъ остраго меча, и погасимъ сластолюбіе, какъ огонь. Приставимъ къ слуху двери, которыя бы благовременно отворились и затворились, и уцѣломудримъ око, не дадимъ осязанію приводить насъ въ бѣшенство, вкусу — терзать, да не взыдетъ смерть сквозь окна наша (Іер. 9, 27.) (какъ, по моему разсужденію, названы чувства), и осмѣемъ неумѣренность смѣха, не преклонимъ колѣнъ предъ Вааломъ по причинѣ скудости, не поклонимся золотому образу изъ страха, будемъ страшиться, чтобы не убояться чего либо болѣе, нежели Бога, и чтобы не поругать образа Его грѣхомъ. Во всемъ воспримемъ щитъ вѣры, и избѣжимъ всѣхъ стрѣлъ лукаваго.

Страшна сія брань, велико ополченіе, и побѣда велика! Если для сего мы собрались, или стекаемся, то подлинно угодно Христу наше празднество,

дѣйствительно почтили, или почтимъ, Мучениковъ, истинно побѣдныя составляемъ лики. Если же имѣемъ въ виду угодить прихотямъ чрева, предаться временнымъ забавамъ, внести сюда удобоиспостимое, думаемъ найти здѣсь мѣсто для пьянства, а не для цѣломудрія, и время для купли и дѣлъ житейскихъ, а не для восхожденія и (осмѣлюсь такъ сказать) обоженія, къ которому служатъ намъ посредниками Мученики: то во-первыхъ не знаю, благовременно ли это. Ибо какое сравненіе соломы съ пшеницею, плотскихъ забавъ съ подвигами Мучениковъ? Первые приличны зрѣлищамъ, а послѣдніе — моимъ собраніямъ. Первые свойственны развратнымъ, а послѣдніе — цѣломудреннымъ; первые — плотоугодникамъ, послѣдніе — отрѣшившимся отъ тѣла. А потомъ хотѣлъ бы я сказать нѣчто болѣе смѣлое, но удерживаюсь отъ злорѣчія изъ уваженія къ дню; по крайней мѣрѣ скажу (это будетъ гораздо скромнѣе), что не сего требуютъ отъ насъ Мученики.

Итакъ, братія, не будемъ святаго совершать нечисто, высокога — низко, честнаго — безчестно, и кратко сказать, духовнаго — по-земному. Торжествуетъ и Иудей, но по буквѣ; празднуетъ и Еллинъ, но въ угожденіе демонамъ: а у насъ, какъ все духовно: дѣйствіе, движеніе, желаніе, слова, даже походка и одѣяніе, даже мановеніе, потому что умъ на все простирается, и во всемъ образуетъ челоуѣка по Богу; такъ духовно и торжествованіе и веселіе. Не запрещаю давать себѣ и прохладу, но пресѣкаю неумѣренность. Если же духовно собираемся и празднуемъ память Мучениковъ, то хотя много сказать, чтобы мы сами получили

за сіе одинаковыя съ ними награды и наслѣдовали ту же славу (ибо, какъ думаю, для очищенныхъ кровію и подражающихъ жертвѣ Христовой святыхъ мучениковъ соблюдается то, чего око не видало, ухо не слыхало и не воображалъ умъ человѣческій, свободно созидающій въ себѣ представленіе о блаженствѣ), по крайней мѣрѣ (что, какъ я утверждаю, также не маловажно) увидимъ свѣтлость святыхъ мучениковъ, увидемъ въ радость того же Господа, и, сколько знаю, яснѣе и чище просвѣтимся свѣтомъ блаженныя, начальныя Троицы, въ Которую мы увѣровали, Которой служимъ, и Которую исповѣдуемъ предъ Богомъ и людьми, нисколько не страшась и не стыдясь ни внѣшнихъ враговъ, ни встрѣчающихся между нами лже-христіанъ и противниковъ Духа. И, о если бы намъ до послѣдняго издыханія съ великимъ дерзновеніемъ соблюсти сей прекрасный залогъ святыхъ Отцевъ, жившихъ ближе ко Христу и къ первоначальной вѣрѣ,—сіе исповѣданіе, въ которомъ изъ дѣтства мы воспитаны, которое прежде всего научились произносить, и съ нимъ наконецъ преселиться изъ сей жизни, взявъ съ собою отсюда не другое что, какъ одно благочестіе! Богъ же мира, Крестомъ примирившій съ Собою насъ, содѣлавшихся Его врагами чрезъ грѣхъ, благовѣствовавшій *миръ и ближнимъ и дальнимъ* (Еф. 2, 17.), находящимся подъ закономъ и внѣ закона, Отецъ любви и Любовь (ибо сими преимущественно именами угодно Ему именоваться, чтобы самыми наименованіями предписывать намъ братолюбіе), давшій *новую заповѣдь*—столько любить другъ друга, сколько мы сами Имъ

205, 310

возлюблены (Іоан. 13, 34.), позволяющій дѣлать доброе насиліе и терпѣть оное по страху, благо- разумно уступать и имѣть также дерзновеніе съ разумомъ, усовершающій великія паствы и малыя увеличивающій благодатію, — Онъ Самъ, по множе- ству благости Своей, да утѣшитъ насъ утѣшеніемъ многимъ, и да ведетъ насъ впередъ, пася съ нами и спасая стадо; а васъ да совершитъ на всякое дѣло благое, да наставитъ духовно торжествовать въ честь Мучениковъ, да удостоитъ насладиться тамъ, гдѣ обитель всѣхъ веселящихся, и когда явитесь въ правдѣ, да насытитъ васъ видѣніемъ Своей славы, созерцаемой во Христвъ Іисусъ, Господъ нашемъ. Ему слава и держава, честь и поклоненіе во вѣки вѣковъ. Аминь.

С Л О В О 12,

ГОВОРЕННОЕ ОТПУ, КОГДА ПОГРУЧИЛЪ ЕМУ ПОПЕЧЕНІЕ О НАЗІАНЗСКОЙ ЦЕРКВИ.

Уста моя отверзохъ, и привлекохъ Духъ (Пс. 118, 131.). Духу предаю все свое и себя самага, и дѣло и слово, и бездѣйствіе и молчаніе, только да обладаетъ Онъ мною, да водить меня, да направляетъ руку, умъ и языкъ, къ чему должно и къ чему хочется; а также и да отводитъ, отъ чего удаляться и должно и для меня лучше. Я органъ Божій, органъ словесный, который настроилъ, и въ который ударяетъ добрый Художникъ—Духъ. Вчера располагалъ Онъ къ молчанію, и моимъ любомудріемъ было не говорить. Нынѣ ударяетъ въ умъ, и я изглашу слово, моимъ любомудріемъ будетъ—говорить. Я не такъ многорѣчивъ, чтобы пожелалъ говорить, когда заставляютъ молчать, и не такъ молчаливъ и малоучень, чтобы во время приличное для слова сталъ полагать храненіе ус-

тамъ: напротивъ того и заключаю и отверзаю дверь мою (Пс. 140, 5.) Уму, Слову и Духу, единому естеству и Божеству. Итакъ буду говорить, потому что имѣю на сіе повелѣніе. Говорить же буду сему доброму Пастырю и вамъ, священная паства, что, по моему разсужденію, лучше и мнѣ нынѣ сказать, и вамъ слышать.

Для чего сталъ нуженъ сопастырь тебѣ? ибо съ тебя начнется слово, любезная и почтенная для меня глава , равночестная главѣ Аароновой , съ которой точится духовное и священное муро даже до брады и одежды (Пс. 132, 2.). Для чего ты, когда самъ еще въ состояніи поддерживать и руководствовать многихъ, и дѣйствительно руководишь силою Духа , въ духовныхъ дѣлахъ требуешь для себя жезла и подпоры? Потому ли, что и съ великимъ Аарономъ, какъ знаемъ и слышимъ, помазаны были Елеазаръ и Иеамаръ, сыны Аароновы? Ибо о Надавѣ и Авіудѣ охотно умолчу , чтобы не произнестъ неприязненнаго слова. Потому ли, что и Моисей, еще при жизни, назначаетъ Иисуса вмѣсто себя законодателемъ и вождемъ поспѣвающихъ въ землю обѣтованія? Объ Ааронѣ же и Орѣ, которые поддерживали руки Моисеевы на горѣ, чтобы Амаликъ побѣжденъ былъ Крестомъ, издалика преднаписуемымъ и прообразуемымъ , почитаю для себя удобнымъ и не говорить, какъ о примѣрѣ для меня весьма несвойственномъ и неприличномъ ; потому что Моисей избралъ ихъ не участниками въ законодательствѣ, но помощниками въ молитвѣ и подпорою для утомленныхъ рукъ. Но у тебя что стра-

ждать? что утомлено? Тѣло ли? — Я готовъ поддерживать, даже поддерживалъ, и самъ поддержанъ, какъ Іаковъ, отеческими благословеніями. Или духъ? — Но въ комъ онъ крѣпче и пламеннѣе, особенно теперь, когда болѣе и болѣе подчиняется и уступаетъ ему плотское, какъ вещество, противопоставленное свѣту, преграждающее его и препятствующее сіянію? Ибо плоть и духъ всего чаще враждуютъ между собою, и противоборствуютъ другъ другу; и какъ тѣло бываетъ въ добромъ состояніи, когда болѣзнуетъ душа, такъ душа цвѣтетъ и простираетъ взоры горѣ, когда желаніе удовольствій утихаетъ и увидаетъ вмѣстѣ съ тѣломъ. Но въ тебѣ удивился я еще простотѣ и смѣлости, какъ не убоялся ты (чего весьма должно опасаться въ настоящія времена), чтобы твоей духовной ревности не почли однимъ предлогомъ, и не показалось многимъ, будто бы званіе сіе принимаемъ для плотскихъ цѣлей, хотя и представляемъ на видъ духовную пользу. Ибо многіе сдѣлали то, что оно почитается великимъ, самовластнымъ и доставляющимъ какую-то чудную пріятность, хотя бы надлежало быть предстоятелемъ и правителемъ паствы, которая еще менѣе обширна, нежели наша, и приноситъ болѣе досадъ, нежели удовольствій. Сего довольно о твоей простотѣ, или о твоёмъ чадолюбіи, по которымъ ты и самъ не предпринималъ ничего вреднаго, и другихъ рѣдко въ томъ подозрѣваешь: ибо кто съ трудомъ преклоняется на зло, тотъ медлитель и въ подозрѣніи худаго. А я долженъ еще предложить краткую бесѣду сему твоему, или н моему, народу.

Мнѣ сдѣлано принужденіе, друзья и братія, — къ вамъ буду взывать теперь, если не взывалъ тогда. — сдѣлано старостію отца и (выражусь скромно) благосклонностію друга (а); помогите мнѣ, кто сколько можетъ, и подайте руку угнетаемому и увлекаемому то собственнымъ желаніемъ, то Духомъ! Одно предлагаетъ мнѣ бѣгство, горы и пустыни, безмолвіе душевное и тѣлесное, совѣтуетъ удалиться умомъ въ самого себя, и отвратиться отъ чувствъ, чтобы неоскверненному бесѣдовать съ Богомъ и чистому озаряться лучами Духа, безъ всякой примѣси дольняго и омраченнаго, безъ всякихъ прегражденій Божественному свѣту, пока не прииду къ Источнику здѣшнихъ озареній, и не буду остановленъ въ желаніи и стремленіи тѣмъ, что зеркала упряднятся дѣйствительностію. А Духъ требуетъ, чтобы я выступилъ на-среду, принесъ плодъ обществу, искалъ для себя пользы въ пользѣ другихъ, распространялъ просвѣщеніе, приводилъ къ Богу люди избранны (Тит. 2, 14.), царское священіе, языкъ святъ (1 Петр. 2, 9.), и сдѣлалъ, чтобы въ большемъ числѣ людей очищался образъ. Ибо какъ въ сравненіи съ однимъ растеніемъ лучше и больше садъ, въ сравненіи съ одною звѣздою — цѣлое небо и всѣ его украшенія, и въ сравненіи съ членомъ — тѣло: такъ и предъ Богомъ цѣлая и благоустроенная Церковь предпочтительнѣе одного человѣка. И надобно имѣть въ виду не себя только, но и другихъ; потому что и Хри-

---

(а) Св. Василия Великаго.

стось, Которому можно было пребывать въ Своей чести и Божествѣ, не только истощилъ Себя до зрака раба (Филип. 2, 7.), но и крестъ претерпѣлъ, о срамотъ нерадивъ (Евр. 12, 2.), чтобы Своими страданіями истребить грѣхъ и смертію умертвить смерть. Таковы предначертанія моего желанія, и таковы велѣнія Духа! Стоя между желаніемъ и Духомъ и недоумѣвая, чему въ большей мѣрѣ предаться, вотъ что нашель я, какъ разсуждаю, лучшаго и безопаснѣйшаго; сообщу и вамъ, чтобы вы вмѣстѣ со мною изслѣдовали и утвердили мое намѣреніе. Я разсудилъ, что всего лучше и безопаснѣе соблюсти средину между желаніемъ и страхомъ, и въ одномъ уступить желанію, въ другомъ—Духу. А сіе нашель я возможнымъ, если не вовсе буду убѣгать служенія, чтобы не отринуть благодати, что было бы опасно; и не возьму на себя бремени выше силъ своихъ, что было бы тягостно. Для перваго нужна другая голова, для послѣдняго—другія силы; вѣрнѣе же сказать, то и другое высокоумно. Напротивъ того благочестиво и вмѣстѣ безопасно соразмѣрять служеніе съ силами и, какъ поступаемъ при употребленіи пищи, что по силамъ, принимать, а что выше силъ, оставлять. Ибо такъ умѣренностію въ томъ и другомъ приобрѣтается и тѣлесное здравіе и душевное спокойствіе. Посему-то соглашаюсь теперь раздѣлять попеченія съ добрымъ отцемъ, какъ съ большимъ и высокопарнымъ орломъ летающій близъ него невовсе неопытный птенецъ. А потомъ предамъ крылья свои Духу—нести, куда угодно, и какъ угодно; и подъ Его руководствомъ никто не принудитъ и не поведетъ

меня и нуду. Ибо хотя пріятно наслѣдовать отцевы труды, и привычная паства пріятнѣе незнакомой и чужой (присовокупилъ бы еще, — и многоцѣннѣе предъ Богомъ, если только не обманываетъ любовь, и настоящихъ чувствованій не закрываетъ привычка); однакоже полезнѣе и безопаснѣе начальствовать желающимъ и надъ желающими. Да и по закону нашему должно водить не насильно, и не нуждею, но волею (1 Петр. 5, 2.). И другое начальство не можетъ утвердиться принужденіемъ; управляемое съ насиліемъ при всякомъ удобномъ случаѣ старается освободиться: тѣмъ паче наше, не столько начальство, сколько дѣтвоежденіе, всего болѣе соблюдаетъ свободу. Ибо тайна спасенія для желающихъ, а не для насильствуемыхъ.

Таково мое вамъ, братія, слово, сказанное просто, со всякимъ благорасположеніемъ; такова тайна моего сердца! Да превозможетъ то, что для васъ и для меня будетъ полезно, и дѣлами нашими да управить Духъ: ибо опять возвращается слово мое къ Духу, Которому предалъ я самого себя и главу, помазанную елеемъ совершенія во Вседержителѣ Отцѣ, въ Единородномъ Сынѣ и во Святомъ Духѣ и Богѣ. Ибо доколѣ намъ скрывать свѣтильникъ подъ спудомъ и какъ бы лишать другихъ совершеннаго Божества? Время поставить истину сію (б) на свѣщникъ, да свѣтитъ она всѣмъ Церквамъ и душамъ, и всей полнотѣ вселенной, не догадочно

(б) Ученіе о Божествѣ Духа Святаго.

предлагаемая, не мысленно только преднаписуемая, но изрекаемая явно, какъ совершеннѣйшее обнаруженіе богословія въ сподобившихся сея благодати чрезъ самаго Иисуса Христа, Господа нашего, Которому слава, честь и держава во вѣки. Аминь.

С Л О В О 13,

ПРОЖИЗНЕННОЕ ПРИ РУКОПОЛОЖЕНІИ ЕВЛАДІА ВЪ ЕПИСКОПА ДОАРСКАГО.

Примите, братія, слово мое, хотя оно весьма кратко и далеко отъ совершенства. Но Владыка Богъ знаетъ, какъ праведнымъ судомъ взвѣшивать милость; ибо пріемлетъ и Павлово насажденіе, какъ Павлово, и Аполлосово напоеніе (1 Кор. 3, 6.), и двѣ лепты вдовицы (Лук. 21, 3.), и смиреніе мытаря (18, 14.), и Манассіино исповѣданіе (2 Пар. 33, 13.). Примите и вы новосоставленное слово о новопоставленномъ Пастырѣ. Примите гласъ благодаренія за видимыя нами чудеса. Хотя мы малы и послѣдніе въ сынахъ Израилевыхъ: но благодарить богато ничто не препятствуетъ и малымъ. Конечно, совершеннѣйшіе воздадутъ Богу и хвалу совершеннѣйшую: а мы принесемъ ему нынѣ, какою можемъ.

Итакъ *воспойте Господеву пѣснь нову, яко дивна сотвори* (Пс. 97, 1.)! Мы были обуреваемы волнами, побораемы, изгоняемы; одинъ бѣдствія уже угнетали насъ, а другія угрожали намъ. Кто же премѣнилъ бурю въ тихій вѣтръ? Кто сокрушилъ оружіе, мечъ и брань? Кто принялъ насъ изгнан-

ныхъ и отверженныхъ? Не Ты ли, Боже, сотворилъ сіе? *Господь крѣпокъ и силенъ, Господь силенъ въ брани* (Пс. 23, 8), — Онъ разсѣкъ море, Онъ питалъ въ пустынѣ народъ бѣгствующій, пославъ ему чудный дождь (а), Онъ источилъ воду изъ камня, Онъ побѣдилъ Амалика неизъяснимымъ и таинственнымъ воздѣяніемъ рукъ (ибо руки священника, воздвигаемыя на горы и принимающія молитвенное положеніе, совершили то, чего не могли сдѣлать многія тысячи); Онъ разрушилъ стѣны безъ стѣнобитныхъ орудій и битвы; скажу наконецъ, Онъ низложилъ Голіаѳа, гордаго и надменнаго потомка исполиновъ, дерзнувшаго выдти противъ великаго Давида. Посему скажемъ единодушно: *Благословенъ Господь, иже не даде насъ въ ловитву зубомъ ихъ; потокъ преиде душа наша, яко птица избавися отъ сѣти ловящихъ* (Пс. 123, 4. 6. 7.); присовокупимъ и прочее, что вѣщаетъ душа, обрадованная великимъ даромъ Божиимъ.

Я шелъ, чтобы принести не мечъ, но миръ. Я шелъ не къ посрамленію великаго Пастыря (б), который предсѣдательствуетъ въ славномъ городѣ (в). Знаю, что онъ достопочтенъ, признаю его главою, именую святымъ, хотя и потерпѣлъ обиду; пусть онъ только будетъ чадолюбивъ и печется о своей Церкви. Я старался увеличить, а не сократить чи-

---

(а) Манну.

(б) Василия Великаго.

(в) Въ Кесаріи.

сло іереевъ; низложить еретиковъ, а не уменьшить число православныхъ.

Что говоришь ты, сынъ Даана и Авирона (г), невразумляющійся вождь, осмѣлившійся востать противъ Моисея и поднять на насъ руки, какъ тѣ отверзали уста на великаго раба Божія? И ты не пришелъ въ ужасъ? ты не устыдился? не разсыпалась плоть твоя по землѣ, когда злоумышлялъ сіе? И послѣ сего будешь простирать тѣже руки къ Богу? станешь приносить Ему дары, молиться о народѣ? Боюсь, чтобы мечъ Божій и до того не остался въ бездѣйствіи и покоѣ. Ты Пастырю своему не сдѣлалъ ничего важнаго, а себѣ причинилъ весьма много вреда, отчуждивъ себя отъ благодати Божіей.

Теперь приступи, лучшій и совершеннѣйшій изъ Пастырей (д), и вмѣстѣ съ нами, или еще прежде насъ, прими народъ свой, который поручилъ тебѣ Духъ Святой, который приводятъ къ тебѣ Ангелы, который пріобрѣли тебѣ твоя жизнь и добрые нравы! Не удивляйся же, что наследуешь престолъ при различныхъ искушеніяхъ и препятствіяхъ. Ничто великое не бываетъ безъ искушенія и испытанія; ибо по естественному порядку маловажное сопровождается удобствомъ, а высокое трудностію. Ты слышалъ сказавшаго, *яко многими скорбми подобаетъ*

(г) Сіи и послѣдующія слова относятся къ Анеиму, Епископу Тіанскому, который былъ во враждѣ съ Василиемъ Великимъ.

(д) Рѣчь обращена къ Евлалію.

намъ внити въ царствіе небесное (Дѣян. 14, 22.), скажи и самъ: *приидохомаъ сквозъ огонь и воду, и извелъ еси ны въ покой* (Пс. 65, 12.). О чудо! *вечеръ водворися плачь, и за-утра радость* (Пс. 29, 6.). Пусть кричатъ враги и расширяють уста какъ псы, которые лають попустому, а мы не будемъ вести брани. Учи поклоняться Богу Отцу, Богу Сыну, Богу Духу Святому, въ трехъ Упо-стасяхъ, въ единой же славѣ и свѣтлости. *Погибшее възъщи, немощное укрьпи, крьпкое снабди* (Іезек. 34, 16.). Мы ожидаемъ отъ тебя такого же благо-искусства въ дѣлахъ духовныхъ, какое ты, какъ извѣстно намъ, имѣешь въ мірскихъ. Итакъ прими отъ высшихъ вождей совершеннѣйшее вооруженіе, посредствомъ котораго возможешь *стрѣлы лукаваго разженныя угасити* (Еф. 6, 16.), и предста-вить Господу *люди избранны* (Тит. 2, 14.), *языкъ святъ, царское священіе* (1 Петр. 2, 9.), во Хри-стѣ Іисусѣ Господѣ, Которому слава во вѣки, аминь.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ТВОРЕНІЯ СВ. ГРИГОРІЯ БОГОСЛОВА.

	Стран.
СЛОВО 1, на Пасху и о своемъ замедленіи.	5.
СЛОВО 2, къ призваннымъ въ началѣ, но не срътвившимъ Св. Григорія, когда онъ сталъ пресвитеромъ.	10.
СЛОВО 3, въ которомъ Григорій Богословъ оправдываетъ удаленіе свое въ Понтъ, по рукоположеніи въ пресвитера, и потомъ возвращеніе оттуда; так- же учить, какъ важенъ санъ Священства, и каковъ долженъ быть Епископъ.	16.
СЛОВО 4, первое обличительное на царя Юліана.	84.
СЛОВО 5, второе обличительное на царя Юліана.	179.
СЛОВО 6, о мирѣ, говоренное въ присутствіи отца, пос- лѣ предшествовавшаго молчанія, по случаю воз- соединенія монашествующихъ.	217.
СЛОВО 7, надгробное брату Кесарію, говоренное еще при жизни родителей.	241.
СЛОВО 8, надгробное Горгоніи, сестрѣ Св. Григорія Назіанзина.	268.
СЛОВО 9, защитительное, по рукоположеніи Св. Григо- рія Богослова въ Епископа Сасимскаго, гово- ренное имъ отцу своему Григорію, въ присут- ствіи Василія Великаго.	289.

II

	Стран.
СЛОВО 10, защитительное, по возвращеніи Св. Григорія Богослова изъ уединенія, говоренное имъ отцу своему и Василю Великому.	295.
СЛОВО 11, говоренное брату Василю Великому, Св. Григорію, Епископу Нисскому, когда ояъ пришелъ къ Св. Григорію Богослову, по рукоположеніи его въ Епископа.	299.
СЛОВО 12, говоренное отцу, когда поручилъ ему попеченіе о Назіанзской церкви.	307.
СЛОВО 13, произнесенное при рукоположеніи Евмалія въ Епископа Доарскаго.	314.

ПОГРЪШНОСТИ.

Напечатано:

Должно читать:

страни. стл.ок.

11.	26.	ни съднѣ	съднѣ
12.	4.	со мною,	со мною
—	15.	о женихъ	о Женихъ
14.	24.	вѣденіе	вѣдѣніе
17.	6.	обвиняющихъ	обвиняющихъ
17.	24.	невѣденію	невѣдѣнію
18.	31.	достаточнѣ	досточтимѣ
19.	5.	Богомудре	богомудре
30.	31.	открыть	окрылить
31.	4.	Богомъ	богомъ
34.	17	18. и и	и
36.	30.	Истиннаго	истиннаго
41.	19.	истиннъ?	истины?
47.	23.	деньги;	деньги,
54.	7.	Господня.	Господня
71.	23.	животныхъ	животныхъ,
72.	11.	благороднаго	благоугоднаго
79.	31.	онъ	отъ
86.	14.	его	Его
97.	31.	Самъ	Симъ
106.	5.	передалъ	предалъ
144.	2.	страдальца,	страдальца
—	15.	тискали сгнетами	тисками сгнетами
148.	15.	поручено,	поручено;
158.	7.	значенія,	значеніе,
—	19.	тоже	тоже,
164.	6. 7.	по-истиннѣ	по-истиннѣ
165.	29.	посвятившихъ	для посвятившихъ
167.	30.	Намѣкъ	Намекъ
172.	27.	одеждою.	и одеждою.

II

<i>стр.</i>	<i>стр.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно читать:</i>
—	30.	и таковы,	не были таковы,
76.	27.	А денегъ-то	Деньгъ же
177.	1.	всякаго	вмѣсто всякаго
178.	4.	обоженія	обоженія
179.	18.	а когда	и когда
186.	19.	таковово:	таково:
193.	25.	облеченный	облеченный
199.	21.	исчесло	исчезло,
202.	22.	въ запусъвннн,	въ запусъвннѣ,
218.	21.	по Богъ,	по Богу,
251.	17.	устанавляютъ;	устанавливаютъ;
258.	8.	что	(что
264.	20.	вождьленнаго	вождедѣннаго
274.	27.	по косямъ	по когтямъ
287.	2.	построннѣ,	постороннѣ,
093.	4.	разстояннѣ?	разстояннѣ!
302.	7.	покорности	непокорности
310.	2.	тогда.	тогда,

